

Вячеслав Кумин Падение рая

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

«Вячеслав Кумин «Падение рая»»: «Ленинградское издательство»; СПб; 2008
ISBN 978-5-9942-0088-9

Аннотация

Спустя 2000 лет взвод лейтенанта Камышова, замороженный в горах под лавиной, получил шанс на вторую жизнь – ведь только воины из прошлого способны спасти земную цивилизацию от космического вторжения.

Вячеслав Кумин Падение рая

Пролог

Земля. Наши дни, где-то в одной из «горячих точек»...

Недельное преследование противника подходило к концу. Разведвзвод лейтенанта Камышова, выполняя несвойственную ему роль преследователя, вышел на заброшенный полустанок, словно на блокпост, охранявший «железку», ведущую к такому же заброшенному золотому прииску.

Где-то здесь бандиты укрылись вместе с заложниками, мирными строителями, используя их как живой щит от возможного авиаудара со стороны федеральных сил. К прииску, где спрятаться гораздо легче, они добраться уже не успевали – погоня наступала на пятки, и они это знали.

Позади остались десятки тяжелейших заснеженных перевалов, в горах от нехватки кислорода солдат быстро покидали силы, этому способствовал и глубокий снег. Бойцам

приходилось подолгу отдыхать на стоянках, чтобы организм акклиматизировался к тяжелым условиям, и накапливать силы для очередного перехода через кручи.

Лейтенант понимал, что боевики тоже выдохлись. Они хоть и знали здесь все и вся, привыкли к жизни в горах с самого рождения, но все равно находились в роли убегающих. К тому же боевикам приходилось тащить за собой пленников, без живого щита их давно бы уже уничтожила «касатка» – штурмовой вертолет Ми-24. Так что силы были примерно равны, как у тех, кто убегал, так и у тех, кто преследовал.

Лейтенант иногда терял след боевиков, но он воевал здесь достаточно долго, чтобы отыскать его вновь даже по едва различимым признакам.

В последний раз, например, они нашли труп пленного рабочего. Видимо, он совсем выбился из сил, и потому его убили, так как он стал обузой и мешал движению.

Солдаты оставили его лежать как лежал, боясь выдавать себя взрывом, если под трупом вдруг окажется граната. Боевики любили такие «шутки». Впрочем, и у федералов имелись свои излюбленные и не всегда законные приемы.

Дальше след был четким. Бандиты перли напролом, не скрываясь, своим звериным чутьем чувствуя, что уже далеко уйти не смогут и нужно отсидеться и решить, как действовать дальше: с боем идти на прорыв или же сдаться на милость правосудия, или же придумать что-то еще.

– Чуй, ты видишь их? – спросил лейтенант у снайпера.

Раскосый выходец из северных народов отрицательно мотнул головой, не отрываясь от окуляра оптического прицела.

– И я не вижу, – горестно сказал лейтенант, отстраняя бинокль от глаз.

Если не видел Чуй, то ему вообще смотреть бесполезно. В остроте зрения своего ефрейтора лейтенант не сомневался.

Группа залегла за низенькими деревьями в четырехстах метрах от полуразрушенных зданий полустанка и прилегавшего к ним поселка.

– Где же они, мать их?...

Здания выглядели безжизненными. Нигде нет никакого движения или видимых на земле следов пребывания бандитов. Они умели прятаться...

«Этого у них не отнять», – мрачно подумал лейтенант. Ну, не уважать же их за то, что они умеют прятаться?...

Крепче всех выглядело административное здание. Оно и понятно, кирпич лучше держал удары стихии, чем тонкие доски из мягких пород древесины. Но это не значит, что боевики засели именно там, хотя как знать? Извращенная человеческая логика на войне делала свои, подчас необъяснимые, загогулины, и боевики могли оказаться именно в этом самом крепком здании, где по логике их быть не должно.

Ночь в горах наступала быстро, едва солнце скрывалось за далеким хребтом, как тут же опускалась темнота. А вместе с темнотой усиливался пронизывающий ветер, становилось еще холоднее.

К лейтенанту подошел радист, протягивая наушники с переговорным устройством, провод от которого тянулся к тяжелой рации за спиной рядового Землемчука.

– Что? – задал в общем-то ненужный вопрос лейтенант Камышов: если пришел радист и протягивает трубку рации, значит, дело серьезное.

– Вас вызывает полковник Градский.

– Давай его сюда...

Лейтенант раздраженно взял наушники. Любой незапланированный выход на связь мог обернуться для его группы гибелью. У боевиков отличная аппаратура, легко уместившаяся в руке, вместо этих «гробов» на спине у войсковых радистов. Оставалось только удивляться, как это худосочный Шура мог таскать такую тяжесть по горам.

– Слушаю вас, господин полковник.

– Ромео, воздушная разведка докладывает, что в вашу сторону движется большая группа боевиков. Мы нанесли по ним удар, но сам понимаешь, даже потеряв половину своих

бойцов, от своей затеи они не откажутся. К тому же мы их посеяли. Они наверняка разбились на мелкие группы по три-четыре человека...

– Как близко они от нас? – быстро спросил лейтенант, зная, что при таком раскладе боевиков действительно практически невозможно найти. Плюс темнота...

– Очень близко. Сегодня же ночью они будут у вас. Часа через два, не больше... если не меньше.

– Та-а-ак... – недовольно протянул лейтенант. Он, как и полковник знал, что, разбившись на мелкие группы, боевики двигаются значительно быстрее. Это путало его карты. – Уж лучше бы вы не наносили по ним удар.

– Авиация работала сама. Я не мог сказать, что вы в этом районе, – оправдывался Градский. – Сам понимаешь, у боевиков везде есть уши.

По всему выходило, что из загонщиков они через два часа сами превратятся в дичь. «Ладно, не в первый и не в последний раз», – обреченно подумал лейтенант имевший шутовские позывные «Ромео». Но боевую задачу надо выполнить, а это в свете последней информации сильно усложнялось.

– Та-а-ак... Вас понял.

– Твои предложения, лейтенант.

– А чего тут предлагать? Мочим их в сортире, как завещал нам наш верховный главнокомандующий, и уматываем.

– Я понимаю, ты не сентиментален, но как насчет заложников... – напомнил полковник.

– М-да...

Из десятка строителей осталось только четверо. Остальных боевики порешили во время перехода как недостаточно подвижных и выносливых. Лишняя ноша боевикам ни к чему.

– Я имел в виду, что освобождаем заложников и валим всех бородатых, – поправился Камышов. – Но вы должны понимать, что операция не подготовлена. Я не могу ручаться...

– Но это не значит, что нельзя и пытаться.

– Конечно, господин полковник...

Он вдруг с неприятным чувством внутренней пустоты понял, что потерял всякое уважение к человеческой жизни, не говоря уже о жизни боевиков, и даже ни в чем не повинные заложники стали восприниматься им как помеха.

«Пора в отпуск, – невесело подумал лейтенант. – Вот только кто мне его даст?...»

– Хорошо, действуйте.

– Вас понял. Для эвакуации нужен вертолет не позднее чем через час.

– Э-э... с этим проблема...

– Не понял! – повысил голос Камышов, рискуя выдать себя. Звук в горах разносится далеко. – Что значит «проблема», господин полковник?!

– Все вертушки на задании. Тут еще журналисты приперлись на ночь глядя, права человека, то да се... опять-таки им транспорт нужен... они сейчас улетают обратно, только что сели в вертолет...

– Бардак... Вертолет с огневой поддержкой должен быть через час, иначе я вообще ни за что не отвечаю. Конец связи.

Лейтенант вне себя от злости нажал кнопку отбоя. И раньше возникали мелкие осечки, то кормежку несъедобную привезут на базу, то с боеприпасами напряженка, но все это еще терпимо и достаточно быстро решалось. Но то, что происходило теперь, его выводило из себя. Так получилось, что наемников-контрактников бросали в бой, не слишком заботясь об их дальнейшей судьбе.

Усилием воли он заставил себя успокоиться, ведь нужно еще освободить заложников, приказ никто не отменял. «Это мне еще повезло с командиром, – усмехнувшись, подумал Камышов. – Другим вообще такие дуrolомы попались. Своих солдат за людей не считают».

Лейтенант еще раз осмотрел местность, на которой им предстояло действовать. В небольшом тупичке стояло несколько цистерн, что находилось внутри них – оставалось

загадкой, никаких надписей, кроме полустершихся цифр не имелось. Удивляло, что их еще не сперли на «самовары», для переработки краденой нефти в низкопробный бензин. «А может, их сюда для того и пригнали, чтобы эти самые „самовары“ и сварганить?» – мимолетно подумал лейтенант Камышов.

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения, и было принято к сведению лишь как возможное укрытие. Уничтожать подобные заводики было задачей совсем других подразделений, а в его обязанность входило лишь доложить об их обнаружении командованию.

Метрах в ста от железной дороги гора высилась стеной. Метров в трехстах по другую сторону от дороги находилась небольшая впадина, где под коркой льда тек никогда не замерзающий горный ручей, а дальше снова начинался довольно пологий спуск. И все это покрывал рыхлый свежий снег.

– Старшина... Виктор!

– Извини, слушаю Ромео.

– Возьмешь свою половину бойцов и зайдешь со стороны цистерн. Я пойду напрямую. Чуй, будешь нас прикрывать, найди место...

– Но Ромео! С такой оптикой...

– Я понимаю, ночника нет, но это все же лучше, чем ничего. Вспомни своих предков-охотников, они вообще без прицелов обходились. Ты же сам говорил, они попадали белке прямо в глаз, чтобы шкуру не испортить. Так что соответствуй.

– Скажете тоже...

– Действуем по стандартной схеме, а там уж как получится...

– Лейтенант, мне одно непонятно, – с сомнением сказал старшина Фрейндлих.

– В чем дело?

– Почему они засели здесь? Практически на открытом пространстве. Без защиты, ну не будем же мы считать защитой эти ветхие домишки... Тут что-то не так.

– Полностью с тобой согласен, но другого пути у нас нет. Либо мы сейчас накроем эту банду, либо они еще всласть попьют нашей кровушки. Все, мы не девочки, пошли.

Старшина со своим десятком солдат стал забирать вправо и вскоре перевалил через железнодорожную насыпь, скрывшись с глаз за щебнем.

Лейтенанту предстояло пройти самую опасную часть пути. Он двигался напрямик. Белоснежные маскхалаты, конечно же, скрывали его на фоне столь же белого снега да еще в темноте, но он также понимал, что и боевики не первый день воюют и в случае чего смогут отличить настоящий неподвижный сугроб от движущегося.

Но лейтенант надеялся, что ничего плохого не произойдет, а в случае чего Чуй не подведет, и одновременно с хлестким выстрелом снайперской винтовки можно будет отбросить всякий камуфляж.

Но, к счастью, пока никаких выстрелов не звучало, и Роман Камышов продолжал ползти к зданиям, используя любые складки местности, осторожно перебрасывая автомат по земле, следя за тем, чтобы ствол и прицел не забился снегом, и это не помешало бы в самый ответственный момент.

До зданий оставалось метров сто. Лейтенант надеялся, что ветерок донесет до него хоть какие-то звуки или запахи, по которым можно сориентироваться в дальнейшем направлении движения, но вместо этого ветер от цистерн пригнал едкий запах какой-то технической жидкости, не то растворителя, не то еще чего-то. Лейтенант в этом не разбирался.

– Я на месте, – доложил старшина Фрейндлих по радиии близкого радиуса действия.

– Видишь что-нибудь?

– Ничего. Будто и нет здесь никого.

«А может, здесь действительно никого нет?» – вдруг подумал Камышов. Но он тут же прогнал эти мысли. Боевики здесь, иначе и быть не могло. Ночью даже они по таким кручам двигаться не рисковали. Опять же с ними заложники.

– Здесь они, здесь, – убеждая себя, проговорил лейтенант. – Занимайте позиции. Мне

тут немного осталось.

Отделение лейтенанта медленно, но верно добралось до передних зданий, вот только свежий снег предательски скрипел при неосторожном движении там, где намело сугробов чуть больше. Казалось, этот скрип слышно за километр в округе.

Солдаты быстро заняли свои места, уставив стволы автоматов во все стороны, вглядываясь в подозрительные проемы пустых глазниц окон.

Роман оглянулся, позади его отряда оставались темные углубленные дорожки. «Слишком заметно, — критически подумал он, — следы как от беременных черепах, выползших на пляж для кладки яиц».

Но сейчас было не до любования пейзажем, к тому же ничего уже нельзя переиграть, и лейтенант коротко махнул рукой, показывая, что можно начинать осмотр ближайших домов.

Бойцы продвигались вперед со всей возможной осторожностью так, что даже снег не скрипел. Прежде чем быстро заглянуть в окно для проверки наличия заложников или часовых, приходилось подолгу вслушиваться, и если никаких подозрительных звуков не доносилось, лишь после этого осматривать внутренние помещения разграбленных мародерами домиков, состоящих из четырех голых стен и выбитых дверей, с поднятыми полами.

Несколько зданий было проверено и предстояло пройти довольно большое пространство до следующей группы домов. Лейтенант успел сделать только пару шагов, как началась стрельба и все мгновенно залегли.

Сначала раздался выстрел Чуй. Среди домов кто-то громко вскрикнул, и в следующую секунду началась шквальная пальба. Среди зданий то тут, то там заплясали язычки пламени, это стреляли боевики. Этим они выдали себя, чем не преминул воспользоваться Чуй. И еще пара боевиков надолго вышла из игры.

«Чего-то мы недосмотрели, — с досадой отметил лейтенант Камышов. — Зацепили какую-то ловушку».

Воспользовавшись небольшим затишьем, лейтенант скомандовал:

— Назад!

И десять бойцов бросились за своим лейтенантом, быстро преодолевая оставшееся пространство до крайних строений. Остаться там, где они находились, нельзя из-за угрозы окружения. За спиной лучше иметь чистое пространство, где их сможет прикрыть Чуй и они сами смогут видеть врага.

Их, естественно, заметили, и снова начался обстрел. Один из солдат вдруг остановился как вкопанный и в следующую секунду безвольно рухнул в снег.

— Черт...

Теперь уже стало не до заложников. Лейтенант и раньше понимал, что эффект внезапности скорее всего не сработает, и сейчас он в этом убедился.

Боевики наседали, шквальным огнем обдавая три хлипких домика, за которыми спрятались солдаты лейтенанта. В их сторону летели гранаты, но пока без особого успеха.

— Ложись! — дав короткую очередь, крикнул Камышов солдатам, засевшим рядом с ним.

Теперь он понимал, почему боевики предпочли остаться здесь, а не идти дальше. Оказывается, среди этих руин у них склад оружия и боеприпасов. Иначе чем можно объяснить тот факт, что в свете автоматных вспышек в руках одного из боевиков Камышов заметил тяжелый противотанковый гранатомет. С такой тяжестью по горам и десяти километров не сделать.

Раздался взрыв, и хлипкую противоположную стенку как ветром сдуло. Лейтенант впал в легкую прострацию, ничего не слыша и не понимая, хватая воздух ртом, как рыба, выброшенная на сушу.

После взрыва в бой вступило отделение старшины Фрейндлиха, отвлекая на себя часть боевиков.

Солдаты вели скупой перекрестный обстрел улиц селения, имеющего двадцать-

тридцать домов, и стало понятно, что операция по освобождению провалилась. Лейтенант уже и сам не понимал, на что он надеялся, когда отдал приказ о штурме. «Это я от безысходности на амбразуру полез», – попытался оправдаться перед самим собой Роман Камышов, в следующую секунду понимая, что это для него не оправдание.

Боевики, в отличие от солдат, у которых даже подствольников не имелось, патронов не жалели и огрызались длинными пулеметными очередями, добавляя из легких одноразовых гранатометов «муха».

Бой продолжался уже более получаса, а изменений никаких не происходило. Среди солдат появились раненые и контуженные, но им удавалось удерживать позиции и даже занять еще пару зданий взамен разрушенных, чтобы иметь более широкий сектор обстрела.

Несли потери и боевики, в основном от снайперского огня Чуя, поэтому тоже особо не высывались, понимая, что противнику деваться некуда и нужно лишь перегруппироваться, чтобы уничтожить его при поддержке идущего к ним подкрепления.

– Что будем делать, командир? – спросил по рации старшина, понимая, что ситуация после часового боя зашла в тупик. – Они ведь просто выжидают, когда к ним подойдет подкрепление. К тому же у нас боеприпасы к концу подходят.

– Я знаю...

Но очередной взрыв, буквально разнесший дом на щепки, не оставил другого выхода, как отступить. Рядом с цистернами раздался взрыв.

– Виктор, что там у тебя? – с беспокойством спросил Камышов. Тот долго не выходил на связь, и лейтенант боялся, что там все убиты.

– Нормально... в цистернах дрянь какая-то... Симчук подсказывает, что это антифриз... пил, говорит, раньше, потому и знает... только тут еще какое-то масло намешано. Хорошо, что не вспыхнуло... чудом, иначе бы все поджарились...

– Отходим, старшина. Нам тут делать больше нечего...

– Отходите, я прикрою.

– Давай.

Со стороны железной дороги усилился обстрел, и лейтенант приказал своему отделению отходить обратно в лес. Солдаты подхватили своих раненых и убитых товарищей и, отстреливаясь стали быстро отходить тем же путем, что и пришли.

«Это моя самая бездарная операция», – казнил себя Камышов.

Думая о своем, лейтенант на полпути до спасительных зарослей споткнулся и сразу же ощутил, что барахтается в какой-то луже, но явно не в воде, так как воняла жидкость паршиво. Одежда вмиг намочила и стала тяжелой, словно в нее напихали свинца.

В этот же антифриз, поскользнувшись, повалились и остальные бойцы. Послышался приглушенный мат и проклятья, адресованные всем и вся.

Со стороны насыпи появились тени.

– Не стреляй, это мы!

– Что случилось, старшина?! Почему...

Но на все вопросы ответили новые тени и автоматные вспышки, от которых несколько солдат упало в мокрый снег. Кто просто поскользнулся, а кого настигли вражеские пули, уже не разобрать.

– Подкрепление к бородатым подошло, – ответил старшина на вопрос лейтенанта. – Прямо к нам в тыл.

– Черт! Быстро они...

– Спринтеры, мать их...

Поредевший взвод лейтенанта сбился в кучу, продолжая отстреливаться от окружавших их со всех сторон боевиков, которые подступали все ближе и ближе. Понимая, что солдатам деваться некуда, боевики предложили сдаться, но таким тоном, что становилось понятно – в живых не оставят.

– Вертолет...

– Что? – не понял Роман Камышов, страдавший контузией, отчего слух его сейчас

подводил.

– Кажется – вертолет.

И действительно из-за хребта перевала появилась винтокрылая машина. Солдаты ее не видели, но отчетливо слышали. Кто-то запустил ракетницу, чтобы обозначить себя и показать, что все кто не здесь – враги.

Пилот понял все правильно, и в небе появились яркие точки неуправляемых ракет, которые били точно по железной дороге и засевшим там боевикам.

– Вот черт... – прошептал лейтенант, когда увидел, что произошло.

От взрывов ракет разлившийся антифриз загорелся, и жаркая волна пошла вниз к солдатам, вымокшим в нем. В довершение ко всему ракета сбила столб линии электропередачи, и заискрившиеся голубыми вспышками оборванные провода, упали в эту горящую массу.

Горящие солдаты валялись в жиже, которая забивалась в рот и нос, выедала глаза. И в довершение ко всему их нещадно било током.

Огонь тоненькой дорожкой подобрался к еще одной пробитой пулями цистерне. Он охватил ее с боков, а затем пробрался внутрь через открытый сверху люк. Пары в один момент воспламенились, и раздался жуткий взрыв, на секунду осветивший ущелье как при ядерной вспышке.

Ударная волна сильно потрянула вертолет, и пилот от неожиданности нечаянно выстрелил ракетой, рефлекторно нажав на кнопку, вмонтированную в штурвал, схватившись за него, чтобы выровнять полет.

Посланник смерти ушел куда-то вверх, и через несколько секунд врезался в гору, породив еще один взрыв. Это стало последней каплей, и со склона горы понеслась снежная лавина.

Она смела все: цистерны, дома и корчившихся от боли солдат. Она увлекла их в свой поток, который с гулким ревом понесся дальше, вбирая в себя все новые снежные массы, уходя вниз, в ущелье.

– Вот черт... – выругался пилот «ночного охотника», наблюдая за всем этим в прибор ночного видения. Лавина получилась просто гигантских размеров и продолжала разрастаться. Рядом завис эвакуационный вертолет, но ему здесь уже нечего было делать.

1

Земля. Некоторое время спустя...

Мужчина ворвался в комнату, широко распахнув дверь, воскликнул с придыханием в голосе и огнем в глазах:

– О, моя любимая!

– Ах, Хулио! Ты здесь?! – вскрикнула женщина и бросилась навстречу мужчине.

– Моя любимая!

– Мой любимый!

Мужчина встал на колени, целуя женщине руки. Та часто задышала, закрыв глаза в предвкушении чего-то сладостного, а ее избранник, поднявшись на ноги, принялся страстно целовать лицо героини. Казалось, еще немного, и женщина упадет без чувств. Губы их медленно сближались, чтобы вскоре соединиться в долгом сладострастном поцелуе.

Но тут экран погас, будто его выключили, а через секунду изображение сменилось заставкой федерального информационного агентства с надписью: «Внимание!»

Смотревшие телевизор молодые люди, сжимавшие до этого друг другу ладони, быстро сели по разные стороны дивана, избегая смотреть друг на друга, будто родители застали их за каким-то постыдным занятием.

– На самом интересном месте... – глухо проворчал парень, глядя куда-то в сторону. – Надо жалобу написать... чтобы хотя бы давали досмотреть кульминационный момент...

– Может, случилось что-то серьезное, Иглессио, – попыталась сгладить неловкость

девушка.

– Как в прошлый раз? – с сарказмом спросил парень, наконец-то повернувшись лицом к своей подруге. – Сбежал домашний кролик, и попросили посмотреть в окно, не пробегает ли он мимо, а если пробегает, то сообщить в полицию. – И более раздраженно добавил: – Клетку нужно запирать лучше.

– Зря ты так... и потом это не местный канал, а федеральное агентство. А что касается кролика, то он мог попасть под автоматическую уборочную машину и сильно пострадать.

– Ты права, Амели... – понуро опустив голову, согласился Иглессио. – Я не заметил...

Амели ободряюще улыбнулась Иглессио и даже пододвинулась чуть ближе к нему. Ей самой было неприятно оттого, что так вышло.

– Внимание! – наконец зазвучал голос из динамиков телевизора. – Внимание! Просим всех собраться у телепередатчиков для ознакомления с важной информацией. Внимание!

– Собрались уже, – снова недовольно проворчал Иглессио. – Давайте уж...

За что поплатился строгим взглядом Амели.

Заставка исчезла, и появился диктор. Выглядел он, мягко говоря, не очень: глаза его были расширены от ужаса, волосы растрепаны, руки тряслись, и он даже не пытался этого скрыть. Все эти недочеты вызвали недоумение у телезрителей, привыкших к опрятно выглядящим телеведущим и не подозревавших, что может быть как-то иначе.

– Да что же такое произошло-то, в самом деле?! – почти в панике произнес Иглессио. – Можно подумать, будто на нас инопланетяне напали...

– Уваж...аемые дамы и господа, – поперхнувшись, произнес диктор. Попив воды из неведь откуда взявшегося стакана и беспомощно посмотрев куда-то в сторону, будто прося чьей-то поддержки, дребезжащим голосом и путаясь в строчках сообщения, перескакивая с одного предложения на другое, начал читать: – Произошла катастрофа... объявлена мобилизация... С системой Лазурит потеряна связь. На нее совершено нападение. Вот посмотрите...

Над плечом диктора возник квадратик репортажа, вскоре занявший все пространство экрана. Бесстрастная камера автоматического зонда запечатлела огромное пожарище. Горел один из городов, и все могли хорошо видеть, как пикировали едва различимые точки самолетов и дымной ниточкой уходили от них ракеты, врезаясь в здания и вызывая тем самым мощные взрывы, порождавших обширные разрушения.

Репортаж длился не больше десяти секунд, цензоры не хотели слишком сильно шокировать телезрителей, да и эпизод они выбрали самый безобидный из всех, которые им прислали из военного ведомства. Но ничего не показать тоже невозможно. Однако этого хватило, чтобы всех, кто видел репортаж, охватила либо паника, либо ступор.

Между тем диктор чуть не плача продолжал:

– Это антигуманное, анти... анти... это чудовищное преступление, как тут сообщается, совершено оуткастами! Это звучит невероятно, но это так. Граждане! Сохраняйте спокойствие! Объявлена тревога высшей категории. Граждане...

Телеведущий не выдержал и заплакал, сморкаясь в листок с правительственным сообщением. Чтобы окончательно не деморализовать население, его отключили и на экранах снова появилась заставка информационного агентства.

Амели не знала, сколько прошло времени, но, когда очнулась, шла все та же восьмьсот шестая серия популярного сериала «Санта-Кроче», только почему-то с самого начала. Она решила, что это был какой-то чудовищный сон, но, увидев дебильное выражение лица Иглессио, который до сих пор не пришел в себя и что-то монотонно бормотал, поняла, все случилось взаправду. Оуткасты совершили нападение.

Способность мыслить вернулась не сразу, но потом возникло великое множество вопросов, на которые у нее не было ответов.

Как? Почему? Зачем? Для чего? Как вообще могло такое произойти, и для чего нужны все эти жертвы и разрушения. И хотя жертв не показали, Амели не сомневалась, что их огромное количество.

Амели попробовала встать с дивана, но ноги не слушались. Возникло ощущение, будто они набиты ватой, а в животе что-то саднило. К горлу подкатывала противная тошнота, как после сотрясения мозга. Она даже пощупала голову руками, все ли в порядке и не являются ли эти жуткие картины следствием ушиба головного мозга при неудачном падении.

Пришел в себя Иглессио. Он непонимающе смотрел на телевизор, по которому показывали тот самый эпизод, на котором произошел обрыв вещания, а после прошла информационная передача, и вот когда поцелуй главных героев состоялся, парня вырвало прямо на пол.

– Ты куда? – спросил Иглессио, утершись.

Амели все же смогла преодолеть слабость, и, хотя ноги противно дрожали, ходить она могла.

– На работу.

– Зачем? Тут такое...

– Объявлена тревога высшей категории, – пояснила Амели.

– И что? – переспросил Иглессио. До него никак не доходило.

– Я медик. Я занимаю пост замдиректора в нашем исследовательском институте. В подобной ситуации я должна находиться на своем рабочем месте, чтобы... чтобы... в общем, я должна быть там.

– А я?

– Ты оставайся здесь. Ты оператор в оранжерее... тебя пока это не касается... пока.

Сочтя, что дальнейшие объяснения ни к чему, Амели быстро собралась и вышла на улицу, направившись к стоянке автомобилей, забыв, что машину можно вызвать дистанционно, просто нажав на кнопку пульта.

Обычно оживленный город встретил ее пугающей пустотой. Все сидели в своих домах, переваривая услышанное. Только изредка двигались машины, да быстро, затравленно оглядываясь, перебегали дорогу прохожие, будто оуткасты уже здесь, на Земле, и им вот-вот выстрелят в спину.

Машина на автопилоте домчала Амели до института за десять минут, вчетверо быстрее, чем обычно. На свои водительские способности она сейчас благоразумно не рассчитывала, хотя любила водить машину лично.

2

В институте было чуть оживленнее, чем в городе, но все равно народу намного меньше, чем обычно, не говоря уже о том, сколько должно находиться человек, когда устраивались учения по высшей категории. Но и эти учения проводились не на случай войны, а на случай техногенной или природной катастрофы.

При проведении учений люди выглядели сосредоточенно, гордясь своей работой и показывая всем, что они полноценные граждане. А сейчас сотрудники, бродившие из кабинета в кабинет, смотрелись жалко. Пустые глаза, недоуменные выражения лиц, опущенные плечи, кто-то даже садился на диванчики в коридорах, чтобы унять дрожь в ногах. Никто не понимал, что нужно делать, у всех просто вылетели из головы вызубренные наизусть параграфы на случай чрезвычайных ситуаций.

Амели сама еле добралась до своего кабинета и тяжело плюхнулась в кресло. Руки опускались. В голове царил настоящий кавардак, и мысли скакали, словно табун лошадей, мешали сконцентрироваться на прямых обязанностях.

На столе затрещал зуммер внутренней связи.

– Слушаю, – проговорила Амели, нажав кнопку соединения. На экране видефона появилось лицо директора института Чалино Ришмана.

– Хоть ты здесь, – облегченно сказал директор.

– Здесь, – тупо подтвердила Амели.

– Ты в норме? Способна думать? Как вообще себя чувствуешь?

– Сносно.

– Молодец. Ты всегда была самой крепкой, чего только стоит твоя кандидатская о варварах. Ты ведь в курсе всех наших разработок?

– Конечно.

– Тогда ты мне нужна. Все мои секретари в глубокой прострации и плохо реагируют на внешние раздражители... О чем это я? В общем, мне нужен помощник, а то я, откровенно говоря, сам еще не в себе и не все понимаю, да и кто сейчас в себе? Но, как говорится, одна голова хорошо, а две лучше.

– Мне прийти в ваш кабинет? – переспросила Амели. Директор, вопреки обычному, был словоохотлив, что вполне объяснимо: это его форма психологической самозащиты.

– Да. Сейчас в прямом эфире начнется конференция правительства по выработке ответных действий. Наше мнение может понадобиться.

– Сейчас буду.

Амели успела. На большом экране прямой связи транслировался кабинет правительства, где за длинным столом собрались министры. Многие отсутствовали, в том числе и министр здравоохранения, так что директор оказался прав.

Свое место занял президент Земной Федерации Стив Гуттенберг. Чтобы как-то успокоиться, он начал перекладывать бумажки из одной стопки в другую, руки его дрожали, он явно не знал, с чего начать. Но вскоре он все же собрался и сказал:

– Господа... совершен неслыханный акт насилия, какого не было вот уже полторы тысячи лет... Со времен Третьей мировой, или Тотальной войны. Но мы давным-давно забыли, что такое война, наше общество исключительно гуманно...

Президент замолчал, понимая, что своими общими словами никак не поднимет дух слушающих его людей, скорее наоборот, да и не для этого они здесь собрались, чтобы услышать прописные истины.

– Какие будут предложения. Министр обороны?

– Я... э-э... я, – мямлил министр Глен Пфайффер.

Толстенький человечек весь затрясся, не зная, куда деть руки, которые даже пистолет-то никогда не держали; в конце концов, он на них сел, но мыслей от этого в голове не прибавилось.

Министр обороны любил устраивать пышные парады по поводу победы в Третьей мировой и по другим торжественным датам, но на большее он не годился, да никто и не требовал от него ничего большего. И вот тебе на – настоящая война. Тут парадом и демонстрацией силы не обойтись.

– Сда... сдать... Направить весь флот в систему Лазурит, – наконец скороговоркой выпалил министр обороны и стал обильно потеть.

В глубине сознания он понимал, что сморозил глупость, но вот в чем эта глупость выражалась? Впрочем, сказанного уже не вернуть.

– Понятно, – выдохнул президент, – какие еще будут предложения? Мы должны отдавать себе отчет в том, что сейчас половина нашей армии просто физически не может держать в руках оружие, а кто из оставшейся половины сможет выстрелить в другого человека, пусть даже и во врага? И что с ними станет, попади они на передовую? Для этого мы слишком цивилизованы. А потому я у всех спрашиваю: какие будут предложения?

3

Зал молчал. Никто не понимал, что можно в данной ситуации предложить.

– Господин президент... – вдруг послышался несмелый голос, и на экране появилось лицо говорившего.

– Да, слушаю вас, – оживился президент Гуттенберг, и остальные тоже воспаряли духом, с надеждой посмотрев на экран. – Какое у вас предложение?

– Я Джос Эклэнд, руководитель института кибернетических проблем...

– Да-да, говорите...

– Мы можем противопоставить им роботов... боевых роботов.

– Они у нас есть? – удивился президент.

– Нет, но мы можем изготовить их в большом количестве в самые сжатые сроки.

– А как насчет закона Азимова? Они станут стрелять в людей? Ведь тем самым они причинят вред живому разумному существу, а это им категорически запрещено.

– Мы исключим данный запрет из программы... Придется разработать новую...

– Хорошо.

Лица министров повеселели, казалось, решение найдено и дело осталось за малым – воплотить его в жизнь.

– Сколько потребуется времени?

– Если загрузить все заводы с учетом времени на разработку и программирование, – стал перечислять кибернетик, – то через шесть месяцев мы вам выдадим двухмиллионную армию...

– Хорошо, – снова повторил президент. – Но сроки нужно сократить до двух месяцев, максимум до трех. Используйте закрытые архивы – опыт прошлых, не столь цивилизованных поколений. А то через шесть месяцев оуткасты будут уже здесь... в этом самом кабинете, а их нужно встретить на дальних подступах.

– Конечно, господин президент, – кивнул Эклэнд. – Мы постараемся.

Послышались аплодисменты и радостные перешептывания министров. Но тут президент нахмурился и стал тереть рукой лоб, будто пытаясь вспомнить что-то очень важное, что он пропустил. Наконец сказал:

– Это все очень хорошо, но нужен дополнительный план.

– Зачем? – удивился министр обороны Пфайффер. Когда решение проблемы практически найдено, а угроза почти миновала, он стал чувствовать себя гораздо увереннее.

– Потому что первый может провалиться.

– Конечно, господин президент...

– Итак, какие еще будут предложения?... Ну же, граждане, смелее!

– У меня есть, – неожиданно для самой себя произнесла Амели.

– Хм, кто вы? – поинтересовался президент, когда на его настольном экране появилось изображение девушки. Такое же изображение появилось у всех, кто принимал участие в расширенном заседании правительства.

– Амели Стоун, доктор, замдиректора Института исследовательской медицины.

– Что же вы нам можете предложить? – искренне удивился президент. – У вас есть новые лекарства, которые помогут нашим солдатам сражаться, забыв, что они цивилизованные люди?

– Лекарства есть, но они, хоть новые, хоть старые, антигуманны и находятся под запретом.

– Тогда что?

– Понимаете... может, я лезу не в свою область...

– Говорите, доктор Стоун. Это вопрос жизни и смерти, а то, что вы залезете не в свою область, – не беда. Здесь все не в своей области, – договорил президент Гуттенберг, многозначительно посмотрев на министра обороны Пфайффера.

– Спасибо. Понимаете, можно сделать роботов, которые будут убивать, но кто научит их воевать и будут ли они эффективны в реальных условиях. Машина сильнее, быстрее, точнее, но не умнее. Нет ничего сложнее, чем человеческий мозг.

– Что вы хотите сказать? – вспыхнул министр обороны.

– Компьютер логичен, логика – его сущность, а человек, особенно варвар-оуткаст, действует нелогично. Разве логично начинать войну? Зачем? Ведь все можно решить миром...

– Резонно. Что вы предлагаете?

– Противопоставить им столь же нелогичных варваров. Умеющих убивать.
– Но где мы их возьмем?! Невероятно! Мы все добропорядочные граждане.
– В нашем институте, – ответила Амели.
– Не понял.
– Один из наших филиалов занимается криогеникой...
– Да, я слышал об этом, – кивнул головой президент. – Люди, добровольно заморозившие себя в надежде, что их смогут оживить через тысячи, а то и десятки тысяч лет. Но почему вы решили, будто сможете их разморозить? Ведь, насколько мне известно, еще не получилось ни одного удачного случая разморозки.

– Не совсем так... Во-первых, мы проводили опыты исключительно на животных, которых хозяева замораживали вместе с собой в надежде, что их оживят. Во-вторых, их замораживали обычным методом, то есть посредством простого охлаждения путем опускания в жидкий азот. Но даже в этом случае мы получили обнадеживающий результат.

– Какой же?
– Размороженные животные жили около трех-четырех суток.
– Очень интересно, а что же с людьми?
– С ними мы таких опытов не проводим, поскольку это признано антигуманным. Размороженные объекты проживут не больше часа из-за обширного внутреннего разрушения мягких тканей, то есть в случае проведения опытов это можно рассматривать как убийство. Наша наука еще пока не может справиться с такой проблемой.

– Хм, но тогда...
– Да, господин президент, я понимаю. Но у нас имеется тридцать два уникальных субъекта, заморозка которых произведена другим способом, а точнее, произошла благодаря ряду случайностей. Их нашли чуть больше ста лет назад, когда в одной из долин сошел последний лед.

– То есть вы хотите сказать, что вы сможете их разморозить?
– Именно так. Сканирование показало, что ткани практически не повреждены. Невероятно, но это так. И есть очень высокий шанс на благополучный исход операции.

– Понятно. Но почему вы решили, будто они смогут нам чем-то помочь? Возможно, это простые альпинисты. Как известно, даже в древние времена имелись люди сугубо мирные. Может быть, это спортсмены, тогда были в моде экстремальные виды спорта.

Президенту казалось, он знал, о чем говорил, ведь он сам по молодости увлекался лыжным спортом.

– Мы тоже так думали, но у некоторых из них при себе имеется оружие и одежда на них, если верить архивам, является военной формой. К тому же у некоторых из них, как показал сканер, есть огнестрельные ранения, а внутри их тел инородные предметы, а именно пули.

Амели замолчала, молчал и президент. В зале повисла напряженная тишина.

– Их слишком мало, чтобы они смогли что-либо сделать, даже если удастся их оживить? – не то спросил, не то констатировал Стив Гуттенберг. – И потом, существует вероятность, что это какие-нибудь экстремисты... я не знаю, кто там с кем воевал и ради каких высших целей. Они могут стать нашими врагами...

– В наших условиях это дополнительный шанс на спасение... – произнесла Амели, уже пожалев, что предложила свой вариант. Ей казалось, его теперь наверняка отвергнут, но все же решила биться за него до последнего: – Мы ничего не теряем. Но проверить можно. Если они наши враги, то им никогда не выйти за пределы института и не стать помощниками наших врагов, врагов цивилизации.

– Вы правы. Даже нужно, – после долгого молчания сказал президент Федерации, взвешивая все «за» и «против». – Проводите разморозку. Если у кого еще появятся какие-нибудь мысли, озвучивайте их, приемная работает круглосуточно. Ваши предложения будут рассмотрены в кратчайшие сроки. Заседание окончено, всем спасибо.

– Спасибо, господин президент, – запоздало поблагодарила доктор Стоун.

Огромный подземный бункер больше походил на древние банки, особенно в той его части, где располагались личные ячейки клиентов, где они могли хранить свои драгоценности или важные документы. Только здесь эти ячейки больше в несколько раз и хранились драгоценности несколько иного рода – человеческие тела.

Амели ехала на автокаре, и чувствовала она себя не в своей тарелке, ведь кругом одни мертвецы. Она не могла поверить, что подавляющее большинство здесь лежащих согласились заморозить себя добровольно. Особенно она не могла понять тех, кто ради этого фактически покончил с собой, когда по каким-то причинам человека усыпляли, а потом замораживали – считалось, что в этом случае больше шансов на воскрешение.

– Это идиотизм какой-то, – не выдержал водитель автокара.

Его угнетала царящая тишина, и даже яркий свет не разрушал тягостность ощущений. Своим голосом он просто хотел приободрить себя, а заодно и свою пассажирку.

– Ругательное выражение, – пророкотал автоматический голос бортового компьютера автопогрузчика, и из приборной панели вылез кусочек бумажки с предупреждением и цифрами. – С вас взят штраф, возьмите чек. Постарайтесь больше не использовать ненормативную лексику. Спасибо.

Водитель аккуратно оторвал бумажку и положил ее в карман. У него даже и мысли не возникло возразить и «покачать» права.

– Спасибо... не буду.

– Что именно? – спросила Амели.

– Зачем им это было нужно?

– Они хотели увидеть мир через тысячи лет.

– Но зачем? – не унимался водитель. – Ну, увидят они его, и что дальше? Жить вечно невозможно, несмотря на все восстановительные процедуры. А в их случае даже это не поможет, если их вообще возможно оживить.

– Мы пытаемся делать все возможное, чтобы осуществить их мечту. А вот зачем они это делали, кто знает? Это было темное время. Может, им не нравился свой мир, может, из простого любопытства или надежды на вечную жизнь. Возможно, они думали, что к этому времени технологии смогут осуществить подобное. В конце концов они ничего не теряли, отдавая свои тела на заморозку... – ответила Амели и, не удержавшись, обернулась.

– Мне тоже иногда кажется, будто за мной кто-то крадется, – сказал водитель, правильно угадав состояние пассажирки. – Иногда даже кажется, что тут целыми толпами бродят привидения.

– Это глупость.

Доктор Стоун поежилась.

– Я знаю, мэм... но нет-нет, а кожа так и покроется мурашками и волосы на затылке дыбом встают.

– Это от холода.

– Возможно, мэм...

Автокар проехал по галерее пять километров, и дальше пошли нестандартные ячейки. Здесь находились замороженные животные. По большей части кошки и собаки, с которыми хозяева не желали расстаться даже после смерти, желая вместе с ними посмотреть на будущее. Помимо общепринятых домашних любимцев имелись и экзотические вроде различных грызунов, а также рептилии вплоть до крокодилов, даже лошади. Этим и объяснялись различные размеры ячеек, от совсем маленьких до просто огромных.

Половина данных ячеек уже пустовали, поскольку практиковаться по разморозке решили на животных, а не на людях. «Вот уже который раз животные прокладывают дорогу людям», – подумала Амели.

Вскоре показался тупик.

– Вот они, ваши подопечные, мэм, – неопределенно кивнул водитель головой в сторону.

– Хорошо.

Амели слезла с пассажирского сиденья. И хотя она помнила все коды наизусть, следовало лично убедиться, что это те самые ячейки. Порядок есть порядок, а в его неукоснительном выполнении залог успешной работы.

Доктор набрала код, одна из стальных дверей с шипением отошла в сторону, и на пол, словно водопад, туманом стал оседать холодный воздух. Спустя еще какое-то время наружу, на специальном столе, выехал практически прозрачный кусок льда.

– Видно, смерть их была ужасна, – прокомментировал водитель автокара и поежился. Такой смерти себе он не хотел.

– Это точно... – согласилась Амели, еще раз взглянув на человека, закованного в лед.

Лица не видно, всю голову скрывала вязаная шапочка с прорезью для глаз, которых также не видно, и, как показывал сканер – их просто не существовало в целостном виде, но застывшие руки и согнутое дугой тело говорили сами за себя.

– Я слышал ваше выступление, мэм... ваш разговор с президентом. Вы очень смелая...

– Спасибо.

– Вы думаете, они смогут нам помочь, мэм? Если их, конечно, удастся разморозить...

– Будем надеяться на это.

Доктор Стоун поочередно проверила все тридцать две ячейки и, убедившись, что это те самые и ничего не перепутано, запрограммировала компьютер доставить их в лабораторию.

Имелись, правда, и другие сохранившиеся так же хорошо, как эти, солдаты, технология с течением времени менялась, но те, другие, не годились. Они, как и их предшественники, по большей части старые люди, а значит, мало чем могли помочь реально. Амели думала разморозить их, если ничего не получится с первой партией.

– Поехали отсюда, – поспешно сказала Амели; ей здесь стало по-настоящему страшно.

– Давно пора... – с готовностью ответил водитель, резко трогая автокар с места. Вид четверти сотни трупов, застывших в предсмертных судорогах, сильно действовал на него. Но, несмотря на это, он смог вести автокар сам, не переключаясь на автопилот, чем втайне гордился. Хотя отдавал себе отчет, если бы не женщина рядом, он бы уступил право рулить автоматике.

Тем временем заработала транспортная система подземелья, и в соответствии с приказом доктора компьютер со всей возможной осторожностью доставил затребованные материалы в лабораторию, где начались подготовительные процедуры.

Сотрудники лаборатории с помощью кранов поместили «кубики льда» на специальные платформы.

– Начать лазерную обрезку, – приказал старший группы.

Десятки лазерных лучей уперлись в лед и начали быстро отсекал лишние куски льда, постепенно углубляясь. Вскоре ювелирная работа была закончена и на платформах остались лишь скрюченные тела в окружении тающих кусочков льда.

– Думаете провести размораживание сразу всех? – спросил директор института Чалино Ришман. – Вам не кажется, что это несколько опрометчивое решение?

– Не думаю, – не согласилась Амели, наблюдая за действиями сотрудников лаборатории вместе с директором со смотровой площадки. Те работали в привычном режиме, сказывались наработанные навыки по разморозке животных, а профессионализм в данном случае дорого стоил.

– И все же, не лучше ли провести подобную операцию сначала на ком-нибудь одном?

– Нет, господин директор. Восстановительный период, а точнее возвращение к жизни, займет примерно месяц, еще месяц на физическое совершенствование, надо будет заново научить их ходить, работать руками. И как бы в этом случае ни закончился первый опыт, удачно или нет, времени на остальных уже просто не хватит. Оуткасты окажутся здесь, сэр.

– Но роботы...

– Признаться, господин директор, мне никогда не нравились роботы. К тому же это только роботы, и они не смогут...

– Мне известна ваша точка зрения.

– Не беспокойтесь, мистер Ришман, технология отработана, и я уверена в благополучном исходе.

– Что ж, желаю вам удачи.

– Спасибо, господин директор, сегодня она нам не помешает.

Тем временем, освобожденные ото льда тела прогревали тепловыми микроволновыми пушками так, чтобы вместе с поверхностным слоем тела прогревались и внутренние органы.

Когда нужная температура была достигнута, тела раздели и к некоторым из них подошли бригады хирургов, и те быстро извлекли из внутренностей инородные предметы. После чего размороженных людей обступили следующие бригады врачей и начали подсоединять к ним множество трубочек, идущих откуда-то сверху.

– Начать введение нанонития, – приказал главный врач, и по трубкам потекла красноватая жидкость с металлическим отливом, как у ртути.

Прошло несколько десятков минут. Датчики показали, что введенный раствор распространился по всему организму и начал свое действие.

– Начать электростимуляцию...

– Так быстро?! – опешил директор Ришман. – Мне казалось, что проходит несколько дней, прежде чем приступают к основным процедурам.

– Вы правы, сэр, но не в этом случае. Они удивительно хорошо сохранились... удивительное и счастливое для них стечение обстоятельств! Хотя для них тогда эти обстоятельства наверняка были очень даже несчастливыми... Так что сроки можно кардинально сократить без потери качества.

Операция длилась еще очень долго. Через каждые пять часов бригады медиков сменялись на отдых. Новые врачи продолжали работу по переливанию крови, восстановлению или замене поврежденных тканей или органов.

В кульминационный момент пришли реаниматологи и начали электрошокерами возвращать к жизни пациентов, проводших во льду черт знает сколько времени. Мышцы тел под действием электрического тока сокращались, отчего тела выгибались дугой, рвались из стороны в сторону, но крепкие ремни удерживали их на столах.

Амели напряженно вглядывалась в большой экран, подвешенный прямо под потолком лаборатории. Обычно на нем показывали в укрупненном виде все действия врачей, демонстрируя этапы их работы. Но сейчас его занимали тридцать два горизонтальных прямоугольника, в середине которых имелись тонкие черточки – показатель самой важной жизненной функции любого организма.

«Ну же! Ну! – кричала про себя Амели, наблюдая, как внизу на хирургических столах бьются в агонии тела. – Давайте же!»

Ей начало казаться, что она действительно поспешила с оживлением и нужно было дать нанонитию поработать подольше.

– Ну же!!! – громко прокричала Амели, чем сильно испугала директора Ришмана.

«Пик», – несмело пискнул компьютер, и через секунду, показавшейся Амели вечностью, одна из красных линий в сером прямоугольнике стала ломаной...

5

Боль и темнота – это все, что помнил Роман Камышов. Болело, казалось, все, что только могло болеть, чувство неимоверного жжения разливалось по всему телу. Иногда наступало легкое облегчение, но ненадолго, и все начиналось снова. При этом Роман не мог пошевелить не то что конечностью, пальцы и те не подчинялись. Это ужасало.

«Если только меня не парализовало... – вяло подумал Роман. А еще через пару минут

он опроверг свое первоначальное предположение: – Но тогда у меня ничего бы не болело, а раз болит, значит, я не паралитик...»

Впрочем, ему сейчас было все равно, и то, что он не парализован, не слишком обрадовало его, но и не огорчило.

Ему казалось странным, что он начал просто думать, и даже это давалось с огромным трудом. Мысли буквально волочились, будто к каждой из них подцепили по железнодорожному вагону, груженному углем.

Потом начались кошмары, обрывочные и оттого очень страшные. Кошмары превратились в один затянувшийся фильм ужасов с редкими перерывами на беспамятство. Казалось, это длится уже целую вечность и будет длиться бесконечно. Последнее обстоятельство пугало больше всего. Хотелось банального беспамятства.

Но время шло. Боль понемногу утихала, начались мышечные судороги, тело вспоминало свою физическую форму, но вот сознательно пошевелиться еще не представлялось возможным и, наверное, к счастью, поскольку глаза болели так сильно, что их хотелось вырвать из глазниц собственными руками.

Иногда он чувствовал прикосновения, сначала осторожные, а потом все более грубые, перебиравшие каждую мышцу по отдельности. Больше интуитивно, чем осознанно, Роман догадался, что ему делают массаж, после которого все тело горело, словно натертое красным перцем. Но как же хорошо, когда жар спадал. Чувствовалась необыкновенная легкость во всем теле и даже в мыслях, так что ради этого можно и потерпеть пару часов мучительного массажа.

Вторым после осязания вернулся слух. Голоса звучали приглушенно. То ли люди говорили тихим шепотом, то ли просто слух еще не окреп, и все слышалось словно через вату. Но тревожило его то, что он не понимал, о чем говорят, даже когда мог расслышать отдельные слова.

«Но это и не бородатые», – подумал Роман, вспомнив резкую, гортанную речь боевиков. Впрочем, прошло немало времени, прежде чем он вспомнил, кто вообще такие эти «бородатые».

Проходило время, а он все продолжал «оживать». Вернулось обоняние, но запахи он чувствовал не такие, какие ожидал почувствовать. Роман много раз бывал в больницах, и уж тем более в армейских госпиталях, и там не пахло, а просто воняло дезинфекцией, этой специфической смесью хлорки и медицинских препаратов.

Однажды, очнувшись, он обнаружил, что может шевелиться. Сначала пальцами, а потом руками и ногами, но не сильно, что-то сковывало его движения. Только спустя какое-то время он понял, что виной тому не его общая слабость, а то, что он привязан ремнями к койке.

«Так где же я в конце концов? – вяло подумал Роман Камышов с начавшей проступать не то чтобы паникой, но беспокойством. – В госпитале или тюрьме? Или в тюремном госпитале? Тогда у кого?... Бородатые не стали бы со мной так долго возиться... да и свои тоже. Положили бы рядом со всеми, а тут я в одиночной палате или все же камере?»

Вопросов возникло много, а вот с ответами на них были большие проблемы. Катастрофически не хватало информации, где он и что, собственно говоря, с ним случилось.

Боль постепенно стихала, а однажды, почувствовав, что привычной повязки на голове уже нет, он открыл глаза. А точнее сделал попытку их открыть. Яркий свет заставил веки инстинктивно сомкнуться вновь. Роман продолжал попытки открыть глаза, и вскоре ему это удалось. Глаза наконец-то смогли воспринимать свет, который оказался не таким уж ярким, можно даже сказать это был полумрак.

Он осмотрелся. Обычная комната с большим окном в стене, в котором было видно только ночное небо, открытые жалюзи позволяли смотреть наружу.

«Что-то не так... – озабоченно подумал Роман, глядя в окно. – Но что именно?»

Роман вспоминал, но это давалось ему с трудом. Наконец он понял, что не так как надо – звезды, а точнее искусственные спутники Земли.

В юности Камышов любил смотреть на ночное небо и наблюдать за яркими точками спутников, пронесившихся с запада на восток за какую-то минуту. Были и такие, которые двигались очень медленно, но все с запада на восток, или, в крайнем случае, с северо-запада на юго-восток. Были еще и такие, которые летали с юга на север.

А эти двигались хаотично, будто светлячки в погоне друг за дружкой, во всех направлениях. И что главное – их много, многие десятки, если не сотни. Тогда как «правильных» спутников засечь одновременно можно не больше трех-четырех и то если повезет.

«Что же это, черт возьми, значит?!» – мысленно воскликнул Роман.

6

Очнулся Камышов от ощущения того, что рядом с ним кто-то стоит. Но, открыв глаза, смог разглядеть только два светлых силуэта на темном фоне. Все виделось как сквозь пелену.

Роман слышал их голоса, но по-прежнему не понимал ни слова. Это начинало его раздражать, вкупе с ограничением свободы.

– Он уже практически в норме... это невероятно! – произнес пораженный положительными результатами, директор Ришман. – Все ткани прижились просто отлично.

– Исследования над животными не прошли зря, – подтвердила Амели.

– Кстати... как мы будем с ними общаться? Они ведь наверняка говорят на неизвестном нам языке.

– Я об этом подумала, сэр.

С этими словами Амели достала из кармана небольшой приборчик и повесила его на грудь, пояснив:

– Труд десятков поколений ученых. Автоматический переводчик. Лингвисты из бреда нашего подопечного выяснили его язык, загрузили словарный запас из архива базы данных и теперь все должно работать как надо.

– Молодец.

– Спасибо, господин директор.

– Осталось только выяснить, действительно ли он работает?

Пока шел этот разговор, зрение у Камышова улучшилось, и он смог разглядеть женщину и мужчину, которых узнал по голосам. Они часто переговаривались над ним.

– Кто вы? – спросил Роман и в недоумении замолчал, не узнав собственного голоса. Он был абсолютно чужим.

Повисла короткая пауза, и в следующий миг приборчик перевел фразу. Это сильно удивило Камышова, о таком он читал только в научно-популярных журналах, которые однажды нашел в одном из проверяемых домов во время зачистки и взял почитать на досуге. Впрочем, солдаты нашли им более утилитарное применение – бумаги никогда не хватало.

А то, что это именно автопереводчик, а не диктофон или еще что-то в этом роде, он убедился, когда с такой же заминкой пришел ответ женщины:

– Врачи. Это директор Чалино Ришман, а я доктор Амели Стоун...

– Ясен пень, что врачи, – уже раздраженно сказал Камышов. – Я спрашиваю, кто вы такие?

– Мы не понимаем вас... – беспомощно развел руками директор. – Если можете, конкретизируйте свой вопрос. Видимо, базы данных нашего прибора не хватает...

– Черт... Как же им?... Кто вы такие? Кто вы по национальности? На кого работаете? «Красный крест»? Или вы торговцы органами?! Куда я вообще попал?!

– Пожалуйста, успокойтесь, вам вредно нервничать. Мы постараемся ответить на все ваши вопросы, но чуть позже.

– Ладно. Отстегните меня от кровати, если, конечно, я не ваш пленник.

– Вы не наш пленник.

- А чей?
- Вы вообще не пленник.
- Хорошо, тогда отстегивайте.

Амели приблизилась, чтобы выполнить просьбу пациента, тем более, что именно для этого они сюда и пришли. Но ее остановил директор:

– Может, не стоит, посмотрите в каком он эмоциональном возбуждении. Как бы не сделал чего такого, чего делать не следует...

– Вы ведь не сделаете ничего такого? – обратилась Амели к Камышову.

Роман молча перевел взгляд с Ришмана на доктора и отрицательно мотнул головой.

– Не сделаю... для этого я слишком слаб. За свою жизнь можете не беспокоиться... впрочем, как и за свою честь.

Камышов хмыкнул, увидев, как покраснела докторша и нахмурился директор. Но трепыхаться действительно не имело смысла, и не только потому, что он действительно слаб, но и оттого, что все выглядело совершенно непонятным, а преждевременными действиями можно только навредить не только себе, но и его людям, если, конечно, хоть кто-нибудь выжил, кроме него самого.

– Поверим вам на слово... – сказала Амели и отстегнула первый ремень. После чего трансформировала кушетку в некоторое подобие кресла. – Только не снимайте датчики и не вытаскивайте иглу из руки, там лекарство...

– Очень кстати, так гораздо удобнее, а то я вряд ли смогу удержаться на ногах, – сказал Роман. – Это все очень странно, такая слабость во всем теле, будто я пролежал без движения целую вечность, а такого быть не должно.

Директор с доктором переглянулись, что не укрылось от Камышова, который стал быстро терять силы и начал широко зевать. Долгий разговор сильно утомил его.

– Вам лучше отдохнуть.

– Тут вы сто раз правы...

7

Прежние посетители пришли на следующий день. Перед этим медсестра сняла с него почти все датчики и вынула иглу, сказав, что вечером придется ее вернуть на место. Камышов не особенно и возражал.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, Амели.

– Доктор Стоун, – тут же поправил Камышова директор Ришман, возмущенный таким откровенным панибратством.

– Пусть так... – согласился Роман.

– Вы, кажется, хотели получить ответы на свои вопросы? – напомнила доктор, проверив все показания медицинских приборов. – Мы можем дать вам ответы на некоторые из них.

– Отлично. Первый: где я?

– В Орланде.

– Хм-м... – Роман пытался вспомнить, где это, и, наконец, сдавшись, переспросил: – Где это? Что-то говорит мне, якобы это довольно далеко от моей родины, да и язык ваш мне не знаком. Еще эти хреновины...

Роман показал на автопереводчики.

– Насколько нам удалось разобраться, Орланд находится на территории, которую вы называли Австралией.

Роман недоверчиво уставился на посетителей.

– Это что, шутка, да?

– Нет...

– Охренеть, я в самой что ни на есть Австралии! И что же я тут делаю... Называли? –

опомнился Камышов. – Я не ослышался?

– Нет.

– А как же Австралию называют сейчас? – осторожно спросил Роман, еще сильнее подозревая, что его разыгрывают, а, по его мнению, это не очень кстати при его состоянии.

– Округ Келлендж, – просветил Камышова директор Ришман.

– Стоп, тут что-то не так. Из целого государства, расположенного на целом материке, получился какой-то долбанный округ?! Это шутка, да?!

– Нет, дело в том, что... – попыталась объяснить Амели.

– А как же вы сейчас называете Россию?!

– На месте этого государства сейчас расположены три округа. Немал...

– Не важно, как они называются, – слабо махнул рукой Роман.

Камышов замолчал, приходя в себя. Последняя информация буквально опустошила его, он ощутил даже физическую слабость, словно каждая клетка в его организме налилась свинцом. Такого он не мог себе представить даже в самом страшном сне.

– А теперь самый главный вопрос: сколько я спа... был мер... – никак не мог подобрать нужное слово Роман, – отсутствовал, одним словом?

Камышов не дождался ответа и, перебив директора Ришмана, попытался ответить сам:

– Наверное, я впал в кому и провел в ней несколько десятилетий. Мне, наверное, сейчас лет семьдесят, восемьдесят, это объясняет слабость, атрофию мышц и все такое... Я прав? За несколько десятилетий многое могло случиться... государства распадались, объединялись, превращаясь в округа. Ведь так? – с надеждой спрашивал Роман Камышов.

– Две тысячи лет, – после некоторого молчания сказал директор Ришман. – Вы отсутствовали две тысячи лет.

– Мать твою, туды-растуды... не может быть... этого просто не может быть!!!

– Может, не нужно было так сразу? – осуждающе спросила Амели, когда они вышли из палаты. Их пациент отключился после последней фразы, заставив ученых испытать легкий шок, автопереводчик перевел все, ничего не утаивая и не смягчая. – Как-нибудь помягче бы.

– Извини. Пожалуй, действительно не очень хорошо получилось. В следующий раз буду более осмотрительным.

– Ладно. Сказанного не вернуть. Да и как тут помягче было выразиться?... – согласилась Амели.

Прошло еще несколько дней. Питающие растворы кололи реже, стали давать жидкую пищу, как нормальному человеку.

Приходившие доктора между сеансами терапии и прочих медицинских процедур, подбирая слова, чтобы не травмировать еще ослабленную психику пациента, рассказывали все, что он пропустил за время вынужденного отсутствия или пребывания в царстве мертвых.

– Все это очень познавательно и интересно, но этим экскурсом в историю вы совершенно выбили меня из колеи.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Амели.

– А то, что во время лавины я был не один. И я хотел бы узнать судьбу своих людей. Они погибли? – спросил Камышов и тут же сам ответил на свой вопрос: – Хотя о чем это я, конечно, погибли, как и я... Я хотел бы узнать: вы и моих людей разморозили, как и меня?

– Ваши спутники были вашей собственностью? – удивленно спросил директор Ришман.

– Почему? – пришла очередь удивляться Роману.

– Ну, вы сказали «мои люди».

– Это выражение такое. В данном случае обозначает, что они были моими подчиненными, а я соответственно – их командиром и несу... нес за них ответственность. И то, что я не поинтересовался их судьбой раньше, можно расценивать как пренебрежение служебными обязанностями.

– В вашем случае, я думаю, это простительно, ведь на вас столько всего свалилось, –

посочувствовала доктор Стоун. Но под нахмурившимся взглядом Камышова неуверенно добавила: – Как бы вам объяснить так, чтобы...

– Скажите, как есть. Я переживу. Не впервой. С ними ничего не получилось?

– Хорошо. Мы и остальных найденных с вами людей попытались оживить, но не все операции прошли удачно... Но большинство удалось благополучно вернуть к жизни.

– Скольких вам удалось оживить, учитывая, что они не останутся растениями?

– Вы имеете в виду – недееспособными? – сориентировалась доктор Стоун.

– Именно.

– Оживленных – двадцать два вместе с вами, двое до сих пор в коме, и надежд на благополучный исход очень мало. Еще восемь неудачно.

– Что-то я не понимаю, моих людей вместе со мной всего двадцать пять человек. Откуда еще семеро взялось?

– Вы были все вместе...

– Бородатые, наверное, – догадался Роман.

– Что, простите? – переспросил директор.

– Ничего. Мне необходимо увидеть своих людей.

Камышову вдруг стало нехорошо. А вдруг удачно прошли операции именно у боевиков, и тогда в лучшем случае с ним останется только половина из его взвода. Он, конечно, понимал, что потери неизбежны, но будет обидно, если среди оживленных окажется много боевиков, а не его солдат.

– Ну, чего вы ждете?! Везите меня по их палатам! Давайте же!

– Это трудновыполнимо... они сейчас на интенсивных процедурах. Вы должны понять, вы очнулись раньше остальных, а потому находитесь в лучшей физической форме.

– Понятно. Когда я смогу их увидеть?

– Я думаю, завтра, – сказала доктор Стоун. – Надеюсь, ваша встреча ускорит выздоровление многих из вас.

Доктора ушли, а Камышов остался сидеть в палате. Уже потом он сообразил, что мог бы попросить принести ему фотографии всех тех, кого они смогли оживить, ведь это не составит большого труда. Он мог бы попросить об этом и сейчас, нажав на кнопку вызова, но решил все-таки подождать личной встречи.

А чтобы ждать было не так невыносимо мучительно, он стал делать физические упражнения, на какие только имелись силы. Пару раз присесть и столько же отжаться от стены было уже большим прогрессом, несмотря на то, что руки и ноги после подобной тренировки тряслись, как после пятидесятикилометрового марш-броска.

8

На директора Ришмана и на доктора Стоуна давили сверху, намекая, дескать, прошло уже довольно много времени и размороженные должны по мере своих сил помогать в деле борьбы с агрессорами.

Опытные партии военных роботов прямо с конвейеров отправлялись в объятую войной систему, а точнее – в настоящее побоище, поскольку там практически никто не сопротивлялся. Как они себя поведут в реальном бою, никто не знал, а потому нужно использовать все возможности, и размороженные относились к таковым.

Потому Амели и согласилась устроить встречу своих пациентов друг с другом, действительно считая, что общение друзей поможет им быстрее прийти в нормальное состояние.

Специально для этого приехала правительственная комиссия во главе с министром обороны Пфайффером, ему предстояло решить, стоит ли оживленных привлекать к работе и смогут ли они вообще что-либо сделать, а главное – станут ли они что-то делать. Ведь многие считали, будто кровожадные варвары из темных веков, погибшие с оружием в руках, могли запросто, при первой же возможности, переметнуться почти к таким же

нецивилизованным оуткастам и стать их пособниками.

Все это следовало просчитать прибывшей в институт комиссии.

– Где же ваши подопечные? – поинтересовался министр обороны Глен Пфайффер.

Комиссия находилась в отдельной комнате, чуть сверху, за светонепроницаемым окном. Решено было понаблюдать за подопечными так, чтобы они не знали, что на них смотрят.

– Уже везут, господин министр, – ответил директор Ришман, кивнув доктору Стоун.

– Замечательно, посмотрим, на что они способны. Варварры...

Роман привычно сел в кресло-каталку, думая, будто его опять везут на мало приятные процедуры, хотя он уже мог передвигаться самостоятельно. Но на этот раз привычный маршрут оказался другим.

– Куда меня везут? – удивленно спросил Роман, но, не увидев на шее медбрата черного автопереводчика, замолчал.

В следующую секунду он решил, что его везут на встречу с бойцами, хотя ожидалось, что это произойдет только вечером, но, видимо, планы изменились, чему Роман только порадовался.

На одном из перекрестков в коридоре появилось второе кресло-каталка еще с одним пациентом.

– Чуй? – тихо позвал ефрейтора Камышов, боясь обознаться. Но тот расслышал и повернулся на голос. – Чуй, мать твою, это ты!

– Так точно, лейтенант.

– Хреново выглядишь!

– Зато вы неплохо.

Каталки поравнялись, и соратники крепко, насколько вообще могли, пожали друг другу руки.

– Что происходит, командир? Такое впечатление, будто я не дома. Уж больно все здесь чужое и необычное, даже слишком. Словно я не в военном госпитале с облупившейся штукатуркой и протекающими потолками, а в больничке для богачей. Но мне как-то трудно поверить в щедрость нашего родного министерства. И эти козлы молчат, как рыбы. В морду бы им дать... – мечтательно добавил Чуй.

– Тебе ничего не рассказали? – удивился лейтенант Камышов.

– О чем я и говорю, молчат, как рыбы. Между собой о чем-то шепчутся, только я ни слова не понимаю.

– Я потом все объясню. Ты мне лучше скажи, почему ты оказался рядом с нами, и тебя лавиной задело?

– И не только лавиной... я чуть не поджарился до золотистой корочки.

– Вот и я про что... Так почему?

– Вертолет прилетел, и надобность во мне как в снайпере отпала. Потом я же видел, что есть раненые, хотел помочь их оттащить. Тут-то все и началось. Плюхнулся в какую-то дрянь... потом вспыхнул огонь, и ток прошел через все тело. Казалось, во мне сейчас все взорвется. Потом закружило, начало бросать из стороны в сторону и темнота.

– Я рад, что ты жив.

– А уж как я-то рад. Кому расскажешь о таком – не поверят.

– М-да... было бы кому рассказывать.

– Ты о чем?

Но ответить Камышов не успел. Прямо перед ними открылись двери, и кресла-каталки одно за другим въехали в просторное помещение с подозрительными зеркалами во всю стену. Сразу же вспоминались всякие дебильные реалити-шоу под общим неформальным названием «Замочная скважина».

Встреча проходила бурно. Люди жали друг другу руки, трясли за плечи, обнимались,

крепко хлопали друг друга по спине. И жутко матерились.

– Что они делают?! – в изумлении спросил министр обороны. Каждое выражение автопереводчик переводил дословно, а приборчики лингвистической цензуры захлебывались в писке, выписывая штрафные квитанции.

– По всей видимости, это выражение дружеского приветствия, сэр... – находясь в таком же шоке, ответила Амели.

– Но почему они ругаются?!

– Я не знаю... сэр.

Вдруг гомон оборвался, и наступила абсолютная тишина. Привезли еще троих пациентов, но на них почему-то радость встречи не распространялась.

– В чем дело? – снова спросил министр Пфайффер, чувствуя, здесь что-то не так. – Что происходит?

– Я не понимаю...

Тройка новичков сбилась в кучку, зашептавшись о чем-то между собой и косо поглядывая на более многочисленную вторую группу. Язык для автопереводчика оказался незнакомым, и потому он молчал.

– Сука! – вдруг сказал один из тех, кто так недавно бурно проявлял радость, сжимая своих товарищей в могучих объятьях.

Напряжение в наблюдательной ложе росло, все чувствовали, сейчас произойдет что-то непоправимое. И действительно, тот, кто сказал бранное слово, вдруг резко встал с кресла-каталки и бросился к новичкам.

– Не надо, Осип, стой! Отставить! – закричал лейтенант Камышов, но было уже поздно.

Солдат преодолел расстояние, отделявшее его от столь ненавистного ему противника, и со всей силы ударил в лицо одного из боевиков. Кулак пришелся точно в нос. Но противник даже не успел закричать. Солдат в один момент оказался у него за спиной, схватил боевика за волосы и профессиональным движением переломал шейные позвонки, чуть приподняв и резко крутанув голову.

Остальные двое попытались откатиться обратно к двери, но получалось у них плохо.

– Так-то лучше, – сказал рядовой Осип Долгин и похлопал труп по спине, отчего тот наклонился и с мокрым шлепком упал на пол.

– Ну всё, гниды, я сейчас и с вами разберусь, – добавил Долгин, направляясь к оставшимся двоим.

– А я ему помогу, – тяжело вставая, поддержал своего товарища еще один солдат.

– Отставить! – снова прокричал лейтенант. – Хватит!!!

– Хорошо лейтенант, не будем, – согласился Долгин и отступил на шаг. – Живите, падлы...

9

Несколько секунд члены комиссии стояли неподвижно, тупо глядя в окно, за стеклом которого только что разыгралась такая ужасающая сцена. После чего всех, почти одновременно, согнуло пополам в приступе неконтролируемой рвоты. А некоторые, в том числе и сам министр обороны, просто упали в обморок. Один генерал даже бился в эпилептическом припадке, брызгая слюной.

После лошадиных доз успокоительного все пришли в себя и стали решать, как им поступить с пациентами.

– Их нужно немедленно изолировать! – кричал министр Пфайффер. – Это дикие звери, варвары, которым место в клетке!

И многие слабыми кивками показали свое согласие с таким вариантом решения проблемы. Да что уж многие – все были согласны. Слишком неконтролируемыми оказались размороженные субъекты.

– Посмотрите на них! – продолжал кричать министр обороны. – Они едва очухались,

только-только начали шевелиться и сразу же принялись убивать! Я требую, чтобы их до конца жизни изолировали от общества! Навсегда!!!

Зал одобрительно загудел, за исключением директора Ришмана и доктора Стоун, которая после речи Пфайффера, взявшего небольшой тайм-аут, встала на защиту своих подопечных:

– Но, господин министр, президент приказал использовать все возможности...

– Но это же варвары! Маньяки!

– Но, сэр, ведь именно по этой причине мы их и оживили, за их знания и навыки.

– Да, конечно... – вынужден был признать ее доводы Глен Пфайффер.

– Давайте хотя бы узнаем, почему они так поступили, сэр. Может быть, все окажется не таким уж и ужасным. Конечно, смертоубийство – это преступление, но стоит учесть, что они все еще живут по своим законам и не знают наших, они думают, будто находятся в своем времени.

– Да, конечно, это можно признать смягчающим обстоятельством, – сказал министр. – Давайте узнаем мотивы их поведения...

10

Поредевший взвод до сих пор находился в той комнате, куда их привезли для встречи друг с другом. Двоих боевиков милостиво отпустили, и те ушли, забрав тело убитого с собой.

Медбратья, которые привезли их на креслах-каталках, опасались заходить внутрь, несмотря на все заверения пациентов о том, что они их не тронут. Впрочем, странные пациенты не особенно и опечалились. Побеседовать им было о чем. В основном говорил лейтенант Камышов, перерассказывая остальным то, что узнал от доктора Стоун и директора Ришмана, – историю прошедших тысячелетий. Впрочем, он основательно ее подсократил, отбросив, по его мнению, пустую информацию.

Солдаты слушали молча, не перебивая, с хмурыми лицами. Роман не был уверен, понимают ли они его и слышат ли вообще, но рассказ продолжал. Он знал, его людям трудно принять то, что они пролежали во льдах две тысячи лет и уже нет никого из тех, кого они знали и любили. Нет ничего привычного, кроме тех двух бородачей, которых он им помешал убить.

– Как же им удалось нас оживить? – спросил сержант Галс. – Это же фантастика чистой воды! Я такое только в третьесортных комедийных фильмах видел. Но реальность...

– Видимо, не такая уж и фантастика. Что касается оживления, то это просто стечение обстоятельств. Мы искупались в антифризе, наглотались его, да еще вместе с какой-то гадостью. Сквозь нас прошел ток, нас опалил огонь, а в довершении всего нас завалило снегом, где и создались благоприятные условия для сохранения тел. Нас наверняка искали, но так и не нашли тогда...

– Видно, не особенно-то и старались, – подал голос подрывник Адам Марцев. – Мы ж не знаменитости какие, чтобы километры льда бурить годами, лишь бы тела отыскать. Курить охота, убил бы за сигарету...

– Попридержи язык, – шепотом предупредил лейтенант, глазами показав на зеркала под потолком. – Итак уже натворили дел.

– Понял.

– В тела ввели раствор с нано...

– Нанороботы, – подсказал сержант Галс.

– Да, закачали нанороботов, они нас восстановили, после чего оживили. Вот такие дела, – подвел итог Роман Камышов. – Земля теперь – единое государство с округами, земляне – единый народ без национальностей и расовых предрассудков. Колонизировано чуть больше десятка миров. Не так уж плохо... всегда мечтал побывать в космосе, посмотреть на другие формы жизни и все такое. Глядишь, может, и возьмут в звездные

разведчики, а, разведка? Что молчим?

– Может, и неплохо...

– А теперь вопрос из вопросов, лейтенант, – заговорил старшина Фрейндлих.

– Какой?

– А на кой хрен нас, собственно, разморозили, да еще всех разом? Взяли бы одного, потом другого, ведь технология могла дать сбой, и весь драгоценный материал пропал бы зря.

– Тебе, старшина, не в разведке, а в контрразведке служить, – хмуро ответил Роман. Он понял, что не задал себе и докторам главного вопроса, того, который, можно дать голову на отсечение, первым пришел в голову Виктору. – Признаться, я об этом не задумывался.

Такая непонятная ситуация взволновала всех. Солдаты загудели, заспорили друг с другом, что-то живо обсуждая, но шум мгновенно прекратился, едва одна из панелей стала прозрачной и за ней показались люди.

– Эй, может, пожарть принесете, а? А то мы тут уже изголодались, – завелся один из солдат. Его поддержали остальные.

– Да и курева не мешало бы! – поддержал товарища его сосед.

– Курение вредно для здоровья, а потому вне закона, – ответил один из тех, кто осмелился появиться в окне.

– У вас в пятом тысячелетии никто не курит? – удивился солдат.

– Именно! – с гордостью ответил толстенький человек.

– Ну, а со жратвой как?

– Скоро принесут. И вообще, тут задаю вопросы я!

– Ну-ну, давай свои вопросы...

– Зачем он убил того человека? Ведь тот ему ничего не сделал.

– Ничего себе – ничего не сделал! – возмутился Осип Долгин. Он задрал на себе рубашку и показал на груди и животе два специфических шрама. – А это вы видели?!

– Что это?

– Пулевые ранения! Это тот бородатый гад в меня стрелял! А поскольку никакого электрического тока, антифриза, огня и лавины я не помню, то сдается мне, именно из-за этих пуль я богу душу и отдал... да только вы ее обратно в тело брэнное вернули...

– Вот как значит...

Казалось, министра Глена Пфайффера ответ несколько озадачил. Похоже, как и обещала доктор Стоун, все вставало на свои места.

– Именно. И те двое – сепаратисты, террористы и преступники. В ту ночь, когда все случилось, мы как раз отбивали у них заложников, которых они захватили ради получения выкупа у компании и их бедных родственников. Да только неудачно... Вы с ними поосторожней. Бандюги еще те...

– А вы, стало быть, представляете силы правопорядка? – с надеждой спросил один из членов Комиссии.

– Вроде того, – подтвердил лейтенант Камышов. – Армейская разведка.

– То, что нужно...

– Что нужно? – не понял Роман. – Эй, вы там! Может, объясните? А то некоторые детали кажутся нам чересчур подозрительными. Например, почему нас оживили всех скопом? Это же небезопасно. Доктор Стоун, чего молчите?

– Вам бы отдохнуть не мешало, а потом мы вам все объясним.

– Да какой тут к черту отдых, вы чего темните?!

– Вы сейчас раздражены, можете неверно оценить информацию. Разговор долгий. Может, поедите для начала?

– Ну, хорошо, давайте, – согласился Роман Камышов, почувствовав, как при упоминании о еде у него заурчало в животе.

– Вах! Мои яйца! – вдруг встрепенулся рядовой Алимов, заглядывая между ног и пытаясь нащупать свои генеталии рукой.

– Что там с твоими яйцами, Рашид?

– Как что?! Две тыщи лет во льду! Вот и я хотел бы узнать, что с ними.

– Ну, я где-то слышал, якобы заморозка им не вредна. Ведь есть даже специальные банки, где сперму хранят в замороженном виде, – не слишком уверенно сказал Камышов. – Впрочем, мы сейчас узнаем. Доктор Стоун...

– Я слышала, – невнятно отозвалась Амели. Видимо, тема разговора варваров ее смущала.

– Ну, так ответьте нам, а то, честно говоря, меня самого это начинает беспокоить.

– Хорошо. Ваши... вашим... ваши репродуктивные органы практически не пострадали. Вы сможете иметь потомство.

– Главное иметь, – двусмысленно сказал Рашид Алимов. – А что именно – не суть важно...

В комнату «санитары», как обозвал появившихся людей Роман, вкатили несколько столиков с едой и тут же скрылись, с силой захлопнув дверь, будто выскочили из клетки с живыми тиграми.

– Нервные ребята...

11

Впрочем, без отдыха все же не обошлось, видимо, в пищу что-то подмешали, поскольку всех сразу после еды потянуло в сон. А, проснувшись, все оказались в своих палатах, привязанные к кроватям ремнями.

«Значит, нам не доверяют, – зло подумал Камышов, – что ж, их можно понять».

Роман осмотрелся. В палате ничего не изменилось, только рядом с кроватью стояло инвалидное кресло с электрическим мотором.

Вдруг ремни отстегнулись, и из скрытых динамиков прозвучал механический голос:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, сядьте в кресло.

– Зачем?

– Мы хотим с вами поговорить.

– Поговорить можно и так.

– Поговорить с вами со всеми.

– Понятно...

Камышову кресло не понравилось: уж больно угрожающими выглядели захваты в области ног и рук.

– Что-то говорит мне, будто я сам должен заковать самого себя, – сказал Роман, садясь в кресло. – Я прав?

– Вы очень догадливы.

– А вам слабо?

– Нам бы не хотелось прибегать к крайним мерам, – уклончиво прозвучало в ответ.

– Ну и черт с вами! – раздраженно ответил лейтенант, не собираясь расспрашивать об этих «крайних мерах».

Камышов решительно вставил руки и ноги в петли, и те моментально автоматически затянулись. Дверь из палаты открылась, и кресло само выехало в коридор. Оно немного повиляло, отыскивая направляющую линию на полу, и, держась ее, поехало к месту назначения.

На этот раз помещение, куда приехало кресло, было другое, размером поменьше, но такое же белое. Наблюдатели находились в соседней комнате, отделенной прозрачным, а не зеркальным стеклом, как в прошлый раз, но, безусловно, бронированным.

В комнате, кроме прибывшего Камышова, находилось еще десять человек.

– Привет, лейтенант...

– Здорово, старшина.

Остальные сидели в таких же креслах, с обездвиженными конечностями.

– Нас тут боятся, – весело произнес Осип Долгин. Он прекрасно понимал из-за кого.

– Немудрено, после того, что ты натворил. С чего ты вообще взял, будто бородатый именно тот, кто тебя подстрелил?

– Не знаю, – сделал попытку пожать плечами Осип. – Показалось...

– Понятно.

– Эй, вы там! – закричал старшина Фрейндлих, глядя в стекло. – Вы что, в зоопарк пришли, на редких зверушек посмотреть?

– Нет...

– Ну, тогда хотя бы оковы снимите.

– Хорошо...

Узы тут же ослабили, и все с облегчением потеряли руки, затекшие от ремней.

– Так-то лучше.

– Где остальные? – спросил Камышов.

– Они отказались садиться в кресла, – прозвучало в ответ. – Но имеют возможность слышать все, о чем мы будем говорить.

– И о чем вы хотите поговорить? И кто вы такие, собственно? Я, например, лейтенант Камышов, а это мой взвод, точнее то, что от него осталось... но все же взвод.

– Министр обороны Земной Федерации Глен Пфайффер, – помявшись, представился министр, после чего продолжил: – Не так давно вас интересовало, почему оживили всех разом.

– Точно. Так почему?

– Как вы уже знаете, мы исключительно мирные люди. Времена войн давным-давно канули в лету. По крайней мере, последний военный конфликт случился более полутора тысяч лет назад.

– Ну и?... – подбодрил Камышов замолчавшего министра, который не знал, куда деть руки. Вдруг Романа осенила догадка. – Так вот оно что! Спустя полторы тысячи лет началась новая война!

– Вы правы... Война...

– И при чем тут мы?

– Как при чем? Вы же солдаты...

– Ну и что? Если мы солдаты, это не значит, будто мы будем рады снова вернуться на войну.

– Вы не понимаете! – взметнул вверх руки министр обороны. – Нам всем угрожает опасность! Великая опасность!

– Ну, так воюйте, – пожал плечами Роман. – Берите в руки оружие и стреляйте. В чем проблема?

– Вы не понимаете, – произнес министр и осел на стул, словно сдувшийся мячик. – Мы не умеем воевать...

– Понятно... И какой масштаб конфликта?

– Я не понимаю...

– Ну, какой конфликт? Локальный, то есть банда сепаратистов решила отделиться, или планетарный, когда все все та же банда носится с придурочной идеей о независимости. Может, глобальный, и звездная система поперла на звездную систему, с космическим флотом, с лазерами наперевес, защищая идею той же независимости, будь она неладна. Так какой?

– Глобальный, – кивнул головой министр. – Но по другой причине.

– Слушайте, а на вас случайно не зеленые человечки напали, которые мозги высасывают? – не то всерьез, не то в шутку спросил старшина Фрейндлих. – Или там какие другие твари, скажем из созвездия Гончих псов, а то я, откровенного говоря, с детства ужас как боюсь собак... Понимаете, в детстве, когда мне было лет пять, меня целых два раза покусали огромные псины, было очень больно... Прививки от бешенства делали, с тех пор я очень боюсь собак. Мне даже диагноз поставили... забыл как называется. Синдром какой-

то... Но это еще ничего. Вот если это какие-нибудь мохнатые, шестиглазые пауки или там скорпионы, которые клешней перерубают человека пополам, тогда я действительно умываю руки.

Все засмеялись, только сидевшие за стеклом юмора не поняли, им было не до шуток.

– О чем вы? Какие собаки? Какие пауки со скорпионами? Какие зеленые человечки? Обычные люди, такие, как мы с вами... Но они уже практически уничтожили все поселения в системе Лазурит...

– Ладно, Виктор, не паясничай, – едва сдерживая смех, приказал лейтенант Камышов. – От нас-то вы чего хотите? Чтобы мы в одиночку перестреляли всех ваших врагов?

– Я не знаю... может быть, попробуете обучить наших солдат? – с надеждой не то спросил, не то предложил министр Пфайффер. – Вы просто обязаны что-то сделать!

– Не так категорично, – сказал старшина, – мы вам ничего не должны.

Но, посмотрев на сдвинутые брови лейтенанта, Фрейндлих добавил:

– Но помогать не отказываемся, правда, с некоторыми условиями.

– Чего вы хотите?

– Хватит нас держать, как обезьянок в клетках, мы благоразумные люди и никого калечить просто так не собираемся, а то, что случилось прошлый раз, просто недоразумение... Дайте нам нормальную одежду, а то эти больничные халаты нас уже достали. По городу нас покатайте. Должны же мы узнать, как изменился мир за две тысячи лет. Что еще?... Пока все, дальше видно будет.

– Вы обещаете не применять насилие?

– Клянемся, если, конечно, на нас не наедут. Тут уж как получится.

– Хорошо... На вас не наедут, у нас соблюдают правила дорожного движения, – по-своему понял значение слова Глен Пфайффер.

12

Из комнаты их выпустили уже действительно свободными. Кто хотел – шел самостоятельно, кто не хотел или не мог – катался на кресле. Некоторые солдаты даже устроили гонки, кто быстрее.

Требования были частично выполнены. Им выдали такую же одежду, какую носили сами члены комиссии и доктора – длинные до пят одежды, больше похожие на китайско-японские халаты-кимоно.

– В этих тряпках я себя чувствую бабой, – возмущался сержант Галс, в общем-то, выражая общее мнение.

– Ничего не поделаешь, у них такие традиции – сказал Роман Камышов, – но, думаю, нам удастся вскоре получить свою форму обратно. Или подобрать что-нибудь более привычное.

– Будем надеяться.

– Вы готовы? – спросил министр Пфайффер, когда все переоделись.

– К труду и обороне? – сделал попытку пошутить старшина.

– В смысле?...

– Не бери в голову. Мы-то готовы, а как насчет прогулки по городу?

– Я, конечно, понимаю, что сидение в четырех стенах несколько утомляет, но все же просим, чтобы вы приступили к действию как можно быстрее.

– С чего такая спешка? – недовольно поинтересовался лейтенант Камышов. – Один день погоды не сделает.

– Пошел уже четвертый месяц, как мы запустили проект по вашей разморозке. Так что времени прошло уже достаточно, и враг направился к новой колонии, чтобы уничтожить ее, – размахивая руками и брызгая слюной, объяснял министр.

– Понятно.

– Несмотря на то, что вы являетесь запасным вариантом, – продолжал министр, –

желательно, чтобы ваши навыки...

– Убивать, – договорил за министра Роман.

– Именно... чтобы ваши знания начали помогать нам как можно быстрее.

– Что ж, с прогулкой по городу можно и повременить. Ведите нас в свой штаб, будем вас консультировать.

– Если мы запасной вариант, то какой тогда является основным? – поинтересовался старшина Фрейндлих.

– Э-э... боевые роботы с элементами искусственного интеллекта.

– Ух ты! – восхитился Виктор. – Тогда зачем вам мы? Если у вас есть такая сила, как роботы.

– Некоторые аналитики считают, если не умеет воевать создатель, то и его создания тоже могут этого не уметь, поскольку...

– Проще говоря, оружием еще нужно уметь пользоваться.

– Именно так, потому мы и привлекли вас, тех, кто умеет пользоваться оружием.

– Ясно. Стоп... а что на счет армии? – спросил Камышов.

– Да ладно вам, лейтенант, – махнул рукой старшина. – Посмотри на них...

Только сейчас Роман заметил, что все члены комиссии шли на значительном расстоянии от солдат, косо на них поглядывая. И даже министр обороны старался держаться в сторонке, а когда кто-нибудь из солдат к нему подходил чуть ближе, того чуть ли не трясло от страха, особенно остро он реагировал на Долгина. И абсолютно никакой охраны, даже номинальной, – это удивляло больше всего.

– Если у них министр обороны такой сопляк, то что можно сказать о его солдатах? И вообще обо всех жителях?

– Согласен.

Пешая прогулка по обильно украшенным цветами коридорам закончилась в большом зале с огромным стеклянным столом в центре.

– Располагайтесь...

– Что это?

– Какое-то время послужит нашим операционным центром, – пояснил министр Пфайффер. – Отсюда вы будете делать свои предложения по усовершенствованию, усовершенствованию...

Министр обороны мучительно искал оборот, чтобы закончить предложение. Ему помог Камышов, подмигнув доктору Стоун:

– Мы поняли, что вы хотели сказать, господин министр.

– Спасибо. Еще... с вами хотел поздороваться господин президент.

Вспыхнул большой экран на стене, на нем появилось изображение президента. Тот, казалось, ждал вызова, ибо сразу же отвлекся от бумаг на своем столе.

– Добрый день.

– Здравия желаем, господин президент! – в один голос гаркнули солдаты.

– О-о! У меня нет слов! Спасибо. У вас э-э...

– Лейтенант Камышов, – представился Роман. – Разведзвод.

– У вас уже есть какие-то предложения для нас, лейтенант?

– Нас ввели только в общий курс дела, господин президент. Нужна более подробная информация для анализа. Собственно, мы здесь, чтобы ее получить в более детальном виде и представить свои умозаключения.

– Что ж, не буду мешать. У нашего министра обороны есть все необходимое. До встречи.

– До свидания, господин президент.

– Какая именно информация вам нужна? – спросил министр Пфайффер, после того как президент отключился.

– Думаю, такой толпой нам тут делать нечего. Старшина, сержант, оставайтесь, а остальные кругом... погуляйте, ребята.

– Почему вы отправили их гулять, как же анализ? – удивился министр.

– Я не знаю, какие порядки у вас, но я буду действовать так, как считаю нужным, как привык. Подчиненные будут лишь выполнять приказ. Если каждый рядовой примется вставлять свое слово, мы так очень долго будем канителиться. Одна голова хорошо, две еще лучше, а если их двадцать... Что касается информации, то мне нужно все. Кто, что, почему напал. Абсолютно все.

– Хорошо...

– И еще... гражданским тут тоже не место. Это касается и вас, доктор Стоун.

– Почему? У нас открытое общество, все является достоянием общественности. Все принятые решения объявят средства массовой информации для широкого обсуждения...

У лейтенанта от этих слов отвисла челюсть. Нечто похожее происходило с остальными размороженными. У старшины вообще наблюдались первые признаки гомерического смеха, и он еле сдерживал себя, но давалось ему это с трудом.

– У вас же вроде война? Или я чего-то не понимаю? – искренне удивился Роман.

– Ну да, война...

– А как насчет военной тайны? – вкрадчиво продолжал интересоваться Камышов. – Ведь и противник узнает о всех решениях от ваших СМИ. Ведь так?

– Ну да, – вынуждена была согласиться доктор, слегка загипнотизированная взглядом лейтенанта, не совсем понимая, куда он клонит.

– Значит, об этом совещании, а уж тем более о принятых здесь решениях должен знать только ограниченный круг людей, и никакого широкого обсуждения в народе. Чтобы враг не смог действовать на опережение, иначе вы никогда не сможете его победить. О режиме секретности с вашим президентом придется поговорить отдельно. И вы, господин министр, удалите из своего окружения всех, кто не относится к вооруженным силам.

– Вы что же, думаете, будто среди нас имеются шпионы?! – негодовал Пфайффер.

– А почему бы и нет? А даже если и нет... там брякнул пару слов, еще где-нибудь и всё, информация больше не секретна. Это все равно, что противнику сразу сказать, как вы собираетесь ударить по нему и попросить его ничего не делать, чтобы отразить этот удар. Смешно, право слово.

– Это невозможно!

– Кажется, вы просили нашей помощи? Мы согласились. Но уж не взыщите, мы привыкли делать свое дело добросовестно.

– Хорошо, я удалю...

– Отлично. Кстати, доктор Стоун, что вы делаете сегодня вечером?

Вместо ответа Амели развернулась на каблуках и быстро вышла.

– Кажется, ты ее зацепил, – прокомментировал старшина Фрейндлих.

– Мне тоже так кажется. Ну что ж, начнем, пожалуй. Давайте с самого начала, кто они, зачем и почему...

13

Министр какое-то время помялся, собираясь с мыслями и прикидывая, с чего начать.

– Мы их называем оуткастами, по названию планеты проживания.

– Какое-то странное название, – задумчиво протянул старшина. – Что оно означает?

– Э-э...

Министр обороны Пфайффер не успел ответить. Экран, с которого не так давно с ними разговаривал президент, снова включился. На нем вспыхнула заставка, в которой с трудом угадывалась эмблема вооруженных сил. Это означало, что транслируемые кадры могут видеть только люди, имеющие определенный доступ, то есть военные, чтобышний раз не травмировать психику простых граждан, и без того сильно пострадавших при первой трансляции, когда Министерство цензуры допустило слишком много жестокости.

– Что это? – спросил лейтенант Камышов.

– Это имеет прямое отношение к нашему разговору. Кажется, все случилось несколько раньше, чем мы предполагали...

«Внимание, людям впечатлительным лучше отключиться или покинуть помещение приема трансляции», – появилась надпись на экране.

– Что случилось несколько раньше?

– Мы надеялись прибыть в Каледонию раньше оуткастов, чтобы подготовиться... Но, как видите, не получилось, мы прибыли одновременно с ними, – пояснил совсем упавшим и дрожащим голосом министр обороны Пфайффер.

С экрана действительно исчезла заставка, и на ее месте появилась чернота космоса, продырявленная тысячами звезд; некоторые из них двигались. Камера настроилась именно на эти движущиеся объекты, и вскоре стало понятно, что это корабли.

– Оуткасты... – пояснил министр. – В Каледонии три обжитых мира, одна планета и два крупных спутника газовых гигантов с атмосферой. Не считая сырьевые базы...

В углу появилось схематичное изображение этого мира с наглядными параболами орбит движения планет. Здесь же были точки движущихся навстречу друг другу кораблей. Министр пояснил:

– Красные точки – это оуткасты, желтые наши... как видите, малые планеты уже потеряны.

И действительно, рядом с населенными спутниками находилось несколько красных точек. Проходила оккупация спутников.

– Нам остается лишь попытаться удержать Эрлих – единственную планету.

Два флота неслись к четвертой планете от звезды – Эрлиху.

– Как вы намерены действовать?

– Занять все стратегические объекты. То есть защитить города.

– А у вас хватит на это сил?

– У нас примерно миллион солдат-роботов, примерно по сто тысяч на каждый город. Мы посчитали, что этого вполне достаточно, тем более – у нас больше нет...

– То есть?

– Это первая партия роботов. Мы послали всех, что сумели собрать за это время на наших заводах, а они работают на полную мощность.

Корабли подошли к планете почти одновременно. Земной флот подходил группами по десять кораблей. Всего их было десятков двенадцать.

Камышов никак не мог понять, что в этих кораблях не так, возможно, ему мешали образы когда-то виденных фантастических фильмов, но когда он увидел корабли оуткастов крупным планом, он понял, чего не хватало земным кораблям – оружия.

Нет, пушки, конечно, присутствовали, но очень мало, по пять-шесть штук на судно. В то время как боевые корабли оуткастов прямо-таки топорщились стволами корабельных орудий, и вскоре это дало о себе знать, когда произошло первое столкновение.

Корабли оуткастов, сблизившись на дистанцию выстрела, открыли ураганный огонь по первой группе кораблей Земного флота. Яркие вспышки попаданий слегка слепили зрителей, пока не включился световой фильтр. Но кораблям это помочь не могло. Вот уже два из них, получив до сотни попаданий, взорвались. Яркие вспышки ослепили на некоторое время самих стрелков, интенсивность огня ослабла, и это дало кораблям некоторое время, чтобы как можно ближе продвинуться к орбите планеты, но это им не удалось. Начался новый обстрел.

Кто-то дал запоздалую команду произвести десантирование, и сотни огромных шаттлов отделились от носителей и устремились к планете. Но и это им мало помогло. Вслед за шаттлами, несущими в своих трюмах сотни роботов, устремилась в погоню верткая авиация оуткастов.

Истребители, не опасаясь вражеского огня, вплотную приближались к шаттлам и расстреливали их в упор из ракет. Шаттлы даже не делали противоракетных маневров и вообще никак не защищались от губительного огня.

Обнаглев, летчики для экономии ракет, расстреливали двигатели шаттлов из пушек, разбивая рулевые сопла вдребезги, отчего десантные челноки, беспорядочно вращаясь, сходили с курса, больше не представляя для завоевателей никакой опасности.

В итоге первая группа кораблей оказалась почти полностью уничтожена, и в лучшем случае к планете удалось пробиться двум десяткам шаттлов, но Роман сомневался, что им удастся благополучно сесть на планету и разгрузиться. Вслед за челноками в облака нырнули все те же истребители.

Гибель первой группы кораблей дала возможность остальным приблизиться к планете в других местах более плотно и начать десантирование, но и тут завязались бои, а точнее простой расстрел из орудий и торпед. Оуткасты стреляли довольно точно, как в тире.

– Что происходит? – тихо спросил лейтенант Камышов. – Почему ваши корабли не отвечают огнем на огонь? Ведь у вас же есть пушки, мало, но есть! Стреляйте же, черт возьми!

– Почему шаттлы никак не защищены? – добавил старшина Фрейндлих. – Почему не делают противоракетных маневров? Почему нет противоракетных средств пассивной защиты в виде тепловых, электромагнитных и прочих шашек? Почему нет стационарных огневых средств для активной защиты?

– Почему нет самолетов сопровождения? – обвинительно добавил уже сержант Галс. – Они хотя бы не дали так безнаказанно дурачиться вашим оппонентам. И половина из тех десантных шаттлов достигла бы своей цели, даже без вышеперечисленных средств защиты, просто пройдя по коридору, обеспеченному прикрытием. Вы даже не додумались повесить на корабли дополнительные броневые пластины...

– Что происходит, господин министр? – спросил Камышов. – Я, конечно, понимаю, вас полторы тысячи лет не тревожили войны, но архивы-то вы посмотреть могли? На худой конец, фильмы всякие... можно даже фантастические, там тоже хорошие идеи есть. Там наверняка обо всем этом сказано. Как бить, как защищаться.

– У нас не было времени подготовиться как следует, – стал оправдываться Пфайффер, словно на суде. – Мы сделали ставку на роботов, а не на средства доставки... мы просто не учли этот момент. Кто же знал?...

– Ну а почему пушки не стреляли? Неужели команда вся, как один, в штаны наделала? Ну, тогда поставили бы автоматику... я думаю, в четвертом тысячелетии такое возможно. Ведь так?

– Именно так. На тех кораблях нет ни единого человека, они полностью автономны и механизированы.

– Тогда в чем проблема? Или опять не учли этот момент?

– Именно... Это пушки против метеоритов. Никому в голову не пришло перенастроить их на стрельбу по кораблям. Поймите, мы мирные люди... мы просто в принципе не понимаем, что значит воевать. Это для нас огромный стресс... мы можем смотреть на это в прямом эфире лишь потому, что понимаем, на погибших кораблях просто груды штампованного железа и пластика, а не люди. Повторяю, мы надеялись прибыть в систему раньше оуткастов... – чуть не плача говорил министр.

На него было жалко смотреть.

– Ладно, об этом потом. Смотрим дальше. Будем надеяться, что на поверхности планеты дела будут обстоять не так плачевно.

14

Корабли погибали, но они успевали сбросить шаттлы, словно рыба икру на нересте перед тем, как умереть от зубов хищников. Но и ушедшие к планете шаттлы подвергались жестокому обстрелу. Зрители хорошо видели, как при очередном взрыве челнока из огненного шара вылетали тела довольно громоздких шагающих или гусеничных роботов.

До атмосферы добралось в лучшем случае шестьдесят процентов из общего числа

шаттлов.

Начали высадку и сами оуткасты. Они действовали в той же манере, как и земные челноки, но не потому, что не умели двигаться к цели иначе, чем по прямой, а потому, что ничего не опасались. Их никто не атаковал, а значит, можно не спешить и провести высадку спокойно, как на учениях.

Картинка на экране, все время менявшая ракурс, то гасла, но появлялась вновь и после секундной заминки погасла совсем. Это означало, что погибли все корабли присланного на защиту системы флота, все сто двадцать кораблей, которые после сброса десанта даже не додумались развернуться и рвануть обратно.

Утешением такой бездарной потере кораблей служило лишь то, что там не присутствовало ни одного человека – члена экипажа, – все выполнялось автоматически. Но и это не помогло.

Высадка как тех, так и других проходила в районе десяти крупнейших городов Эрлиха. Жители просто не знали, как действовать в условиях войны, а потому стянулись в большие города, считая, что высокие дома спасут их. Это было ошибкой – следовало разбегаться, как тараканам, в самые захолустные и забытые богом места.

Вражеская авиация налетала, как саранча, сбрасывая бомбы и пуская ракеты. Города в один момент затянулись черным дымом пожарищ и пылью от обрушившихся зданий. Это создавало панику среди населения. Люди метались по улицам, ища защиты, которой там не было в принципе, погибая под обломками зданий и задыхаясь в пыли.

Высадка продолжалась. Земным шаттлам активно мешала авиация, подбивая суденышки прямо у земли, и те падали, оставляя после себя огромную дымящуюся воронку. Садившиеся челноки, избежавшие участи своих менее удачливых собратьев, тут же освобождались от десанта.

Шаттлы оказались намного больше, чем их сначала представил себе Роман.

Из каждого брюха выходило до десятка трапов, по которым съезжали и сбегали солдаты-роботы трех основных модификаций: пехотинец, зенитчик, ракетчик. Все они тут же разбегались по местности и вступали в бой с противником.

Возле одного из городов разгорелась ожесточенная схватка. На поле вперемешку садились шаттлы землян и оуткастов. Это несколько сковывало действия авиации противника, чем и объяснялась многочисленность земных шаттлов.

Еще съезжая по трапу, многотонные роботы-зенитчики открывали огонь по кораблям противника. Один из них, после того как его все же настигли три ракеты из десяти, потерял управление и, заваливаясь на бок, стал падать.

Раздался взрыв, который тут же был поддержан бурными аплодисментами членов комиссии. Им казалось, что еще немного и победа будет за ними, а варвары позорно сбегут.

Дела действительно шли неплохо. В завязавшемся бою оуткасты несли большие потери в живой силе и технике.

Ракетчики с грехом пополам сбивали шаттлы и самолеты. Зенитчики косили всех, кто выбегал из тех челноков, что приземлились. Легкие пехотинцы врывались туда, куда не могли стрелять тяжелые роботы, чтобы не попасть в своих.

Так продолжалось до тех пор, пока из особо крупных шаттлов оуткастов, которые, приземляясь, огнем из дюз срывали метровые слои почвы, не стала появляться тяжелая техника – танки.

Выстрелы чудовищно большого калибра пушек буквально сметали роботов, даже если взрывы снарядов попадали в десятки метрах от цели.

Бездушные солдаты Земли еще сопротивлялись, переключаясь на нового противника. Танки горели один за другим, подбитые ракетами, но общий перевес сил складывался не в их пользу. При большей численности механические солдаты явно проигрывали в качестве и умении людям.

Новая волна авиации работала более точно и аккуратно. Пришли в себя солдаты, которых вначале так сильно потрепало. Теперь они, вооружившись гранатометами, выбивали

роботов одного за другим, ибо те действовали без особого умения, просто наваливаясь всей лавиной лоб в лоб.

Людям без особого труда удавалось заманивать большие отряды роботов в ловушки между холмами, где сканеры машин не могли обнаружить тяжелую вражескую технику, которая их, собственно, и расстреливала, превращая в металлолом.

Тут выяснился еще один недостаток металлических солдат, хорошо показавших себя в скоротечном бою, – они не умели пользоваться не то что чужим оружием, а даже своим, оброненным их погибшим собратом одной модели. В результате у них просто закончились боеприпасы, а новых взять было негде. Шаттлы, имевшие в своих трюмах сменные картриджи и роботов-погрузчиков, горели, подбитые танками или самолетами, сев на открытое, ничем не защищенное пространство.

Дальше началось простое методичное уничтожение. Люди сначала с опаской, а потом и вовсе осмелев, подходили к машинам и бросали в них гранаты. В роботах, оказывается, не имелось функции рукопашного боя, и они просто стояли как вкопанные, дожидаясь своей участи и щелкая пустыми затворами автоматов.

На остальных фронтах дела обстояли не лучше. Роботы сходились с людьми лоб в лоб и проигрывали более маневренным и изощренным оуткастам, наносившим удары не только с земли, но и с воздуха, что являлось главным залогом их успеха.

Бои еще продолжались, еще были очаги сопротивления, но их становилось все меньше и меньше, и вскоре не стало совсем. После чего захватчику открылись все дороги в города.

Так и просидели люди за монитором полдня, не испытывая никаких естественных потребностей, полностью захваченные ужасным зрелищем разрушения – варварства.

Кто-то из членов комиссии находился в глубоком шоке, уставившись пустыми глазами в экран, на котором давно уже ничего не происходило, и снова стояла заставка Министерства обороны.

Министр обороны чуть покачивался в кресле, что-то шепча одними губами.

Камышов никак не мог отделаться от ощущения, будто посмотрел затянувшийся фантастический фильм не очень хорошо понимающего предмет режиссера. Все казалось слишком «сырым» и непродуманным.

– Эй... – тихо позвал Камышов Пфайффера. – Вы как, может, вам медиков вызвать?

Не дождавшись ответа, Роман нажал на кнопку вызова доктора Стоуна на своем запястье, потом стал звать доктора по имени в микрофон на приборчике, но ответа так и не получил.

– Ладно, лейтенант, пойдемте отсюда. Они сейчас все в прострации, видимо, мультик посмотрели все, вплоть до последнего лаборанта, и вряд ли выйдут из такого состояния быстро, – сказал старшина. – Мне, честно говоря, самому немного не по себе от увиденного, что уж говорить о них.

– Хорошо, пойдем, погуляем.

Когда все через полдня пришли в чувство и смогли трезво мыслить, Камышов зачитал им предложения по усовершенствованию роботов, а также предложил новые тактические приемы ведения войны.

Список предложений, составленный при участии старшины и сержанта, оказался довольно внушительным – более ста пунктов. От уже озвученных в самом начале, про стреляющие пушки и противоракетные средства, до необходимости взаимозаменяемости оружия.

– Вам необходимо обзавестись танками, а главное авиацией. Лучше пилотируемой...

– Это невозможно...

– Ну, тогда беспилотной. Но такой, чтоб летала не на бреющем полете, как беременная чайка, а крутилась и вертелась, словно ужаленный в задницу шмель!

– Вы не поняли... это невозможно. Это осуществимо, но у нас нет времени. Необходимо проделать слишком большую работу. Создать новые корабли, эти как их?...

– Авианосцы, – подсказал Роман.

– Именно. Потом нужно сделать сами самолеты, а такого опыта у нас нет. Это многие и многие месяцы, если не годы... – потерянно объяснял министр Пфайффер.

Поражение роботизированных солдат сильно подкосило военного министра, и он практически не вставал с кресла. У него пропала надежда, ведь погибло его детище.

– На пути оуткастов к Земле больше нет препятствий, – продолжил за министра его помощник. – Мы считаем, что через шесть месяцев их флот окажется здесь. Помогите нам. Помогите нам!

– Чем? – Роман аж отшатнулся от истерично закричавшего помощника министра обороны, пытавшегося схватить Камышова за лацканы одежды. – Что мы можем сделать?

– Не знаю, но вы просто обязаны нам помочь! Вы просто обязаны!

– Но я уже предложил вам возможные варианты. Совершенствуйте свою механическую армию, вправляйте им электронные мозги, вводите новые программы с учетом новых тактических схем. Что мы еще можем сделать в этих условиях?

– Хорошо... Обучите нашу армию! – с горящими глазами вдруг предложил министр Пфайффер, сам плохо понимая, о чем просит.

– Ну, ладно, попробуем, – сказал Камышов, чтобы хоть что-то сказать и приободрить собравшихся. – Хотя я с трудом себе представляю, как это можно сделать.

– Спасибо!

– Да не за что. Но все же начните переоборудовать судостроительные верфи под новые корабли. Нужно сделать все возможное...

– Конечно-конечно, мы все сделаем! И начнем прямо сейчас.

15

Через полтора часа, взлетев с крыши медицинского института, вертолет приземлился на бетонной площадке ближайшей военной базы. Турбины стихли, замедлили свой бег винты, и только тогда людям позволили выйти.

Воинская часть больше напоминала ботанический сад. Кругом полно цветочных клумб с диковинными цветами, каких Камышов раньше никогда не видел, из чего сделал вывод: это либо новые выведенные сорта – чего только не произошло за прошедшее время, либо цветы-инопланетяне, привезенные из колоний, находящихся за многие световые годы от Земли. А может, и то, и другое вместе.

«Интересно будет сходить в зоопарк, – вдруг подумал Роман. – Посмотреть на неведомых зверушек».

Практически ничего не говорило о том, что они прилетели на военный объект. Нигде не видно привычных им полос препятствий в виде траншей, деревянных горок, веревочных переправ и сеток, стрельбищ и прочих атрибутов воинской части. Правда, еще оставалась надежда, что все это где-то спрятано подальше от глаз, но почему-то лейтенанту в это верилось с трудом.

От старых воинских частей остался знакомым только плац со знаменем, по которому гуляли военнотружущие, назвать их солдатами у лейтенанта не поворачивался язык. Форма, кроме цвета, ничем не отличалась от гражданской одежды.

Так называемые солдаты собрались толпой неподалеку от севшего вертолета, а когда винты совсем прекратили движение, к ним вышел молодой человек лет пятидесяти с тремя серебряными звездочками на шапочке, больше похожей на кепи, только без козырька.

– Полковник Бенни Сталлер, добро пожаловать, – поздоровался тот, протягивая руку.

– Лейтенант Камышов, – рефлексивно козырнул Роман, на мгновение забыв, что он даже не в форме, и ответил на рукопожатие.

– Что это вы сейчас сделали?

– Не важно... это и есть ваш личный состав, который нам предстоит обучить? – поинтересовался Роман, оглядывая толпившихся солдат, толкавшихся и тянувших шеи,

чтобы получше разглядеть прилетевших.

– Они самые.

– М-да, работы будет больше, чем я предполагал, – поморщился лейтенант. – Ну что, ребята, пошли посмотрим, что можно с ними сделать.

– Да я уже сейчас вижу, что ничего... – прокомментировал старшина. – Детишки какие-то, честное слово.

– И тем не менее.

– Прошу за мной, – пригласил всех полковник Сталлер и повел прибывших за собой.

– Скажите, полковник, а чем вы вообще занимаетесь?

– В каком смысле?

– В прямом. Войны, за исключением той, которая идет сейчас, не было очень давно, а между тем армия существует. Какие задачи она выполняет? Не существует же она как реликт прошлого, как аппендикс у человека.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – кивнул полковник. – Но наша армия – это армия не в привычном для вас понимании этого слова.

– То есть?

– Армия спасения... пожалуй, это наиболее точное определение.

– И кого же вы спасаете при нынешнем благополучии?

– Многие проблемы, конечно же, исчезли, но природных, да и техногенных катастроф никто не отменял. Случаются сильнейшие землетрясения с многочисленными разрушениями, гигантские наводнения и так далее.

– Ну, а почему тогда армия, а не министерство по ЧС, как в свое время было у нас?

– Так повелось. С тех пор многое изменилось.

– Понятно, традиция. Что ж, полковник, давайте посмотрим на ваших ребят.

– Так сразу?

– А чего тянуть? На нас тут постоянно давят, дескать, времени нет.

– Понимаю.

Полковник подозвал своего помощника и приказал тому дать сигнал сбора. После чего резко изменил направление движения, и через пару минут все вновь оказались на плацу, где уже достраивались последние шеренги сбегавшихся отовсюду солдат. Вскоре прибыли все солдаты, кому положено было здесь находиться, образовав каре, отчего на плацу стало тесно.

Камышов сразу заметил, что различия здесь между мужчинами и женщинами не делались, по крайней мере, они все стояли вперемешку.

– Сколько здесь? – спросил Камышов, с удовлетворением отметив, что его люди построились сами и стояли по стойке «смирно».

– Пятьсот человек.

– Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Лейтенант прошелся вдоль одной из шеренг. Лица солдат ему не понравились. Такие лица были у «ботаников», только что попавших в часть и думающих, будто все это с ними не серьезно, что это просто кошмарный сон и стоит только проснуться, как все исчезнет само собой.

Как правило, таких научить чему-нибудь дельному очень сложно. Многие из «ботаников» не выдерживали и сбегали или, еще хуже того, вешались или стрелялись, предварительно расстреляв своих обидчиков.

– Хреново...

Наконец Роман отыскал в строю более или менее нормальное мужественное лицо. Показав на парня, он спросил:

– Как тебя зовут, солдат?

– Оуэн Уилсон, сэр... – смущаясь, ответил тот. Он не знал, как себя вести с варваром из темных веков.

– Выйти из строя, рядовой Уилсон.

Передняя шеренга расступилась, и солдат несмело, помявшись с ноги на ногу, вышел

вперед.

– Ударь меня, рядовой, – приказал лейтенант.

– Зачем, сэр? – непонимающе спросил солдат, оглянувшись на своих товарищей, оставшихся в шеренге, ища у них поддержки.

– Ударь меня, это же так просто, взял, сжал кулак и двинул в морду.

– Но зачем?! Это же нецивилизованно! Зачем мне вас бить? Вы мне ничего не сделали, сэр. И даже если бы и сделали...

Договорить солдат не успел, просто подавившись словами, когда Роман легонько ткнул его кулаком в плечо, повторив требование:

– Ударь. Ну же, ударь, – повторял Камышов, ударяя солдата в плечо все сильнее и сильнее. – Ударь, кому говорю!

В строю начались волнения, по рядам покатился ропот, и, не выдержав, подбежал даже полковник.

– Что вы делаете? Что тут происходит?

– Прикажете этому рядовому ударить меня, полковник. Со всей силы.

– Но зачем? Мы не приемлем насилия. Что он вам...

– Просто прикажете, мне нужно понять, чего они стоят и как мне их обучать.

– Хорошо... – кивнул полковник Сталлер и, повернувшись к солдату, приказал: – Уилсон, ударьте его, как просит господин лейтенант.

– Хорошо, господин полковник...

Солдат долго собирался с духом, строй погрузился в абсолютную тишину, ведь сейчас должно произойти невиданное – один разумный человек ударит другого.

Наконец дрожащая рука рядового полезла вверх и, замерев в верхней мертвой точке на пару секунд, решительно понеслась вниз, стремясь попасть по голове уже ненавистного лейтенанта.

Роман Камышов просто сделал шаг в сторону, и кулак прошел мимо.

– Еще, – потребовал Камышов.

И после кивка полковника рядовой Уилсон повторил попытку, но с тем же плачевным результатом.

– Ударь же меня, черт возьми! Или ты только и можешь, что воздух месить? Давай же, давай обеими руками. Ну?!

Видимо, в голове рядового произошел какой-то сдвиг, и он чуть ли не с рычанием набросился на лейтенанта, размахивая обеими руками. Камышов лишь уклонялся, уходя все время в сторону, подкалывая солдата обидными шуточками, чтобы еще сильнее раззадорить его.

– Что ты руками машешь, как ветряная мельница? Бей, а не маши!

После полуминутного уклонения, когда Роман двигался по всей свободной площади плаца, Камышов прямо на ходу выбрал из строя еще двух человек в дополнение к почти выдохшемуся рядовому Уилсону.

– Помогите ему, а то он все никак не может меня ударить. Может, вам удастся. Начали.

Теперь солдатам не потребовалось одобрения своего командира, и они набросились на лейтенанта, но все с тем же успехом. Лейтенант Камышов ставил простые блоки без продолжения контратакой.

– Давайте-давайте, – поддразнивал солдат Роман. – У вас почти получилось...

Прошло еще полминуты, и Камышов к уже имевшейся тройке добавил еще двух солдат. И честно их предупредил:

– Ребята, если в течение первых десяти секунд вы не выведете меня из строя – не свалите на землю, вы об этом сильно пожалеете. Начали.

Началась новая возня. Солдаты мешали друг другу, но Роман не делал им поблажек. Блоки стали жестче, а некоторые получили по тумаку, что только сильнее разозлило противников, но и придавшая им силы ярость не помогла.

Камышов добровольно увеличил время такого спарринга до пятнадцати секунд,

продолжая легонько поколачивать солдат, а потом случилось то, чего ждал взвод лейтенанта и чего не ожидал больше никто.

Роман растолкал солдат, ныряя им под руки, освободив для себя чуть больше пространства, и в следующую секунду быстро нокаутировал противников, отвесив каждому по одному удару, довершив разгром эффектным ударом ногой в живот с разворота, отчего противник отлетел на полтора метра и грохнулся на бетон спиной.

– Подберите их...

Никто не пошевелился, тогда Роману пришлось буквально вырвать из строя нескольких человек за шкуру. Остальные выходили из ступора сами, в страхе шарахаясь в сторону, стоило ему только к ним приблизиться.

– Ты не слишком увлекся? – улыбаясь, спросил старшина, когда лейтенант вернулся к своему взводу, а раненых унесли их ошеломленные товарищи. – Особенно с последним пируэтом?

– Ну, разве что чуть-чуть...

16

Министр обороны был вне себя и долго не мог успокоиться.

– Вы же обещали никого не трогать! Не применять насилие! Зачем вам потребовался этот... это... безобразие! Говорите!

– Я хотел посмотреть, на что способны ваши солдаты, господин министр обороны.

– Если бы вы спросили, то мы бы сказали, наши солдаты не занимаются силовыми видами боевых искусств. Этот рядовой Уилсон получил сильнейшее эмоциональное потрясение, которое запросто может перейти в психическое заболевание. Полковник Сталлер вам вроде бы сказал, что мы не приемлем насилие...

– А придется, господин министр. Иначе никак. Сами понимаете – война.

Министр Пфайффер сразу как-то сник и, обидчиво поджав губы, отвернулся. Видя, что от министра обороны больше ничего не добиться, Камышов обратился к командиру части:

– Кстати, господин полковник, что вы предприняли в связи с объявлением вам войны?

– А что мы должны были предпринять?

– Хм-м... Ну, может, усилили физическую подготовку солдат. А то тот рядовой с минуту помахал кулаками – и все, бери тепленьким, а ведь он не из дистрофиков. Или провели стрелковую подготовку... вы вообще как, стреляете? Или вы даже оружие в глаза не видели?

– Ну почему же, – обиделся полковник, – стреляем. А что касается физической подготовки, то подобный ритм, который вы им задали, был для них непривычным и очень стрессовым... А так солдаты регулярно занимаются в тренажерном зале, на самых различных снарядах. Что касается увеличения количества стрельб, так это ни к чему. Все солдаты стреляют на отлично, – с некоторым вызовом сказал полковник Сталлер.

– Ну что ж, пойдёмте, посмотрим на стрелковую подготовку ваших солдат. Поскольку нормально драться мы их не сможем научить даже за год, так что лучше и не пытаться, а сосредоточиться на других дисциплинах.

– Пойдёмте.

Полковник привел всех в просторный тир, где их уже ждал взвод солдат с винтовками в руках. В ста метрах от огневого рубежа находился экран с мишенями.

– Где-то я уже их видел, – произнес старшина Фрейндлих, имея в виду мишени.

– В рекламе, наверное, у спецслужб такие были, что-то с телеметрией связано...

– Точно! Там еще человечки бегали, а в них стреляли из оружия. Меня всегда удивляло, как это все работало?

– Вот и посмотрим.

Но вместо людей-мишеней на экране появились обычные мишени «кругляшки», какие использовались в обычных тирах с пневматическими ружьями для детей.

По сигналу взвод солдат подошел к рубежу и по второму сигналу своего сержанта начал стрельбу.

Винтовки в руках солдат быстро защелкали, и над каждым из них высветился результат, у всех было от девяносто пяти до ста очков.

– Видите, какие прекрасные результаты, – похвалился полковник. – Примерно такие же и по движущейся цели. Посмотрите сами...

Полковник Сталлер кивнул сержанту, и мишени на экране начали свое движение. Солдаты после соответствующих сигналов снова начали стрельбу. Результат, как и обещал полковник, оказался почти таким же отличным.

– Неплохо, – кивнул Роман.

– А хотите проведем эксперимент? – предложил полковник. – Кто точнее стреляет.

– Вы хотите нас проверить, как стреляем мы? – спросил лейтенант.

– Да.

– Хорошо, – согласился лейтенант Камышов. – Давайте, парни, к рубежу.

Взвод лейтенанта позаимствовал винтовки у стрелявших. Взял одну из винтовок и Роман, привычно взвесив ее в руке и определив центр тяжести.

Оружие оказалось довольно легким и хорошо лежало в руке, однако прицел был несколько непривычным, впрочем, с ним ему удалось разобраться самостоятельно, как и его солдатам, без помощи сержанта-инструктора.

Стрельба оказалась на порядок хуже, чем у предыдущих стрелков. Средний результат в районе семидесяти пяти очков. По движущейся мишени и того хуже.

– Вот видите, – победно проговорил полковник Сталлер. – Даже с учетом того, что это оружие вам непривычно, наши солдаты стреляют лучше. Так что кое в чем мы можем дать вам фору.

– Хм-м, как сказать, – произнес Роман, глядя на кривую ухмылочку министра Пфайффера, которая заставила его повторить предложение полковника: – Хотите эксперимент?

– Какой? – подозрительно спросил полковник.

– Ничего такого... у вас есть боевое оружие, на худой конец пистолеты.

– Ну, есть, – после долгой паузы признался полковник. – Вы что же, хотите стрелять боевыми? Но тир для этого не приспособлен.

– По мишеням можно пострелять из этого оружия, – показав на лежащие на столах винтовки, сказал лейтенант.

– Тогда зачем вам боевое оружие и к тому же реальные боеприпасы, которые находятся на закрытых складах...

– А холостые патроны есть?

– Да...

– Давайте их сюда.

Спустя десять минут с согласия министра по приказу полковника Сталлера, на автокаре подвезли боевое оружие и холостые патроны к нему.

Все чувствовали, что этот варвар готовит им какой-то неприятный сюрприз, но какой именно, спросить напрямую никто не решился. Считая это ниже своего достоинства.

Оружие зарядили, и его взяли солдаты лейтенанта Камышова, которым он тихо объяснил задачу. Те заулыбались, поняв задумку командира.

– И что теперь, – даже с некоторым любопытством поинтересовался полковник.

– Как обычно, пускай ваши люди приступают к стрельбе. И пусть продолжают стрелять, что бы ни произошло. Вы поняли, господин полковник? Что бы ни произошло, – настоятельно повторил Роман.

– Хорошо, я понял.

– А ваши люди?

– И они поняли, – уже не так уверенно заявил полковник Сталлер, не в силах сообразить, где собака зарыта и чем это ему грозит.

Солдаты полковника уже привычно подошли к огневому рубежу и приготовились к стрельбе. В этот момент им за спины зашли люди лейтенанта, и он сам встал позади одного из солдат, положив палец на спусковой крючок.

Когда прозвучали первые выстрелы, начали палить из реального оружия солдаты Камышова. Грохот стоял довольно сильный, не спасала даже звукоизоляция, при том, что сами выстрелы были гораздо тише, чем из того же АКМ.

Некоторые солдаты оборачивались в испуге, но им тут же напоминали о приказе полковника – стрелять, что бы ни происходило, и те стреляли, вздрагивая при каждом реальном выстреле, пусть и холостым патроном.

Результат стрельб, как и предполагал Роман, оказался довольно плачевным, со средним результатом сорок пять баллов.

– А хотите, мы отстреляемся при тех же условиях? – предложил Камышов.

– Нет... – хмуро ответил полковник. – Нет, не надо. Я вам верю, вы отстреляетесь лучше...

Лейтенант выдал новые рекомендации:

– Введите нормальную физическую подготовку. Не просто тренировки в тренажерных залах, а полноценные марш-броски с полной выкладкой. С оружием, боеприпасами и прочими нужными вещами для выживания. Стрельбу тоже нужно качественно улучшить. Уберите эти дурацкие мишени, поставьте на их место картонные изображения людей и ведите стрельбу реальными боеприпасами. Пусть привыкают психологически, что стрелять им придется по живым людям. Кстати о психологической коррекции... У вас есть фильмы о войне?

– Нет, – ответил полковник.

– Что же вы смотрите?

– Ну... – замычал Глен Пфайффер. Он почему-то стал стесняться перед этими людьми того, что показывали по телевидению, и даже разозлился на них. – Мы показываем...

Министр обороны так и не смог внятно объяснить, что они смотрят.

– Любовь-морковь? – попал в самую точку старшина. – Про ударные стройки, доярок-свинарок... выполнение и перевыполнение планов, открытие новых миров, их освоение...

– Вроде того.

– Да ребята, вы...

– Впрочем, это не важно, – перебил Виктора Роман, видя, как у министра покраснело лицо. – Найдите фильмы про войну. Реалистичные фильмы. Пусть смотрят, как проливается кровь, лезут наружу кишки, отрывает конечности, – сначала в художественных картинах. Под конец поставьте реальные кадры документального кино... Впрочем, я не психолог, не знаю, что еще можно вам посоветовать. Вы уж как-нибудь сами разберитесь на основе моих предложений.

– Мы поняли.

– Вот и ладно.

17

Медицинские процедуры продолжались, но с каждым днем они становились все менее интенсивными и занимали меньше времени.

– Здравствуйте, доктор Стоун, – поздоровался Роман Камышов.

– Добрый день, – избегая смотреть ему в глаза, не слишком дружелюбно ответила Амели.

– Вы что, обиделись на меня за то, что я в прошлый раз не дал вам поприсутствовать на так и несостоявшемся совещании?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

- Ни в чем...
- Ну, если ни в чем, то, может, вы ответите на один маленький вопросик?
- Какой? – с подозрением спросила Амели и снова отвернулась.
- Что вы делаете сегодня вечером?
- Почему вы спрашиваете?
- Хм-м... Сначала ответьте.
- Ничего...

– Тогда я хочу пригласить вас на романтический ужин, – с придыханием пояснил Роман и улыбнулся, наблюдая за доктором. – Как мило, у вас на щеках выступил румянец. Не отворачивайтесь. В мое время вызвать румянец у наших девушек было не так-то просто, если вообще возможно. Для этого их нужно было сильно впечатлить...

Роман замолчал, вспомнив не слишком приятную историю, когда в один из отпусков гулял по городу и вот также пригласил девушку поужинать. Он провел шесть месяцев в горах, она была красива, и поэтому он не обратил внимания на некоторые особенности в одежде девушки.

- Потрахать, что ли? – ответила та, оглядывая лейтенанта. – Полтинник в у. е.

В тот вечер, пожалуй, покраснел он сам. Уши горели, словно ободранные в кровь шиповником. Это ж надо напороться на спешащую на работу проститутку, да еще пригласить ее на ужин?!

- А вы почему покраснели? – спросила Амели, выдернув Камышова из воспоминаний.
- Вспомнил одну довольно забавную историю.
- Связанную с женщиной?
- Интуиция вас не подвела, – с усмешкой признался Роман.
- Расскажите.
- Думаю, не стоит. Для ваших ушей это будет чересчур вульгарно. Вы уж мне поверьте. Процедуры закончились, лейтенант оделся и вновь повторил свое предложение.
- Хорошо, я отвезу вас в ресторан.
- Благодарю.

18

Машина ехала бесшумно по широкой дороге с не слишком оживленным движением. За рулем сидела Амели, но машина двигалась на автопилоте, который вел ее по датчикам в бетоне автострады.

Город был таким, как его и представлял лейтенант, а точнее таким, каким его представляли фантасты второго тысячелетия, думая об идеальном обществе. Большие, белые и в то же время не слишком высокие дома. Широкие улицы чисты и заполнены зеленью. Архитектура разнообразна и не утомляла глаз облезлыми бетонными коробками с крохотными комнатами или зеркальными высотками, подпирающими небосвод. Вместо этого многие дома венчали стеклянные купола, в которых находились сады.

– Красиво. Прямо настоящие висячие сады... не то Соломона, не то Вавилона... И что, везде так?

– Нет. Существуют целые области, где жить практически невозможно. Наследие последней войны – тысячи квадратных километров, выжженных термоядерным оружием.

- Кстати о термоядерном оружии. Оно у вас еще есть?

– Зачем оно вам?

– До сих пор я мыслил категориями локального конфликта. Но если есть оружие, то можно сделать глубокий рейд и просто выжечь столичную планету этих оуткастов.

– Мы бы на это никогда не пошли. К тому же последнюю бомбу давно утилизировали. И никто не даст согласие на создание новых.

– Даже во имя спасения вашей цивилизации, когда корабли оуткастов встанут на орбиту Земли?

– Да, даже ради спасения цивилизации. Ибо не известно, как поведет себя оружие и не будет ли оно в какой-то момент использовано против нас самих.

– Благоразумно. Что ж, не будем о грустном. Ресторан еще далеко?

– Через квартал.

– Кстати, почему так мало народу на улицах? Такое впечатление, будто все стараются двигаться как можно быстрее, нигде подолгу не задерживаясь.

– Так и есть, люди напуганы...

– Неужели так сильно? – не поверил Роман. Ему было трудно понять состояние этих людей. Ведь он сам воевал, но стоило перейти за невидимую административную границу некоего субъекта, как обнаруживалось, что там живут и веселятся, как ни в чем ни бывало. Полно девочек, ресторанов, гулянок и прочего.

– Да... Мы очень законопослушное общество, и варварские методы не в нашем стиле.

– А преступность?

– Ее нет.

– Не может быть!

– И, тем не менее, это так. За прошлый год не произошло ни одного смертоубийства.

– В городе?

– На планете. В колониях дела обстоят чуть похуже, но и там, как и на Земле, преступления случаются исключительно из-за невменяемости преступившего закон. Зачем убивать или воровать, ведь все необходимое человек получает и так...

– Каждому по способностям, от каждого по труду, – повторил лейтенант когда-то популярный лозунг строителей идеального общества.

«И, кажется, они его построили, только название другое», – с усмешкой подумал Роман.

– Конечно, легче преступника объявить сумасшедшим...

– Я понимаю, куда вы клоните, но заверяю вас, это не так.

– Прямо рай на Земле... – потрясенно проговорил Роман Камышов.

Машина сделала плавный поворот и остановилась перед лестницей, ведущей к стеклянным воротам. Роман ожидал швейцара или водителя, но ни того, ни другого не было. Вместо этого машина укатила сама, как только пассажиры вышли.

– Эй, куда это она?!

– На стоянку.

Ну а то, что двери распахнулись сами, Камышова даже не удивило, это он видел и раньше, и не только в госпитале.

Доктор Стоун сделала заказ на двоих, и, к облегчению Романа, ужин на подносе принес полноценный живой официант.

– А то меня ваши роботы уже, признаться, достали, – кивнул на человека с подносом Роман.

– Вы правы. С некоторых пор наблюдается тенденция где только возможно избавляться от машин в повседневной жизни.

– Неосознанное недоверие?

– Что-то вроде того, – согласилась Амели.

Камышов взглянул на тарелку и увидел там так опостылевшую ему кашу.

– Доктор, а нельзя ли более привычную пищу, а то эти витаминизированные пудинги меня скоро доканают.

– Но это и есть обычная пища...

– А я думал, только в госпитале нас так кормят, из-за того, что недавно разморозили. А нельзя ли мяса, курицы скажем?...

– Мяса?! – изумилась Амели. – То есть вы хотите, чтобы вам подали приготовленный... труп животного?!

– Ну... – протянул Роман, несколько смущенный словом «труп». – Фактически да.

– Мы не употребляем животную пищу. Мало того, что это негуманно – убивать

животных ради еды, так в ней еще слишком много вредных веществ... Все необходимые питательные элементы мы получаем через модифицированную растительную пищу.

– М-да. Может быть, вы и не умеете воевать оттого, что не едите животной пищи, – изрек Роман, вспомнив бородачей, которые только мясом и питались и, казалось, не умели ничего другого, а, главное, ничего и не хотели, только воевать, все остальное за них делали пленники.

«Нажрутся мяса, а потом смотрят – кому бы кишки выпустить», – с ненавистью подумал Камышов.

– Но поверьте, это очень вкусно, – проговорил Роман и почувствовал, как рот наполнился слюной от красочно представленного блюда, которое он и стал описывать доктору Стоун: – Кусочек мяса отбивают деревянным молоточком, обваливают в хлебных крошках и поджаривают на масле. М-м-м... пальчики оближешь.

Роман замолчал, увидев, что лицо Амели посерело и, казалось, ее вот-вот стошнит, так что пришлось прикусить язык.

Ужин прошел практически в полном молчании. Кроме того, выяснилось, что и алкоголь здесь также не употребляют, даже самый слабоградусный. В бокалах место вина подали обычный сок.

После такого ужина у Романа отпало всякое желание действовать дальше, но мало-помалу оно вернулось вновь.

– А как вы детишек делаете? Часом не через пробирку? – уже на выходе из ресторана спросил Роман, наблюдая за тем, как к крыльцу подъезжает автомобиль Амели, деловито крутя рулем, будто там ехал водитель-невидимка.

– Н-нет... не через пробирку...

– Ну, слава Аллаху! – в шутку воскликнул Роман, сложив ладони. – А дети у вас есть?

– Нет. Куда вы клоните? – спросила Амели, отключив автопилот, отчего машина слегка вильнула в сторону.

– Может, к вам заедем? Посмотрю, как вы живете. Как вообще в четвертом тысячелетии человек живет, чем дышит. О погоде поговорим. Кстати, сегодня отличная погода...

– Я вообще-то диссертацию писала о вашем времени, о темных веках, и, кажется, понимаю, куда вы клоните.

– И что тут такого? – прикинулся невинной овечкой Камышов.

– Если хотите знать, то у меня есть друг! – с вызовом бросила Амели.

– И что тут такого? – снова повторил Роман.

Вместо ответа Амели нажала на газ, и машина помчалась, словно ракета, обгоняя еле тащившиеся авто на автопилоте. От такой езды Роману стало плохо, и он скоро запросил пощады, будто нашкодивший ребенок:

– Хорошо-хорошо, я больше не буду... только давайте чуть помедленнее.

«Я ее точно зацепил, – с удовлетворением подумал лейтенант. – Просто на этот раз придется потратить больше времени».

19

– Давайте сменим тему... – предложил Роман после некоторого молчания. – Что от вас нужно оуткастам и кто они вообще такие? Прошлый раз министр так и не успел рассказать, а потом все завертелось слишком быстро. Может, вы расскажете, все равно говорить не о чем. Погода меня как-то мало колышет...

– Хорошо, расскажу, – с видимым облегчением согласилась Амели, довольная тем, что этот варвар из темных веков сам ушел со «скользкой» темы. А то она чувствовала, что еще немного и совершит антиобщественный поступок – ударит своего пассажира. – Как вы уже знаете, на земле полторы тысячи лет назад закончилась большая война, унесшая десятки миллионов жизней и погрузившая оставшийся выжженный ядерным огнем мир в хаос.

Война так и не принесла кому-либо победы, все остались в проигрыше...

Прошло какое-то время и, как следовало ожидать, появился диктатор, жесткой рукой объединивший разрозненные остатки государств в единую, как тогда сказали бы – Империю.

Как ни странно, в результате этой войны произошел один из самых сильных технологических скачков – человек без особых энергетических затрат смог выйти в космос, не просто на орбиту, а полноценно летать внутри системы, а потом и к звездам.

– Как похоже... наша космическая отрасль тоже возникла именно после войны... Продолжайте.

– Вот тогда диктатор создал целый флот гигантских кораблей и пошел новой войной на прошлых противников, предварительно предложив им добровольно покинуть Землю и на его кораблях улететь на только что открытые планеты. Согласились не все, и кто отказался, тех он уничтожал...

– Какой-то странный был диктатор. Взял бы да и уничтожил всех, чего канитель тянуть?

– Значит, не таким он зверем был, чтобы уничтожать всех...

– Понятно, просвещенный диктатор. Это большая редкость.

– Как бы там ни было, всех согласившихся свозили сначала на малые планеты Солнечной системы, а через сотню лет, когда корабли стали более совершенными, их всех переправили на планету самой дальней звезды, до которой тогда могли добраться. Тот путь занял несколько лет, и не все корабли долетели до места назначения, но те, кто добрался, назвали себя оуткастами – отверженными.

– Им не позволили вернуться?

– Все помнили, почему началась война – они были слишком фанатичны и хотели, чтобы все на Земле верило только в их бога, и от этих идей они не отказались. Поэтому им решили предоставить отдельную планету, где они могли бы верить во все, что им вздумается.

– Так, с этим понятно. Мне непонятно, как им удалось самим отстроить целый флот, чтобы напасть на вас.

– Их отвезли в дальнюю систему, но не бросили на произвол судьбы, считая, что следующие поколения не виновны в том, что натворили их предки, а стали помогать различными технологиями... но и вернуть на Землю их тоже не могли. Тогда уже практически сложилась нынешняя система взаимоотношений, культура, традиции, а они в нее не вписывались и, главное, – не хотели вписываться.

– Понятно. Это как в анекдоте. Вы дали им запчасти для самовара, а они из него собрали автомат.

– Я не поняла...

– Ну, вы давали им сугубо мирные технологии для создания сельскохозяйственных машин и прочего оборудования, а они смогли довести их до ума и построить то, что было необходимо им.

– Примерно так.

– Мне одно непонятно, как вы все это проморгали и не приняли упреждающих мер... А-а... ну да, я совсем забыл, – тут же понял свою оплошность Роман, – вы не приемлете насилия.

Машина въехала в ворота госпиталя.

– Ну ладно, с этим разобрались. Тогда чего они хотят?

– Мы не знаем...

– Ну не могли же они объявить войну просто так?! Чего-то же они потребовали?

– В том-то и дело, что ничего! Просто взяли и напали.

– Никак не объяснив свои действия? – все больше удивлялся Камышов. – Быть такого не может. Может, им нужны новые, более совершенные технологии, сырье... ну я даже не знаю, что им может быть нужно. Что-то же должно им требоваться? Вы пробовали с ними связаться? Потребовать от них объяснений.

– Конечно, пробовали, но они не отвечают на наши запросы. Правда, было одно короткое сообщение после того, как они разрушили все города на всех планетах системы Лазурит.

– Что там сказано? – оживился Роман. – Какие-то требования?

– Ничего такого. Но вы сами можете посмотреть и убедиться.

– Хорошо.

– Прошу за мной.

Амели проводила Романа в конференц-зал, где прошлый раз хотели провести совещание, прерванное нападением на Каледонию, и за ним наблюдали в прямом эфире.

Доктор Стоун набрала нужный код, и после ряда заставок появилось изображение человека с косматой бородой и зеленой повязкой на лбу, с садистским выражением лица.

– Кто это?

– Наши аналитики считают, это новый предводитель оуткастов...

– А что случилось со старым?

– Не известно.

– Понятно, государственный переворот. Кстати, какая у них политическая система?

– В каком смысле?

– Ну, как они избирают нового руководителя и вообще, чем дышат. Партии, парламенты, клановое устройство?

– Я не знаю. Знаю только, они там постоянно воюют друг с другом.

– Уже хорошо... Ладно, включайте воспроизведение.

– Пожалуйста.

Амели нажала на кнопку пульта, и замершее лицо на экране пришло в движение. Лицо человека Камышову не понравилось, оно было слишком диким, с широко открытыми глазами, что также неестественно.

– Мы возвращаемся! – сказал человек на экране и что-то закричал на непонятном для автопереводчика языке, все время взмахивая рукой с поднятым вверх кулаком, как на какой-то демонстрации, повторяя одну и ту же фразу.

Экран погас.

– Это все?

– Да.

– М-да, ребята, у вас большие проблемы. Этот придурок...

– Ругательное выражение, – пророкотал автоматический голос аппарата, стоявшего на столе, из которого вылезла бумажка квитанции. – С вас взят штраф, возьмите чек. Постарайтесь больше не использовать ненормативную лексику. Спасибо.

– Его можно отключить?

– Да... – Амели нажала несколько кнопок на аппарате. – Больше он не будет...

– Отлично. И вообще, отключайте их везде, где мы будем появляться, а то надоели до смерти. Ну, так вот. Этот при... короче он полный псих или фанатик, без разницы.

– Но вы поняли, что им нужно?

– Да.

– И что же?

– Ваша кровь. Но, несмотря на это, есть и хорошая новость.

– Какая же? – удивленно спросила Амели. Ей казалось странным, что при нынешних обстоятельствах есть еще и хорошая новость.

– У вас есть ровно столько времени, сколько им необходимо, чтобы разрушить все колонии.

– Что вы имеете в виду?

– Этот шизик оставил Землю на закуску, как самое вкусное блюдо.

– Но компьютерный анализ показывает, что дорога на Землю открыта и препятствий для флота оуткастов больше нет.

– Компьютер ошибается.

– Но...

– Никаких «но». Компьютер решает только логические задачи, даже если он наделен интеллектом. Вам противостоит фанатик, в мышлении таких людей нет места логике. Все их действия, всё их мышление иррационально. Так что у вас есть время подготовиться, построить новые корабли, оружие, роботов...

– Вы думаете, нам удастся их остановить? – с надеждой спросила Амели, вспомнив, что почти те же самые доводы она приводила президенту Гуттенбергу, спрашивая разрешение о разморозке.

– Конечно, – солгал Роман. – Нужно только постараться. А теперь мне необходимо поговорить с министром обороны, передать все, что я сказал вам. И еще кое-что посоветовать ему, но это уже из разряда военных тайн...

20

Передав все свои умозаключения министру обороны Пфайфферу, Роман также потребовал, чтобы для его людей провели экскурсию по городу, что выполнили на следующий день. А также им сшили более привычную одежду вместо халатов.

На прогулке по городу без эксцессов не обошлось. Один солдат, когда автобус проезжал по парку, заметил бегущую птицу, очень смахивающую на индюка.

Водитель, ничего не подозревая, выполнил просьбу солдат и остановился, а те с радостными криками стали гонять дичь по поляне, и прежде, чем успели вмешаться лейтенант со старшиной, птице открутили голову и невесть откуда взявшимися ножами начали ее разделывать, только перья летали. На взвод одной оказалось мало, а потому поймали и забили еще нескольких.

Тут же на поляне развели костер и индюшек приготовили на открытом огне. Кто-то разве что посетовал, что не хватает соли, но ее взять точно было негде.

Полиция прибыла, когда от птичек остались одни ножки да рожки. Полицейские стояли с разинутыми ртами, опешив от такого варварства. Лишь один смог сказать:

– Это же были реликтовые животные, занесенные в список исчезающих видов...

– Извини, друг, нормально пожрать охота, сил нет.

– Но... но... – полицейскому было явно нечего сказать.

Так и уехали солдаты, не получив даже штрафа за свое антиобщественное поведение.

– Ну что, парни, понравилось? – спросил лейтенант Камышов после проведенной экскурсии.

– Очень! – загомонили солдаты. – Жрачку бы получше да сигареты, а то хоть самокрутки делай из опавших листьев, и вообще было бы в самый раз.

– С последним точно проблема...

– К чему ты клонишь, Ромео? – спросил старшина, почувствовав, что-то здесь не так. – Как пить дать чего-то темнишь.

– Ты прав, старшина, я хочу с вами посоветоваться, ибо приказывать в данном случае не имею морального права.

– Из огня да в полымя... – произнес все сразу понявший старшина Фрейндлих.

– Да, Виктор, именно так.

– А конкретнее?

– Как думаешь, они смогут победить? – вопросом на вопрос ответил Камышов. – Смогут ли победить в войне эти земляне, никогда не державшие в руках оружие и падающие в обморок при одном упоминании о насилии?

– Ни при каком раскладе, – сразу же ответил старшина.

– Значит, нам в любом случае войны не избежать. Ты видел рожу их главаря? Абсолютный псих. И как, по-твоему, он поступит с нами?

– Ничего хорошего точно не сделает, – поморщившись, снова согласился старшина.

– Потому я предлагаю ликвидировать его. Обезглавить армию этих оуткастов...

Солдаты закрутили головами, думая, что их командир спятил.

– Думаешь, поможет?

– В наше время помогало. После этого почти всегда начинался передел власти. Нынешние оуткасты, на мой взгляд, мало чем отличаются от наших бородачей. Потому высадимся на их планете и попробуем поймать гада.

– Думаешь, мы сможем?

– Если постараемся. В одной южной республике, где тоннами изготавливали героин, отряд в сорок человек с минимумом оружия за три часа смог захватить неприступный дворец местного правителя с полутора тысячей человек охраны, потеряв всего троих убитыми. У нас, конечно, немножко другая ситуация, но как подтвердил Пфайффер слова доктора, там постоянно идут межклановые конфликты. Если удастся, то мы сможем использовать подобный конфликт в свою пользу.

– А с чего ты, собственно, взял, будто он на Оуткасте, а не на одном из кораблей своего флота? Это ведь логичнее.

– Как меня заверил министр Пфайффер, эта картинка пришла с планеты, аппаратура смогла определить источник сигнала, и он не с корабля. А аппаратура у них будь здоров. К тому же идет интенсивный радиообмен между флотом и Оуткастом, как перед нападением на Каледонию у Лазурита. Сейчас идет точно такой же радиообмен. Расшифровать его не могут, но, я думаю, они выбирают следующую цель для удара. А потому нам нужно спешить. Они оприходуют еще три системы и двинутся на Землю. Повторяю – нам все равно придется взять в руки оружие, не сейчас, так позже, но придется, это я вам гарантирую. Конечно, шансы невелики, во многом это путь в один конец, без возможности вернуться, но другого пути сейчас я не вижу. А потому мне нужно знать, кто пойдет со мной?

Лейтенант Камышов напряженно вглядывался в лица своих солдат. Те выглядели скорее задумчивыми, чем подавленными, война была для них делом привычным. Но при этом никто из них не хотел ввязываться в новую драку.

– Чего тут думать?! – вдруг сказал сержант Галс, оглядев солдат. – Мы все с вами, лейтенант. Лучше раньше, чем позже, да еще когда есть хоть маленький, пусть ничтожный, но шанс выйти победителем. Мне это мирок понравился, пусть немного соплив, но все же лучше, чем хаос, который несут с собой оуткасты.

– Спасибо, Петр. Что скажешь, старшина?

– Я с тобой.

– Тогда пойдем подбирать амуницию.

21

От количества представленного оружия разбегались глаза. Казалось, здесь собраны все образцы стрелкового оружия с начала второго тысячелетия. Здесь пылилось даже несколько образцов родного АКМ, но его решили не брать, справедливо полагая, что за прошедшие столетия придумали и изготовили более удачные модели автоматов.

– Ух ты, какая бандура! – восхитился рядовой Долгин, выхватывая из паза стола один из автоматов. – Килограммов на десять-двенадцать тянет! А какой калибр, очуметь можно!

– Да, не хилые ребята его таскали... – поделился своими впечатлениями второй боец, пробуя автомат на вес. – Терминаторы.

– Это ЭХ-1000 тяжелого пехотинца – прокомментировал наблюдатель, читая аннотацию к автомату: – Солдатам, воевавшим с таким автоматом, приходилось ежедневно потреблять большие количества стимуляторов. Иначе они не выдерживали нагрузок, ведь им еще тяжелые бронежилеты носить приходилось. Тут также сказано, что бойцы, если они не погибали в бою, жили не дольше пяти лет, с момента применения стимуляторов... Курсы медицинской реабилитации мало чем помогали.

– Это плохо... нам не подойдет.

Выбрать оружие оказалось действительно трудно. Длинные ряды автоматов, винтовок,

карабинов, пистолетов, пулеметов и прочего вооружения лежали на столах, уходящих вдаль, буквально пугая своим количеством.

– А скажите, милейший, – обратился Камышов к смотрителю, – сколько всего представлено здесь образцов?

– Тысяча триста двадцать шесть единиц, – посмотрев в свой блокнот, ответил смотритель. – Это только по автоматическому оружию.

– Ё-моё! Да нам года не хватит, чтобы выбрать себе что-то из этого многообразия! – воскликнул один из солдат. – Рехнуться же можно!

– Могу предложить вам автоматический подбор вооружения, – предложил смотритель.

– Давай, – кивнул Роман. – А то нам тут действительно целую вечность копать.

– Прошу за мной...

Смотритель привел солдат в один из кабинетов, где стоял терминал.

– Здесь вся база данных, введите необходимые тактико-технические параметры, и компьютер выдаст вам необходимые модели, наиболее полно отвечающие запросам.

– Давай ты вводи, а то у нас проблемы с вашим языком.

– Хорошо. Тип оружия?

– Автоматический.

– Калибр?

– Хм-м... давай что покрупнее – девять миллиметров.

– Масса?

– Килограмм пять-шесть. Но это неважно, мы выберем из того, что будет. Так что этот параметр можно отключить.

– Хорошо. Дальность стрельбы?

– Прицельная дальность от шестисот до семисот метров, больше не нужно.

– Хорошо. Это основные параметры выбора. Может быть, вы желаете ввести какие-то свои параметры, вроде длины, материала и прочего?

– Нет. Давай, как есть.

– Хорошо, вот результат – пятьдесят восемь единиц. Желаете посмотреть характеристики на компьютере?

– Нет, будем смотреть каждый. Так оно вернее будет.

– Как пожелаете... Интересующие вас образцы появятся на столах через пять минут.

Смотритель нажал на ввод, запустив программу автоматической подачи оружия на столы.

– Хорошо.

Подобным же образом выбрали снайперскую винтовку для Чуя и пулемет для Долгина. Кроме того, выбрали тяжелую артиллерию в виде подствольных и ручных гранатометов, а также ручных гранат, которых тоже оказалось в великом множестве, от обычных разрывных и кумулятивных до кислотно-зажигательных – ручной напалм.

Выбрали и личное оружие – полуавтоматические пистолеты. Их по интересующим параметрам набралось аж две сотни.

Все это предстояло испытать в ближайшие дни на полигоне, ведь еще неизвестно, не вышел ли их срок боевого применения, несмотря на заверения служащих, что консервация оружия идеальна и все сохранило свои боевые качества, словно оружие только вчера сошло с конвейера завода. Но как говорится – доверяй, но проверяй.

Отбор начали с основного оружия – автоматов. Некоторые из образцов отвергались сразу, стоило только на них посмотреть. Либо они оказывались слишком длинными, либо массивными. Либо слишком сложными в плане электроники, когда системы прицеливания отображались на визире бронестекла в шлеме. Система всем очень понравилась, но согласились, что учиться нет времени и следует подобрать что-нибудь попроще, ибо в простоте залог успеха.

На второй стадии отбора изделия стали разбирать. Тут же отсеялось три четверти автоматов, как сложные конструктивно. Оставшиеся десять изделий оставили для третьего

отбора – стрелкового.

С остальными видами вооружения разбирались так же тщательно.

Дольше всех возился Чуй. В итоге на его столе осталось лежать двадцать единиц винтовок и около полусотни оптических и электронных прицелов.

– Что так много? – поинтересовался Роман, осматривая выбранные снайпером образцы, и даже сам сделал пару стоек, прицеливаясь в далекую стену из понравившихся винтовок.

– Всё просто супер. Не могу никак выбрать, на стрельбище буду решать.

– Понятно.

На следующий день все оружие вывезли на поверхность из складского бункера. Тут-то и началась основная канонада. Расстреливались сотни патронов из автоматов и пистолетов. Разрывы гранат от подствольников, ручных гранатометов, и простых гранат. В итоге после уничтожения пяти сотен мишеней, солдаты выбрали самые безотказные, дальнобойные и конструктивно простые виды оружия.

– Как насчет техники? – спросил Роман Камышов у смотрителя, подозревая водителя и сказав, что ему сейчас предстоит подбирать БМД.

– Имеется, но не так много...

– Может, оно и к лучшему, – кивнул головой лейтенант. В ушах до сих пор шумело, не спасали даже специальные наушники для стрельбы.

– Какая техника вам нужна? – поинтересовался смотритель уже в комнате, сидя за компьютером. – Танки?

Водитель хмыкнул, будто ему только что предложили поуправлять звездолетом.

– Нет, бронетранспортеры вместимостью двадцать человек.

– Введено...

– Хорошо... Какую будем брать, Дмитрий, колесную или гусеничную? – спросил Роман у водителя.

– Колесную.

– Почему? Колесо прострелят, возиться будем с запаской...

– Лучше уж с запаской, чем если нам пробьют гусеницу или каток сломают, тогда вообще караул кричи. К тому же пробьют одно или даже два колеса из четырех-шести по одному борту, это не создаст больших проблем. В то время как с гусеницей...

– Хорошо, – кивнул лейтенант, не собираясь долго спорить с профессионалом своего дела, потому смотрителю просто сказал: – Пиши колесную.

– Э-э... у нас два вида колес.

– В каком смысле?

– Есть воздушно-камерные, а есть рессорные.

– Это как?

– Вот...

Смотритель вывел на экран названный тип колеса, представлявший собой шину, в которой были спрятаны жесткие резиновые рессоры, словно спицы на велосипеде, только наискосок.

– Давай такие, – согласился Роман, после кивка головой водителя, быстро оценившего все преимущества данного вида колеса.

– Им пули практически не страшны, – пояснил Дмитрий Хмель. – Пробили и пробили, а мы дальше едем, тут разве что на мину напоремся, но в этом случае нас уже ничто не спасет, ни гусеница, ни воздушно-камерная шина.

– Я понял.

Далее определили бронирование и вооружение – пушечное и пулеметное. В итоге на свет божий появились две модели, из которых, после обкатки и стрельб, Хмель выбрал двухбашенную плавающую «рапиру».

– Отличная вещь! Автоматическое ведение огня при отсутствии стрелков, только определи приоритетные цели!

– Как ты разобрался, там же не по-нашему написано? – удивился лейтенант.

– Догадался. Но на всякий случай надписи поменяем на понятные.

Немного подумав, Роман заказал две такие машины:

– Пойдем двумя группами, – пояснил он. – Нечего класть все яйца в одну корзину.

С обмундированием, как и с бронежилетами, проблем не возникло. Подошла обычная форма повышенной механической и жаропрочности, так что, закрыв забрало шлема и включив фильтры, можно даже несколько минут провести в огне.

– Ну, вот и все, – подвел итог лейтенант Камышов, облачившись в полный комплект. Попрыгав, добавил: – Вроде нормально. Осталось только всякими полезными мелочами «дикого» туриста обзавестись, вроде консервов и карт.

22

На этот раз земляне подготовились более основательно, но, по мнению Романа Камышова, все равно недостаточно.

Корабли оснастили орудийными башнями, отчего они стали менее «вылизанными», но смотрелись более грозно, чем погибшие месяц назад при Каледонии их собратья.

Флот спешно укомплектовывали десантом, в связи с чем в космосе творился самый настоящий хаос – десантные шаттлы сновали туда-сюда, стыкуясь с кораблями носителями.

Сами шаттлы по совету лейтенанта Камышова, старшины Фрейндлиха и сержанта Галса оснастили средствами активной и пассивной защиты. Установили дополнительные зенитные башни с кассетами противоракетных шашек и навесили дополнительную броню.

А вот самолетов прикрытия по-прежнему не имелось, как и авианосцев. Их строили на верфях, на орбите Луны. Там стояли гигантские остовы, больше похожие на скелеты огромных животных, на которые технические суда-сварщики навешивали листы корпуса. Сюда же, на орбиту Луны, двигались нескончаемые караваны с рудой для орбитальных заводов и с уже готовыми деталями.

Строились корабли на верфях и других, еще не захваченных, миров.

Флот собирался спешно. Радиообмен между Каледонией и Оуткастом сошел на нет, и неприятельский флот, разделившись на две части, пошел к своей цели: системам Неман и Цейлон. Потому следовало спешить, так как кроме них, между Землей и ее противниками оставались еще только три малонаселенные звездные системы, где противник надолго не задержится, если сам того не захочет. Даже при отчаянном сопротивлении землян авианосцы еще долго не встанут в строй.

От всего роботизированного флота Земли отличался только крейсер «Быстрый» – на нем имелся живой экипаж из добровольцев. Их удалось отыскать только после клятвенного заверения Камышова, что корабль ни в коем случае не станет участвовать в боях.

– Только туда и обратно, – сказал он тогда самым невинным тоном. – Клянусь.

«Но это уж как получится», – подумал в тот момент Роман, дав клятву.

– Установите связь с Землей, с Главным оперативным штабом, – приказал Роман радисту. Сейчас лейтенант выполнял обязанности капитана корабля.

– Слушаюсь.

– Слушаем вас, – откликнулся штаб в лице президента Гуттенберга, как и положено, исполняющего обязанности главнокомандующего.

– Необходимо внести поправки в план. Понимаю, все в последний момент, но иначе никак.

– Почему?

– На «Быстром» мы не сможем скрытно приблизиться к Оуткасту, несмотря на то, что он действительно быстрый...

– Что вы предлагаете?

– Нам придется позаимствовать судно у оуткастов, – сказал Роман таким тоном, словно это было пустяковым делом. – И на нем вернуться на Оуткаст, будто мы получили

повреждение и нуждаемся в ремонте.

– Вы с ума сошли! – закричал министр обороны Пфайффер. – Что вы несете?!

– Помолчите, министр, – оборвал подчиненного более разумный и сдержанный президент, после чего обратился к Камышову: – Это серьезное изменение плана... Что для этого нужно?

– С этим сложнее. Надо оснастить «Быстрый» абордажными командами.

– Где же мы их возьмем?

– Придется использовать обычных пехотинцев «ХК-12С». Они, конечно, немного громоздкие, но выбирать не из чего.

– Без проблем. Что-то еще?

– Да, у вас есть именно абордажные шаттлы, способные прилипнуть к вражескому борту и вырезать в нем отверстие для проникновения на чужой борт?

– Хм-м... – нахмурился президент. – Адмирал Принстоун, что скажете?

– Я? А, да... сэр, – подавился адмирал от неожиданности. – Конечно, сейчас... Современных шаттлов с подобными характеристиками нет.

– Черт!

– Но имеются старые боты в космическом филиале Музея войны и насилия на Плутоне... Практически все модели действующие, в полной боевой готовности, хоть и раритетные.

– Уф-ф... – облегченно выдохнул Камышов. – А то я уже испугался, что нам придется штурмовать вражеские суда в одних скафандрах...

Шутку в штабе не оценили.

– Мы сейчас же свяжемся, и они к вашему подходу всё подготовят.

– Пусть готовят все, что есть, времени миндальничать нет. И передайте мне часть полномочий по командованию несколькими кораблями, мне понадобятся их ресурсы.

– Зачем? – с подозрением и удивлением поинтересовался Пфайффер. У него вдруг появились бредовые мысли, что этот варвар сам собирается захватить Землю.

«Да мы его в порошок сотрем... – подумал он. – В порошок!»

– Для отвлекающего маневра.

– Не нравится мне все это. Говорите, что вы задумали?

– Вы правы, господин президент... Неманом придется пожертвовать.

– Пожертвовать Неманом только для того, чтобы вы могли захватить какой-то корабль?! – снова не удержался от выкрика министр Пфайффер. – И еще не известно – захватите ли?!

– Именно. – Подтвердил Роман, скривившись от истеричных криков. – Удержать Неман вам все равно не под силу. Но мне крайне необходимо, чтобы повторилась ситуация, как при Каледонии.

– Зачем?

– Чтобы у нас появился большой оперативный простор. Чтобы свои и чужие корабли буквально смешались в одну кучу. Чтобы было множество десантирующихся шаттлов. Только тогда в этой куче-мале у нас есть хоть какой-то шанс. Если мы прибудем раньше, я ничего вообще гарантировать не могу. Придется ввязываться в драку, а это на вас не похоже, потому подозрительно. Ваше решение, господин президент?

Повисла напряженная тишина. В штабе прекрасно понимали, что удержать Неман, как, впрочем, и Цейлон не удастся, но тогда еще была надежда, а так с ней придется расстаться навсегда.

– Я одобряю ваш план, лейтенант, – твердо произнес президент Земной Федерации Гуттенберг и, чтобы никто не посмел что-либо возразить, добавил: – Лучше потерять малое, но сохранить большое. Действуйте.

– Слушаюсь.

Спустя несколько часов после связи с Землей крейсер «Быстрый» уже висел на орбите

Плутона, где на причале его ждали пятьдесят шесть абордажных шаттлов. Пришлось посетить каждый и выбрать для себя подходящий, там же, кстати, нашли и штурмовые комплекты вооружения и скафандры, так что хоть с этим проблем не возникло.

Под немой протест зрителей лейтенант приказал забрать все имеющиеся шаттлы и перегрузить на них роботов.

Имелся, правда и специальный штурмовой робот, но он, к сожалению не работал. Да и вряд ли он мог бы чем-нибудь помочь, поскольку был дистанционным с минимумом самостоятельности.

В выбранном для себя «ДИ-50» также разместили десяток «ХК-12С», поскольку шаттл был рассчитан на пятьдесят бойцов, то оставалось много свободного места, да и пустить вперед себя роботов представлялось гораздо благоразумнее, чем самим подставляться под пули.

– Пожалуй, все, – сказал Роман, проверив со зрителями все механизмы. – Можно отдавать швартовы.

– Господин капитан, – вышел на связь радист.

– В чем дело?

– К нам пополнение, сэр. Дополнительный борт. Просят разрешения на стыковку.

– Что там? Говори яснее.

– Это я, – вышел на связь состыковывающийся шаттл.

– А ты что тут делаешь? – изумился лейтенант Камышов, узнав по голосу доктора Амели Стоун.

Ее он уж никак не думал здесь увидеть.

– У нас посчитали, что ваш лазарет не доукомплектован.

– Понятно... Добро пожаловать на борт, мэ. Доложить о готовности.

Стали поступать рапорты о готовности систем корабля.

– Крейсер «Быстрый» к рейду полностью готов, господин капитан.

– Курс на Неман. Полный вперед.

– Есть, полный вперед!

«Быстрый» вздрогнул и начал свой разгон. Выйдя из области метеоритов и уточнив курс, включились маршевые двигатели, и флагман со своим флотом начал путь продолжительностью два месяца, чтобы, преодолев несколько парсеков, прибыть в Неман одновременно с флотом оуткастов.

23

Корабль замедлил ход на окраине системы, следовало пройти сквозь область метеоритов – строительного мусора планет. Но корабль замедлил ход еще и потому, что необходимо было собрать разведывательную информацию о противнике. Но тут все было в порядке, расчеты оказались верны, и два флота одновременно подошли к системе.

Камышов сосредоточился, отбросив все переживания последних дней как несущественные, хотя маялся ими всю дорогу.

Роман весь путь подбивал клинья к Амели, но смог добиться только поцелуя. Видя его состояние, солдаты стали отпускать всякие шуточки, сопровождавшиеся общими, хоть и сдержанными, смешками:

– Да, лейтенант, Ромео из тебя хреновый, – подшутил однажды сержант Галс, за что заработал гауптвахту. Потом Камышову пришлось извиняться за излишнюю строгость. Тем более что гауптвахты не было, и наказанный просто сидел в маленькой каюте, маясь от одиночества.

– Да ладно, сам виноват, – сказал Галс, не в силах сдержать улыбки.

«Какого хрена она тогда напросилась?!» – со злостью думал Камышов.

Однажды он задал этот вопрос напрямую, на который получил невразумительный ответ о том, что она, дескать, пишет докторскую диссертацию о людях второго тысячелетия, о их

поведении, психологии и прочей белиберде. И ради этого согласилась идти на корабле вместе с ними в довольно рискованный поход.

Такой ответ показался Роману слишком натянутым и недостоверным.

«Что ж, надежда остается, – пришел к выводу Роман. – Только на это потребуются гораздо больше времени. Вот уж правду говорят: самые хрупко выглядящие представители женского пола ломаются дольше всего...»

Но теперь все это осталось позади.

– Как думаешь действовать? – поинтересовался старшина, разглядывая вместе с лейтенантом звездную карту Немана и движение флотов.

Все солдаты уже облачились в «орлан» – герметичную штурмовую броню, отчего выглядели довольно громоздко, а экипаж старался держаться от них подальше, чувствуя скрытую в них силу разрушения.

– Нужно выяснить их основное направление удара, – ответил Роман, – и нанести удар по второстепенному.

– Не хочу тебя огорчать, но, кажется, на этот раз они не станут размениваться на мелочи, – добавил Виктор Фрейндлих, некоторое время понаблюдав за движением кораблей противника. – Они всей силой навалятся на основную планету-цель – Крист.

– Пожалуй, ты прав... – вынужден был согласиться лейтенант. – С чего бы это?

Оуткастов действительно не интересовали малые планеты, на которых были сосредоточены основные сырьевые базы. Корабли прошли мимо них, даже не обстреляв, не говоря уже о высадке десанта.

– Наверное, уже знают, что этот флот землян не такой уж и беззубый, а потому решили приберечь силы для основной схватки.

– Наверное...

Но секунду спустя Роман понял, почему корабли не стали отвлекаться на малые планеты. Не только потому, что не хотели рассредоточивать силы перед окрепшим флотом Земли. Но и потому, что на этих спутниках газовых гигантов уже наверняка никого нет – на этот раз жители додумались провести эвакуацию, а значит, нечем утолить жажду крови. Лейтенант лично наблюдал, как даже сейчас от Криста во все стороны отходили небольшие суда. Основная масса кораблей ушла раньше, но на планете еще оставалось очень много жителей.

– Штурман, курс на Крист, мы должны прибыть одновременно с противником, рассчитайте скорость и начинайте движение.

– Слушаюсь, сэр! – браво отчеканил штурман и даже начал расчеты, но потом повернулся и жалобно проговорил: – Но... господин капитан, вы же обещали, что мы не будем участвовать в бою...

– А мы и не будем... «Быстрый» останется в тылу основного флота, так что вам опасаться нечего. Ни один снаряд не ударит нам в борт... разве что шальной. А теперь за работу.

– Слушаюсь...

– Как бы не напутал чего?... – проговорил старшина, косо поглядывая на штурмана.

– Не напутает, иначе я с него шкуру сдеру, – ответил лейтенант достаточно громко, чтобы его слышал штурман.

И тот, вздрогнув, действительно стал работать более сосредоточенно, поверив своему капитану на слово.

* * *

Флоты противоборствующих сторон стремительно сближались друг с другом, так что у Романа создавалось впечатление «дежа-вю». Оуткасты начали стрелять еще издалека, не нанося никакого ущерба кораблям землян. Случались и меткие попадания, но они оставались незамеченными.

– Стрелять только наверняка, – сразу же предупредил Камышов, и на недоуменные взгляды команды пояснил: – Пусть подольше сомневаются, можем ли мы огрызаться. Это для них в любом случае станет сюрпризом.

Корабли подошли друг к другу достаточно близко. Лейтенант вывел свой флот так, чтобы оказаться рядом с противником.

– Выдвигайте вперед авангард, – приказал Роман Камышов.

– Слушаюсь.

Вперед к противнику из общей массы флота, состоящего в основном из десантных носителей, вышла группировка из двадцати боевых кораблей, крейсеров и линкоров, с лазерными и артиллерийскими пушками, начавшими стрелять, как только это стало возможно.

Завязался настоящий бой. Отрабатывались все приемы защиты и нападения. Против лазерных пушек обеими сторонами использовались защитные облака из пыли и газа, окутывающие борта, но они помогали мало. Корабли находились в постоянном движении, и уже через секунду шлейф газа оставался далеко позади.

Все-таки оуткасты сами не имели должного опыта реального боевого столкновения в космосе, когда противник стреляет и по тебе тоже, а не только ты его расстреливаешь в упор, как в тире, не опасаясь, что дадут сдачи. Потому ударная группировка землян смогла прорваться достаточно близко, чтобы нанести чувствительный удар.

Корабли горели. Языки пламени вырывались из пробитых корпусов кораблей оуткастов, если пробоина была большая, затем наступала разгерметизация. С более мелкими пробоинами боролась палубная команда, доделывая то, что не смогла сделать автоматическая система герметизации, заделывая щели аварийной пеной и накладывая на нее заплатки.

– Там гибнут люди?

Лейтенант обернулся, кто-то впустил на капитанский мостик доктора Стоун. Но сейчас было не до выяснения отношений с командой, потому он просто сказал:

– Да, там гибнут люди... но они прежде всего враги, а не люди.

Начали гибнуть целые корабли. Яркие вспышки взрывов ослепляли, но теперь это не мешало артиллеристам стрелять.

Большие потери несли корабли ударной группировки, они вместе с оуткастами приближались к орбите Криста.

– Полный вперед! – приказал лейтенант.

Команда работала как роботы, казалось, сознание им отказало, и теперь они держались только за счет того, что нужно выполнить свой долг, а значит, выжить.

Оуткасты в запале схватки с погибающими крейсерами Земли на какое-то время упустили из виду десантные корабли, которым этого времени оказалось достаточно, чтобы сблизиться с противником вплотную.

– Абордажным командам приготовиться! Лейтенант, – позвал Камышов своего помощника Бена Глока, – как только мы отстыкуемся, уводи «Быстрый» к Залему, если все сложится удачно, мы туда подойдем уже на трофейном судне... не вздумайте нас подбить, будет очень обидно. Ты понял?!

– Т-так точно, господин капитан!

– Через пять минут начинай сброс десанта. Действуй.

– Какое судно будем брать? – спросил старшина Фрейндлих.

– Не слишком большое. Пожалуй, вот этот дредноут нам вполне подойдет, – сказал Камышов, показывая на корабль. – Он невелик, значит, там мало команды. Она, конечно же, вооружена, но там нет гораздо более опасного десанта. И вряд ли у них есть полноценные контрбордажные команды.

– Я согласен.

– Не уходи, – вдруг сказала Амели. – Это опасно, останься.

– Хм-м, – усмехнулся Роман. – Не могу.

Лейтенант со старшиной побежали к своему шаттлу, где их уже ждали все бойцы, на ходу надевая тяжелые шлемы «орлана».

24

Лейтенант и старшина, пройдя сквозь неподвижные ряды «ХК-12С», заняли свои места и еще раз проверили, хорошо ли закреплено оружие в специальных пазах, чтобы оно не выпало при ударе челнока о борт вражеского корабля.

Люк автоматически закрылся, и компьютерный голос проговорил:

– Пять минут до сброса...

«Пять минут до сброса в ад», – подумал Роман.

Лейтенант осмотрел своих солдат, забрала никто не опустил, но это не помогло Роману понять, кто о чем думает. Сожалеет ли, что согласился принять участие в этой аванюре, не проклинает ли кто себя за малодушие, что не отказался раньше и поддался общему воинственному настроению, а теперь отказываться уже поздно, это выглядело бы еще большим малодушием. Лица не выражали ровным счетом ничего.

А может быть, кто-то думал, что недостаточно хорошо проверил оружие или поставил не туда какую-нибудь деталь? Хотя за время путешествия к Неману оружие досконально изучили, все могли разобрать и собрать его с закрытыми глазами.

Эти штурмовые автоматы «аддер» удалось даже реально опробовать, все остались довольны их характеристиками. Чтобы ненароком не пробить корпус, пришлось стрелять в техническом помещении, где имелись запасные броневеты листы.

Все было привычно, поменялись только обстоятельства. Теперь они сидели в космическом шаттле вместо десантного отсека вертолета, который, как и вертолет, сейчас повезет их на задание, а дальше – неизвестность.

Неспешное течение мыслей прервал автоматический компьютерный голос.

– Внимание! Минута до сброса. Шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... – начал отсчитывать последние секунды голосовой модулятор.

Камышов закрыл забрало шлема и включил автономное воздушное питание. Его примеру последовали остальные солдаты.

Роман вдруг явственно представил, что сейчас происходит за бортом этого маленького кораблика и куда им предстоит ворваться.

Воображение рисовало в мозгу жуткие картины боя, которые, к слову сказать, были очень точны, и именно это сейчас происходило на самом деле в открытом космосе.

Порядки земных кораблей с боем продвигались вперед и вскоре смешались с кораблями оуткастов, ударная группировка уже давно погибла, но это ничего не могло изменить.

– Три, два, один, – шепотом вместе с компьютером считал Роман.

– Сброс!

Камышов почувствовал сильный толчок, и голова ударилась о спинку кресла. Гравитация упала на порядок, и появилось противное ощущение тошноты, но все обошлось благополучно, никто не забрызгал броневетое стекло забрала.

Абордажные шаттлы влились в общую массу десантных челноков, словно тополиный пух заполнившие все окружающее пространство между своими и чужими кораблями. И, ко всему прочему, смешались с десантными шаттлами оуткастов, и те прекратили орудийный огонь, но это не означало, что опасность миновала.

На смену тяжелой артиллерии оуткасты выпустили истребительную авиацию, и та сразу же набросилась на неповоротливые шаттлы, на этот раз оказавшиеся не такими уж и беззащитными.

В космосе стало тесно от длинных дорожек скорострельного пушечного огня. Яркие точки снарядов испещряли пространство вдоль и поперек, иногда их пересекали дымные следы ракет, стремительно догонявших свои цели.

Частые вспышки разрывов делали картину неправдоподобной, уж слишком красиво все выглядело, чтобы поверить в то, что эта красота не что иное, как самая настоящая война.

Всего этого Роман не видел, сидя в наглухо закрытом челноке, без единого иллюминатора. Автопилот шаттла вел его команду к выбранному кораблю-жертве, уклоняясь от трасс снарядов и ракет, так и норовивших располосовать борт или подбить сопло двигателя.

Пушечные башни «ДИ-50» отгрызались огнем, отпугивая слишком близко подошедшего истребителя. Иногда им даже удавалось всадить несколько снарядов в самолеты, и те, дымя или с отбитыми плоскостями, с простреленными корпусами уносились прочь от неповоротливых, но злобных туш.

– Время касания три минуты двадцать... – проговорил модулятор.

Шаттл закладывал виражи, от которых людям становилось плохо, в животе вдруг начинало урчать, а в глазах темнело от перегрузок.

– Время касания минута десять...

Вдруг лейтенант почувствовал, как мелко задрожал корпус и что-то, сильно ударив, бросило шаттл в сторону, так что крепления буквально закричали, удерживая солдат в креслах. Но один робот все же не удержался, с диким грохотом пролетел над головами солдат и улетел в хвост, грохнувшись там, чудом никого не задев.

Шаттл выровнял свой полет и, снова набрав скорость, понесся к цели.

– До касания десять секунд. Внимание... – компьютер отсчитал положенное время и буквально визгнул: – Касание!

Раздался жуткий удар о борт корабля, да такой сильный, что в голове Романа пронеслась мысль о том, что не будь на них сейчас брони и плотного крепления, переломов было бы не избежать.

Послышался свист ионных резаков, и посыпались искры, как от бенгальского огня.

– Приготовились! – скомандовал лейтенант и, отцепив ремни безопасности, выхватил тяжелый «аддер» из крепления.

Приготовились атаковать и роботы, застыв на месте, словно боевые собаки в ожидании команды «Фас!».

Слепящий свет резаков погас, и специальная механическая рука осторожно отодвинула в сторону вырезанные овалы борта вражеского корабля. Оттуда лился белый свет.

– Вперед!

25

В этот раз все было не так, как раньше. Капитан корабля Ренат Халим смотрел на все это безобразие с наступающей тревогой. Рядом с ним получили жестокие пробоины уже два таких же линкора, какой был под его командованием, и один из них через полчаса боя вдруг взорвался, обдав «Акбар» своими обломками.

Приказ отойти от адмирал-шаха не поступал, и Халиму одному приходилось удерживать позицию, которую должны были защищать трое. Но делать это становилось все сложнее.

Его корабль добил два неприятельских крейсера, получивших повреждения на уже изрядно помятой первой линии обороны, и начало доставаться второй, в которой и стоял «Акбар».

Этот рывок неверных оказался довольно чувствительным и неожиданным. Их предупреждали, что земляне подготовились, но Халим не верил до последнего, пока не началась канонада и стройные порядки не смешались. Хотя он понимал, что на земных кораблях нет экипажей и их могут бросать в бой как угодно, это все же оказалось неприятной неожиданностью.

Потом были пропущены десантные корабли землян, которые вместо того, чтобы производить десантирование, вдруг врезались в основную массу флота лоб в лоб.

«Наверное, решили дожать нас, – подумал капитан, – это их ошибка».

Тем не менее, порядки разрушились окончательно. Адмирал-шах приказал десантироваться, и тут уже совсем все запуталось. Где свои, где чужие – визуально не понять. В этом могли разобраться только компьютеры.

Выпустили авиацию, но самолеты выходили один за другим, возвращаясь на свои авианосцы, подбитые пушками шаттлов, но и шаттлов настреляли порядочно. Они взрывались, разбрасывая в космос свой драгоценный груз – боевых роботов.

Из задумчивого созерцания боя капитана вывел его помощник, лейтенант Харезм:

– Господин капитан, тут что-то не так, посмотрите сами...

Халим перевел взгляд на боковое отделение панорамного отображения внешней среды.

– Я не понимаю, что ты хочешь сказать?

– Шаттлы, господин.

– Ну и?! Шаттлы как шаттлы...

– Они несутся прямо на нас, господин! То есть вверх от планеты. А должны вниз, с орбиты на планету!

– Действительно, – подтвердил вывод лейтенанта капитан. – И формы у них какие-то не такие... не стандартные.

Прямо на линкор неслись три сотни шаттлов. Две с половиной сотни выглядели вполне обычно, а вот еще с полсотни имели несколько иную конфигурацию, и они почему-то пугали больше всего.

– Чего им нужно?

– Может, это камикадзе?!

– Вполне возможно, но, с другой стороны, мы недостаточно большая и важная цель для таких сложностей... Как бы там ни было, зенитной артиллерии открыть огонь.

– Слушаюсь, господин.

Беспокойство росло, и Халим приказал соединить его с адмирал-шахом.

– Что случилось, капитан? – недовольно отозвался адмирал-шах Аслим Хусейн. Он не любил, когда его отвлекали, но раз отвлекли, значит, оно того должно стоить.

– Происходит что-то странное, триста бортов несутся прямо на меня, и я прошу о помощи – пришлите авиацию разогнать их.

– Вся авиация занята, капитан, но десятка два бортов я тебе вышлю.

– Спасибо, господин адмирал-шах...

Связь оборвалась, и Халим вообще пожалел, что связался с командующим. «Только время потерял на пустые разговоры, – недовольно подумал капитан. – Два десятка... курам на смех».

Время действительно было упущено. Зенитки работали хорошо и сбили множество малых вражеских бортов. Им помогли самолеты и зенитчики с соседних кораблей.

Когда вражеские шаттлы подобрались достаточно близко и не было угрозы для соседних кораблей, было произведено несколько выстрелов из лазерных орудий, и еще половина челноков выбыла из строя, либо сгорев в луче, либо сойдя с курса из-за сожженной электроники.

– Они проходят мимо, господин капитан, – с облегчением сказал лейтенант Харезм, глядя в экран заднего вида.

– Слава всевышнему, – возвел кверху руки капитан Халим. – Это не камикадзе.

– Неверные, видимо, очень тупы, раз не смогли додуматься даже до этого.

– Наверное.

Впрочем, какой-то приступ беспокойства вновь овладел Халимом. Что-то непонятное и загадочное ощущалось во всем этом.

– Но тогда какой в этом смысл? Просто так никто никаких маневров не делает...

– Может, электроника неверных на одном из кораблей дала сбой в результате попадания, и бортовой компьютер просто сбросил шаттлы не туда, мой господин? – вопросительно предложил версию лейтенант.

– А автономные автопилоты на шаттлах тогда для чего? Почему они не поправили неверно заданный курс кораблем-носителем? – с ноткой сарказма переспросил капитан. – Или произошел сбой сразу во всех системах?

Лейтенант ответить не успел. Да и не было у него подходящего ответа, кроме версии о вирусе в системе корабля, но он сам понял, что это бред. Посыпались доклады командиров отсеков:

– Докладывает пятый отсек. Два удара по левому борту в районе второго и пятого уровня. Один удар по правому борту в районе четвертого уровня...

– Попадания? – спросил капитан Халим.

– Никак нет, господин капитан. Именно удары, как одно ведро о другое.

– Что за шайтан?...

– Докладывает второй отсек. Один удар по левому борту в районе третьего уровня. Три удара по правому борту в районе первого и третьего уровня...

– Что происходит?

Но ответить капитану никто не смог.

Всего насчитали двенадцать ударов по всему корпусу.

На связь вышел сам адмирал-шах:

– Капитан, ты идиот или как?! – кричал командующий на растерянного Рената Халима. – Ты что, ничего не видишь?

– Но...

– Тебя берут на абордаж! Неужели не понимаешь, придурок?!

Изображение командующего сменил видеоролик, где Халим без труда узнал свой «Акбар». Но что это за скорлупки на его борту?

«Шаттлы!» – осенило капитана.

– Действуй же! Шайтан тебя подери! – снова закричал адмирал-шах и прервал связь, так что «слушаюсь» капитан произнес в пустой экран.

Тут же пришли подтверждения в той же очередности:

– Докладывает пятый отсек. Слышны свистящие шумы...

– Докладывает второй отсек...

– Общекорабельную связь! – быстро потребовал капитан Халим.

– Готова! – доложил лейтенант, щелкнув тумблером на панели управления.

– Внимание, говорит командир корабля! Экипажу срочно вооружиться, на нас совершенно нападение. Это абордаж!

Не до всех сразу дошел смысл этого слова, хотя, конечно же, в теории все его знали, но дисциплина и выучка возобладали над чувствами, и уже спустя пару секунд в коридорах корабля раздался топот сотен ног, бегущих в оружейные в своих отсеках и обратно к подозрительным местам ударов о борт.

26

– Вперед! – закричал лейтенант, и они вдвоем с сержантом забросили в проемы по гранате.

Но тут вышла заминка. Габариты «ХК-12С» не позволяли им выскочить мгновенно. Роботам пришлось проходить боком, выворачивая свои конечности самым невообразимым способом, благо их конструкция это позволяла.

Гранаты взорвались, когда первая пара роботов-пехотинцев уже высунулась наполовину. Побитое осколками освещение погасло, но это не помешало оборонявшимся открыть шквальный огонь из автоматического оружия.

В задымленной темноте были хорошо видны искры рикошетивших от брони роботов пуль, пара из них влетела даже в шатл. Роботы уже почти вылезли, когда, по всей видимости, прибыло подкрепление в виде тяжелой артиллерии, что-то три раза гроыхнуло, и «ХК-12С» с простреленными головами повалились на палубу. Пришлось забросить еще

несколько гранат, в том числе и кислотную.

Огонь с ревом пронесся по коридору, в одно мгновение облепив все копотью, но это отпугнуло противника, и следующие двойки роботов смогли, хоть и в раскорячку, благополучно выбраться наружу и очистить путь для людей.

Слышалась гулкая канонада прямо-таки авиационных пушек, которыми вооружили механических солдат, и частая дробь оружия значительно более мелкого калибра защитников.

«Надо было их перевооружить более мелкими пушками, – подумал о союзниках Роман. – А то понаделают дырок, латать не перелатать».

Наконец все роботы выбрались из шаттла и стали расходиться по кораблю.

– Нам нужен командный центр, – напомнил Камышов своим солдатам.

Это было ясно еще до абордажа, но где его искать – никто не знал. У федералов схем кораблей оуткастов не имелось, но все надеялись узнать это прямо на борту.

– Куда думаешь двигаться?

– Понятия не имею, – ответил старшине Камышов, поглядывая то в один, то в другой конец коридора. Там на страже стояли два робота, выделенные для их охраны. – Нужно взять «языка».

– Легко сказать. Эти милые жестянки валят всех без разбору.

– Щас прикажем им этого не делать.

Роман двинулся к одной из «жестянок», когда та начала стрелять по видимому только ему противнику. Подстрелил робот кого или нет, непонятно, да это стало и не важно, когда лейтенант увидел, как прямо под ногами «ХК-12С» остановилась катившаяся граната.

Робот на нее внимание не обращал, по всей видимости не опознав в ней опасность, считая ее чем-то вроде обломка, каких здесь от выстрелов их пушек накрошилось действительно немало.

Роман успел отскочить, буквально вжавшись в стенку коридора, когда раздался взрыв, и по проходу полетели запчасти от робота. В Камышова рикошетом от противоположной стенки врезалась голова «ХК-12С», свалив его с ног.

– Лейтенант, ты как?! – поспешил на помощь сержант Галс.

– Нормально, – проверив себя, констатировал Роман. Голова заехала в грудь, оставив там довольно большую вмятину, но не повредив никаких систем «орлана». – Идем дальше, туда...

Несколько солдат обстреляли коридор, откуда прилетела злополучная граната, и сделали это вовремя – в ответ послышались отчаянные крики и стрельба.

– Раз так отчаянно защищаются, значит, есть что защищать именно там, – пояснил свое решение лейтенант, встав на ноги.

– Может, нам разделиться? – предложил старшина Фрейндлих. – Половина на нос, половина на корму. А то такой толпой...

– Хорошо, – кивнул Роман, досадуя, что не предложил этого сам.

«Наверное, это от удара», – подумал он в свое оправдание.

– Так и сделаем. Ты на корму, я на нос.

– Слушаюсь.

Солдаты привычно разделились на отделения, как это они делали уже не раз в своих прошлых боевых операциях, и двинулись своим маршрутом вслед за командирами.

Солдаты лейтенанта двигались осторожно, ведь у них, в отличие от отделения старшины Фрейндлиха, не имелось авангарда в виде робота.

«Может, оно и к лучшему, – подумал Камышов. – Они ведь тоже не идеальны... Лучше уж полагаться только на себя, а не на электронные мозги без интуиции и животных инстинктов».

Впрочем, инстинкты подвели. Первая группа из трех человек делала короткую перебежку, когда из-за поворота в развязке коридоров появился робот и наставил на них свой громадный автомат. Все замерли в самых нелепых позах, как в детской игре «Море

волнуется раз...».

Та доля секунды, когда черное отверстие ствола чудовищного калибра смотрело прямо в грудь лейтенанта, показалась ему вечностью. Красные глаза «двенадцатого» горели огнем, словно требуя жертвенной крови.

Наконец его зрачки с телескопическим эффектом уменьшились, и ствол приподнялся чуть вверх – произошло опознание свой-чужой по штрихкоду на груди и шлеме «орланов» солдат. После чего робот, качнувшись, пошел дальше по своим делам, выискивать новые жертвы.

– Твою мать... – выдохнул один из солдат, схватившись за стенку, чтобы не сползти на пол от предательски возникшей слабости. – Я чуть в штаны не наделал. Сука!

У лейтенанта появились похожие ощущения. Ноги дрожали, но он все же удержался от того, чтобы схватиться за стену. Сделав три глубоких вдоха и проверив, как сидит на нем наклейка с черными полосками, погладил ее рукой и осипшим голосом приказал:

– Пошли дальше... И не вздумайте потерять эти долбанные наклейки.

Про себя Роман отметил, что робот, вставший им на пути, судя по порядковому номеру, не из его шаттла «ДИ-50», а значит они здесь не одни, что очень даже хорошо. Но сколько всего шаттлов сумело «присосаться» к крейсеру, он не знал. Компьютер почему-то об этом не сообщил. Но неприятное ощущение от того, что, возможно, они здесь одни, прошло. «Одной проблемой меньше, – с некоторым облегчением подумал Роман. – У нас есть все шансы на успех».

Идущий впереди Алекс вдруг замер, подняв вверх левую руку. Солдаты снова остановились, быстро оглядываясь, чтобы видеть все закоулки и темные места коридора и при любом подозрительном шевелении нацеливать противника свинцом.

– Что там? – тихо спросил лейтенант.

– Вроде шаги.

– Роботы?

– Нет, их много и тихие...

Алекс постоял еще минуту, вслушиваясь, но, по всей видимости, больше ничего не услышал и опустил руку. Отряд направился дальше.

Камышов снова пошел впереди. Было слышно, что где-то шли сильные бои. Доносились звуки стрельбы из автоматов «двенадцатых» и грохоты гранатных взрывов.

Группа прошла мимо одного такого сражения. В углу валялось два «ХК-12С», а напротив них человек десять экипажа. Подсчитать точно с ходу не представлялось возможным, и упорствовать никто не стал. У многих тел не хватало конечностей, а некоторые просто разорваны в клочья.

– Ужасная картина, – сказал один из солдат, поддевая что-то носком сапога.

– Меня другое волнует, – произнес сержант, стоя над поверженными роботами.

– Что? – не понял лейтенант.

– Где их автоматы?

– Черт...

Роботы действительно оказались безоружными. Кому-то оказалось под силу унести их двадцатикилограммовые пушки и еще более тяжелые патроны с боеприпасами.

– Ладно, двигаемся дальше.

Вскоре попался первый «двенадцатый», подбитый трофейным оружием, у него автомата и боеприпасов также не оказалось. Это для нападавших начинало приобретать какой-то зловещий оттенок.

– Плохо дело. Они так и отбиться смогут, – произнес Галс.

– Крепкие у них ребята.

– Или одну пушку вдвоем носят.

Разгорелся короткий спор между солдатами, прекратившийся сам собой при внезапном появлении чужих.

В стене в сторону отъехала одна панель, и из помещения вышло несколько матросов.

Пушку робота те действительно носили вдвоем. Один таскал сам автомат на наспех сделанном ремне, перекинутом через плечо и шею, словно от котомки, второй стоял в шаге от стрелка и нес короб с патронами на плече, от которого к автомату шла транспортерная лента. Видимо, короб был наполовину пуст, ибо носильщик не особо напрягался, хотя имел довольно хлипкое телосложение.

«Проворонили! – с досадой и сарказмом подумал Камышов: – Ну как же, бой здесь уже прошел, чего опасаться?!»

Однако лейтенант понял, почему противник не стреляет – перед ним стояли люди, а не роботы, и это сбило их с толку. Увидеть здесь людей никак не ожидали.

Замешательство длилось какую-то секунду, но этого хватило, чтобы лейтенант приподнял свой «аддер» и первым нажал на спуск.

Длинная очередь из штурмового автомата буквально выкосила маленький отряд из пяти человек, пробивая хлипкие, чисто символические бронежилеты насквозь.

К поверженным подошел один из солдат, чтобы уже привычно проверить работу и, если потребуется, доделать ее.

– Кажется, один живой, – сказал он, ногой откинув неподвижное тело с другого человека, лежавшего на полу.

– Везунчик...

27

Матрос действительно оказался жив, он часто дышал, но объяснялось это не тяжелым ранением, а банальным страхом.

Матроса все же легко ранило в ногу. А в том, что он не предстал перед всевышним, провинился бронежилет, сдержавший пулю, которая попала в него, предварительно пробив насквозь впереди стоящего матроса.

Раненый очнулся и заплевался кровью, видимо, удар оказался все-таки достаточно сильным.

– Ты меня понимаешь? – спросил лейтенант Камышов раненого, включив автопереводчик.

Тот кивнул, но вдруг разразился длинной тирадой, из которой автопереводчик смог распознать и перевести два слова: «смерть» и «неверный». Потом уже тише спросил:

– Кто вы?

– А это так важно?

– Вы не земляне...

– Почему? – удивился Роман. – Самые что ни на есть земляне...

– Вы с оружием. Земляне не приемлют насилия, – отплевываясь, пояснил пленник и добавил с превосходством в голосе: – Эти сопливые хлюпики падают в обморок от одного вида оружия. Они не достойны жить...

– Ах, вот ты в каком смысле! – дошло до Камышова, что имел в виду пленный матрос. – Но что-либо объяснять я тебе не собираюсь. Где находится капитанский мостик?

Фанатичный матрос демонстративно отвернулся, показывая, что не намерен разговаривать с какими-то неверными.

– Все старо, как мир, – устало произнес сержант Галс, доставая нож.

Ему были знакомы вот такие фанатики мальчишки, наслушавшиеся проповедей, вставшие на путь войны, но, как правило, так или иначе их удавалось разговорить. Правда, попадались и такие, которые молчали до самого конца.

– Лучше скажи сразу, сохранишь себе здоровье, а главное жизнь, ну а нам сэкономишь время. Давай, парень, не жеманься. А то буду мучить тебя долго и больно...

Пленник по-прежнему остался невозмутим, дескать, режьте меня, все равно ничего не добьетесь.

– Хм-м... У тебя наверняка есть невеста, – продолжил сержант почти задушевым

тоном, показывая, дескать, здесь все свои. – Ведь есть?... Вижу, что есть. А теперь подумай, на кой хрен ты ей будешь нужен без яиц?

Сержант Галс недвусмысленно взялся за пояс штанов пленника и направил туда руку с ножом. Дальше пленник невозмутимым оставался недолго, закричав:

– Стойте!!! Я скажу!

– Ну вот, так-то лучше...

Лейтенант Камышов улыбнулся, этот прием сержанта был практически безотказным.

Пленник рассказал все и даже попытался нарисовать схему движения на бумаге. По всему выходило, что группа была не так уж и далеко от места назначения.

Роман взял две запасные наклейки со штрихкодами из кармана и наклеил их на матроса: одну на лоб, другую на спину – и, отбив руку матроса, попытавшегося снять наклейку со своего лба, добавил:

– Не советую их терять, пойдешь с нами, и будем надеяться, что ты не наврал.

– Кто вы?

– Земляне, но очень древние... Пошли. Совсем забыл, – стукнув себя по лбу, сказал Роман. – Старшина...

Но Виктор Фрейндлих его опередил, сам выйдя на связь.

– Лейтенант, мы «языка» добыли.

– Мы тоже...

Последовала короткая сверка информации, после которой Роман услышал в наушниках звук одиночного выстрела.

– Что произошло? – с беспокойством спросил лейтенант.

– Наш «язык» соврал.

– А вдруг мой?

– Не думаю. У тебя мастер проведения допросов, а мой пленник отвел глаза, когда слушал наш разговор... Я «забыл» отключить свой автопереводчик.

– Понятно, тогда догоняйте, но осторожно, эти поганцы вооружаются пушками «двенадцатых».

– Понял. Уже идем.

Отделение старшины Фрейндлиха прибыло в точку randevu через двадцать минут.

– Что с ним? – озабоченно спросил лейтенант, показывая на солдата, которому помогали идти два его товарища.

– Контузия. Нарвались на засаду. Робота на металлолом раздали, и нас немного зацепило. Во! – показал старшина на две пулевые вмятины на своей броне. – А так ничего серьезного. Постреляли и разошлись.

– Хорошо. Ну что, думаю, по отсутствию сопротивления можно сказать, что экипаж практически полностью ликвидирован, а?

– Похоже на то. Где, говоришь, их капитанский мостик?

– В третьем отсеке, а мы соответственно в четвертом.

– Так чего ждем?

– Пошли...

Но долго идти не пришлось. Люки, соединявшие четвертый и третий отсеки, оказались наглухо закрыты. Следовало ввести коды.

– Давай, – приказал лейтенант пленнику.

– Не выходит, – ответил тот, несколько раз набрав комбинацию, и каждый раз появлялась надпись, что в доступе отказано. – Наверное, коды сменили.

– Врет пацан.

– А может, и нет.

– Нам тут долго кантоваться придется, – сказал старшина. – Весь боезапас истратим, прежде чем удастся проникнуть в третий отсек.

Мимо в поисках добычи прошел «двенадцатый», на секунду зыркнув глазами на ошестинившихся стволами солдат.

– У меня идея, – сказал сержант и убежал догонять робота.
– Что за идея? – поинтересовался Роман, когда Галс вернулся, ведя за собой «ХК-12С».
– Сейчас.
Буквально через минуту в коридоре набралось с десятков роботов.
– Слушайте команду, – обратился к ним сержант. – Проломайте проход. А нам от греха подальше лучше куда-нибудь отойти.

Когда солдаты отошли, сержант приказал роботам открыть стрельбу, что те и сделали.
Грохот поднялся невыносимый. Пушки «двенадцатых» буквально разворотили стену, и переходной люк сам упал на пол под собственной тяжестью.

Но на этом все не закончилось, произошла еще одна короткая перестрелка и несколько взрывов гранат, после которой наступила тишина и слышались слабые голоса, означающие, что все роботы погибли смертью храбрых.

Объяснять солдатам, что происходит в коридоре, нужды не возникло, и так понятно – противник осматривает свои трофеи. Потому лейтенант жестами показал на коридор и пальцами стал отсчитывать время так, чтобы все видели.

Когда последний палец вместе с остальными образовал кулак, солдаты вышли на перекресток и практически в открытую начали расстреливать матросов из своих «аддеров».

– Вперед, – приказал Роман, когда всех матросов перебили. К тому же подоспел еще десяток роботов. Их пропустили вперед, чтобы отвлекли внимание от солдат своей собственной охотой на людей.

Солдаты рвались наверх, туда, где находился капитанский мостик. Им навстречу попадались группы вооруженных матросов, с которыми приходилось иметь дело, но последних было подозрительно мало. Причина вскоре обнаружилась – здесь тоже поработали «ХК-12С», ибо у нескольких человек имелись их автоматы.

На пути возникла засада, из которой землян обстреляли из трофейных пушек. Такому огню противопоставить было практически нечего, кроме гранат. Обычные осколочные не брали, а потому пришлось использовать кислотные.

Снова по коридорам прошелся тугой столб огня, и дикие крики огласили, что гранаты выполнили поставленную перед ними задачу. Выглядели разрушения ужасно. Черные, оплавленные кислотой пластиковые покрытия и изъеденные тела, скрюченные в предсмертных судорогах.

– Наверно, больно, – печально, пошутил кто-то из солдат.

Дальше все оказалось неожиданно легко. Солдаты просто взяли и подорвали оставшиеся гранаты по периметру двери и завершили дело из «аддеров», окончательно выломав бронированную дверь, ведущую на капитанский мостик.

Оттуда раздалась пистолетные и автоматные выстрелы, но стоило только снова «заговорить» «аддеру», пули которого разнесли половину покрытия потолка, как стрельба прекратилась.

– Мудрое решение, – похвалил Камышов, входя на капитанский мостик.

28

Лейтенант осмотрелся и приказал оуткастам бросить оружие, которое тотчас собрали солдаты, дополнительно в темпе обшарив каждого на тот случай, если кто-то решил скрытничать и оставить маленький пистолетик себе.

– Кто главный?

– Я капитан Ренат Халим.

– Надеюсь, вы ничего такого своему командованию ляпнуть не успели? – поинтересовался Роман у капитана.

– Что именно?

– Дерзишь?! – с усмешкой спросил Камышов и выстрелил в одного из членов команды, забрызгав кровью большую часть аппаратуры. Того отбросило назад, как от удара

кувалдой. – Вы успели подать сигнал, что больше не контролируете судно?

– Нет. Только собирался...

– Что ж, поверим на слово, капитан, – сказал лейтенант и обратился к солдатам: – Уберите труп и скройтесь за дверь.

Роман отвлекся на панораму битвы. Сражение уже практически закончилось, по крайней мере его космическая часть. Корабли Федерации уходили, сбросив весь десант до последнего шаттла и оставив на орбите подбитыми больше половины своих кораблей, которые дрейфовали, разлетаясь в разные стороны и беспорядочно вращаясь.

Некоторые из них уже входили в плотные слои атмосферы Криста метеорами, оставляя за собой длинные хвосты черного дыма. Достигая поверхности, корабли взрывались с такой сильной вспышкой, что ее различали даже на светлой стороне планеты. Было видно, как огромной сферой расходились ударные волны, верхней частью пробиваясь даже в стратосферу.

– Красиво. Капитан, доложите своему командованию, что вы отбили атаку и все роботы уничтожены. Но вы получили большие повреждения, и требуется серьезный ремонт, для чего вам необходимо вернуться на Эрлих. Я думаю, вам поверят, на Кресте нет больших доков. Постарайтесь говорить убедительно, иначе вам всем крышка. Вы поняли?

– Хорошо, но это не сойдет вам с рук, так и знайте, – согласился Ренат, прекрасно понимая, что выпендриваться и играть в героев в данном положении себе дороже. – Лейтенант, установите связь с командующим.

– Слушаюсь.

– И когда будешь говорить, рожу не криви и вообще постарайся не подавать никаких сигналов, – предупредил Камышов, устранившись на полу за панелью управления, чтобы его не видели. – Я все вижу...

Связь установили, но адмирал-шах долго не мог подойти, увлекшись управлением наземными войсками, несмотря на то, что это уже не относилось к его прерогативе, но по какой-то причине генерал-паша, который и должен командовать десантом, ему не мешал, наблюдая со стороны.

Роман даже подумал, может, этот адмирал и есть новый главарь оуткастов, но потом отбросил эту мысль. «Такие слова, – подумал Камышов, вспоминая запись в госпитале, – мог произнести только настоящий главарь. Уж слишком они честлюбивые, чтобы доверить честь объявления войны другим».

– Ну что там у вас, капитан? Справились с абордажем?

– Так точно, господин адмирал-шах. Весь десант уничтожен.

– Хорошо. А вы там случайно среди штурмующих не видели людей?

Роман отрицательно покачал головой.

– Нет, только роботы. – Ответил капитан.

– Ну ладно, а то есть довольно интересная информация про солдат...

Роман ударил капитана по ноге, напоминая тому о ремонте.

– Простите меня, мой господин, во время боя мы получили серьезные повреждения внутренних систем корабля, мы практически безоружны и нам требуется серьезный ремонт. Ремонтные бригады уже занимаются починкой, но нам нужен стационарный ремонт в доках. Можно на Эрлихе...

– А почему не здесь? – удивился адмирал-шах.

– Здешние доки не подходят, мой господин.

– Да? – командующий погрузился в задумчивое состояние. – Ну, хорошо, сформируем караван из поврежденных кораблей, и вы все вместе отправитесь ремонтироваться на Эрлих.

Камышов задержал штанину капитана Халима и показал отрицательный жест.

– Простите меня великодушно, господин адмирал-шах, но мы могли бы обернуться гораздо раньше и успеть к следующей операции, если отправимся сейчас. Караван идет слишком долго... Вы же понимаете, они пойдут со средней скоростью, а я обернусь гораздо быстрее.

– Ишь, какой ретивый, – явно с одобрением произнес командующий. – Так и быть. И еще, капитан, о вашей верности и преданности я доложу самому благородному эмиру Шалиму Аль Хусейну.

– Благодарю вас, господин адмирал-шах, – с поклоном поблагодарил капитан Халим. – Это для меня великая честь...

– Можешь отправляться.

– Благодарю, господин.

Связь прекратилась, и лейтенант смог выбраться из-под панели управления.

– Молодец капитан, Федерация этого не забудет.

– Могли бы и не смеяться...

– Извини, капитан, вырвалось, – покаялся Роман Камышов. – Заводи движки и дуй к Залему, там мы должны кое-кого подобрать.

Адмирал-шах вновь окунулся в руководство наземным боем, отстранив генерал-пашу, когда что-то неприятное зашевелилось у него в животе. «Съел что-то не то?» – подумал командующий и начал вспоминать, что он ел на обед.

Обед адмирал-шах считал главным приемом пищи, а потому наедался до отвала, особенно на войне, когда не знаешь точно, удастся ли тебе еще поесть вовремя.

А на обед подали: салат из тертой моркови с яблоками и сельдереем, фасоль в орехово-чесночном соусе, овощи в «кармашках» из картофельного пюре, жареное мясо, на десерт поднесли пудинг с шоколадом и сок; пирожное и шоколадный рулет. Было что-то еще, но адмирал-шах уже не помнил точно, что именно.

«Странно, обед как обед, ничего особенного, так почему живот крутит?» – задумчиво гадал адмирал-шах.

Он попытался вернуться к управлению войсками, но что-то не давало ему покоя, и он вынужден был передать управление генерал-паше.

«А откуда он знает, что здешние доки не подходят для ремонта? – вдруг подумал Аслим Хусейн, вспоминая прошедший разговор. – Разве он был тут раньше?»

Командующий сел в удобное кресло, где ему всегда легко думалось.

– Дверь...

– Простите, мой господин?... – склонился слуга, посчитав, что обращались к нему.

– Запись разговора с этим капитаном есть?

– Конечно, мой господин.

– Ну, так поставь ее, идиот!

– Слушаюсь...

Слуга ушел, и через некоторое время на большом экране вновь вспыхнуло изображение капитанского мостика линкора «Акбар». Запись шла без звука, чтобы не отвлекать внимание.

– Стоп! – крикнул командующий, увидев интересующую его деталь.

В самом краю экрана вместо двери зияло какое-то рваное отверстие. Это могло означать только одно – «Акбар» больше не принадлежит Империи. Кто-то взял штурмом сердце корабля, его мозговой центр, и он сейчас уходит.

– Майор!

– Я здесь, мой господин.

– Немедленно догнать «Акбар» и потребовать, чтобы он остановился и все, кто там находятся, немедленно сдались. А если не подчинятся – уничтожить!

– Слушаюсь, господин адмирал-шах.

29

«Акбар» уже практически преодолел половину пути от Криста до Залема, когда старшина неуверенно произнес:

– Кажется, у нас проблема, командир...

– В чем дело?

Виктор Фрейндлих показал на три точки, быстро приближающиеся к линкору.

– Увеличить ход, – приказал лейтенант. – Нас раскрыли.

– Сдайтесь, и я гарантирую, что господин адмирал-шах сохранит вам жизнь, – вставил свое слово капитан Халим.

– Ты знаешь, нас как-то не греет попасть в плен к таким уродам, как вы.

– Почему «уродам»? – обиделся капитан.

– Долго объяснять, потом возникнет спор о том, кто прав, а кто виноват – мне это ни к чему. Сейчас я воюю за Федерацию, и этим все сказано.

– Попытка связи с крейсера «Победный», – доложил лейтенант Харезм. – Что делать?

– Выходи... – кивнул лейтенант Камышов, снова забираясь под панель управления, пояснив: – Вдруг они не по нашу душу.

– Вряд ли...

– Немедленно остановитесь и сдайтесь! – зазвучал зычный голос человека с экрана, стоило только установить связь. – В этом случае к вам проявят милосердие!

– Но я следую на Эрлих ремонтироваться по приказу самого господина адмирал-шаха, – попытался сыграть дурочка капитан под одобрительные кивки головой Романа.

– А у меня его приказ уничтожить вас, если вы не подчинитесь. Командующий знает, капитан, что судно под контролем неверных. Поэтому вам следует довести до их сведения, если они не сдадут судно, оно будет уничтожено.

– Ну и что мне делать? – шепотом спросил Халим, скосив глаза вниз.

– Ничего... – выбираясь из-под панелей, ответил Камышов.

– Вы?!

– Ну, наверное... хотя все зависит от того, кого вы имели в виду.

– Вы все-таки существуете... Впрочем, это неважно, – взял себя в руки командир «Победного». – Немедленно сдайтесь. Вам не уйти.

– Капитан, придется немного повоевать. Разверни все стволы в сторону крейсера. Огонь по моему приказу. Или мы все помрем, и вы тоже.

– Вы думаете, я соглашусь убить своих братьев, только чтобы остаться в живых, осенив себя навечно позором?

– Именно. Наводи орудия, капитан, – жестче потребовал лейтенант. – Или я позабочусь о том, чтобы ты не попал в свой долбаный рай.

– Это глупо, неверный, – посмеиваясь, сказал командир крейсера. – Ну, что вы одни сможете сделать против трех кораблей?!

– Подороже продать свою жизнь, – ответил Камышов, пожав плечами.

– Что ж, это достойно уважения. Но если вы сейчас же не приступите к торможению, я вас испепелю одним залпом. У меня приказ, неверный, и я его выполняю... Хотя признаюсь, вы мне даже нравитесь.

– Извини, я нормальной ориентации. Мне больше нравятся женщины...

– Ты за это заплатишься! – вдруг побагровел майор.

– Постой, – остановил того Роман, понимая, что погорячился и сморозил непозволительную в его положении глупость, которая вывела противника из себя. – Извини, пожалуй, мы можем договориться, но на некоторых условиях.

– Каких?

– Об этом я буду говорить с самим адмирал-шахом.

– Ты зарываешься, неверный!

Лейтенант отчаянно тянул время. Последняя выходка чуть не сорвала его план, но вроде бы все обошлось, и до заветного Залема осталось три минуты пути, а там его ждет «Быстрый» со своими пушками. Лишь бы он действительно ждал...

Камышов приказал спрятать корабль в кольцах газового гиганта и сохранять радиомолчание, но он рассчитывал, что когда они появятся там, все поймут правильно, а главное не струсят. И разобравшись, кто есть кто, – помогут ему.

– Но хорошо, я спрошу командующего...

– Давай.

Пока командир «Победного» связывался со своим командиром, «Акбар» медленно, но верно, сближался с Залемом, и вот уже даже невооруженным глазом можно было различить отдельные кольца, опоясывающие его, как Сатурн. Где-то там среди этих глыб дрейфовал «Быстрый».

Оставалось только достаточно точно подгадать время.

На связь вновь вышел командир крейсера, адмирал-шах общаться отказался, хотя и выступил перед захватчиками лично:

– Никаких условий, неверный! Немедленно сдавайся или...

«Надеюсь, они все поймут правильно», – в который раз подумал Роман, не слушая командующего оуткастским флотом.

– Огонь! – приказал лейтенант. – И начинай маневры!

Вся огневая мощь «Акбара» пришлась на крейсер «Победный». Он озарился частыми вспышками попаданий, и связь с ним тут же прекратилась. Крейсер развернуло, и, получив еще несколько снарядов в борт, он замедлил ход и отстал от своих двух линкоров сопровождения.

«Акбар» продолжал отстреливаться, отчаянно маневрировать и окутывать себя облаками газа и наэлектризованной пылью, чтобы два собрата не разнесли его в клочья, затем развернулся в сторону Залема, уводя за собой вражеские линкоры.

Роман жалел только об одном, что сам не указал место стоянки «Быстрого» и теперь ему под огнем придется облететь почти половину газового гиганта, уворачиваясь от дрейфующих вне кольца глыб, в надежде, что его заместитель на крейсере все сделает правильно.

Но, признаться, лейтенант хоть и жаждал этого всеми фибрами своей души, в подобное не сильно-то и верил, он имел не очень высокое мнение об экипаже и думал над тем, как же ему все-таки обойтись своими силами, без помощи земного корабля. Но как ни старался, на ум ничего не приходило, а между тем преследователи приближались, все время норовя зайти с удобной позиции.

А выходить на связь с кораблем лейтенант Камышов не хотел, чтобы раньше времени не обнаружить свой шанс на спасение и не дать противнику повода действовать более осторожно – «Быстрый» должен стать для линкоров неприятным сюрпризом.

30

На «Быстром», спрятавшемся за огромной скалой, все отлично видели, как четыре корабля вышли из-за горизонта Залема.

– Мы пропали, – запричитал лейтенант Глок, исполняющий обязанности командира корабля. – Что нам делать?

– Смотрите, – показала Амели, все это время находившаяся на капитанском мостике.

Между кораблями начался бой, и наиболее крупный из них, не сделав ни одного выстрела, сбавил ход, а потом и вовсе остановился.

– Это они... Надо помочь им.

– Что вы такое говорите, доктор?! – изумился лейтенант. – Мы не можем воевать... Может, вызовем их и узнаем?...

– Вам же ясно сказали – никаких радио-переговоров.

– Да, но...

– Да мужик ты в конце концов или глиста облезлая?! – неожиданно для самой себя рассердилась Амели.

Лейтенант обернулся на доктора и смерил ее испуганным взглядом. Он, видимо, хотел сказать что-то еще о недопустимости выражений с бранными и уничижительными для личного достоинства человека словами, но, увидев ее полный ненависти взгляд, отвернулся,

быстро вспоминая необходимые команды.

– Орудийным расчетам по правому борту приготовиться к бою... Провести боевой разворот, дифферент на левый борт двенадцать градусов, крен на нос пять градусов.

Корабль начинал выход на удобную позицию.

* * *

«Акбар» уже получил два существенных попадания от пришедших в себя линкоров, но уцелевшие после абордажа матросы сумели быстро залатать повреждения. Хотя становилось понятно, что еще минута и малому линкору не жить.

Роман даже предлагал «нырнуть» в кольца, но капитан отказался наотрез, пояснив, что в этом случае они не проживут и десяти секунд. Метеориты просто раздолбают корабль на заклепки. С этим мнением специалиста Камышову пришлось согласиться. Метеоритные кольца действительно выглядели очень плотными.

Вдруг один из преследователей расцвел в яркой вспышке.

– Что произошло? Напоролся на метеор? – спросил Роман.

– Нет, его подбили, – ответил капитан Халим и вывел на экран изображение стрелявшего. – Он.

Понял это и второй преследователь, он резко развернулся и помчался прочь, теперь уже сам превратившись в дичь.

– За ним!

За убегающим кораблем рванул «Акбар», и вскоре к нему присоединился «Быстрый», начавший нагонять противника, действительно показывая свои быстроходные качества.

Беглец же погибать не хотел и, увидев в чистом пространстве между кольцами Залема свой шанс, попытался там скрыться на крутом вираже, уходя «вниз», чем сильно подставился, и одно попадание «Быстрого» в двигатель линкора сбило того с курса. Корабль пошел юзом, сильно заворачивая кормой. Маневровые двигатели пытались выровнять траекторию, отчаянно извергая огонь из сопел, но инерция движения оказалась слишком велика, и корабль продолжало сильно заносить.

Пространство между кольцами не было таким уж «чистым», и линкор, почти выровняв свой ход, но будучи недостаточно маневренным, взорвался.

– А вот он действительно наварвался на метеор, – констатировал Роман.

– Что дальше? – без эмоций поинтересовался капитан Халим.

– Стыкуйся с героем сегодняшнего дня...

Крейсер, подбитый «Акбаром», в самом деле уходил, но гоняться за ним времени уже не оставалось – следовало самим уносить ноги.

31

– Оставим восторги и поздравления на потом, – отстранил Роман Амели, поднимаясь на капитанский мостик. – Придется снова немного подкорректировать первоначальный план.

– Как?

– Еще не знаю... Дайте карту.

На экране появилась плоская карта звездного неба. Желтой полоской на ней сиял прежний маршрут, который должен был проделать трофейный корабль: Неман – Каледония – Оуткаст. Теперь этот план безнадежно устарел.

– Чья скорость больше, «Акбара» или «Быстрого»? – спросил Роман.

– «Быстрого», господин капитан, – ответил лейтенант Глок. – На одну и десять десятых...

– То есть на десять процентов. Ладно...

Мысли лихорадочно носились в голове, весь план рушился к черту.

– Что ты задумал, Ромео?

– Старый маршрут не годится – мы раскрыты. Напрямик двигаться к Оуткасту, да и еще на корабле Федерации – безумие, даже если успеем оторваться, – размышлял вслух Камышов. – Нас встретят еще на подходе...

Тут взгляд Романа упал на точку – звездную систему, как отмечали только обжитые миры.

– Что это? Оуткасты?

– Нет, это отшельники, – пояснила Амели.

– Почему бородатые прошли мимо них? Они их союзники?

– Нет. Просто там нечего завоевывать. Или почти нечего...

– Что они собой представляют?

– Поначалу там разрабатывались богатые рудники, но потом произошел скачок в промышленности, и надобность в них практически отпала. Тем более что добыча велась на планете с ядовитой атмосферой, а это довольно дорого. Шахты закрылись, но систему стали заполнять люди, не желавшие жить по устанавливавшимся правилам и у которых не было возможностей основать колонии в других местах. Они считали, что это ограничение их свобод. Законсервированные шахты расширили, и под поверхностью раскинулись целые города.

– Причем тут отшельники? Просто общность...

– Просто название они получили из-за того, что там много метеоритов, на которых живут настоящие отшельники-одиночки.

– Ясно. Какие у них отношения с оуткастами?

– Торговые. Оуткаст беден ресурсами, а они поставляли им руду, получая что-то взамен. Хотя мы им предлагали свою помощь, предлагали снабжать всем необходимым, причем безвозмездно...

– Значит, у них есть корабли, у этих отшельников? – задал свой главный вопрос лейтенант.

– Да...

– То, что нужно.

– Командир, – вмешался старшина, – не хочу тебя отвлекать, но у нас гости.

– Опять двадцать пять...

На экране радара к Залему двигалось десять кораблей.

– Что будем делать?

– А что тут можно сделать? Бежим. Штурман, курс на Анхорит.

– Что будем делать с «Акбаром»?

– А что с ним делать? Подорвем.

– Но там же люди! – изумилась Амели Стоун.

– Ну и что? Хороший оуткаст – мертвый оуткаст. Это враги.

– Я понимаю, но...

– Ладно, хрен с ними, пусть живут, – махнул на все рукой лейтенант Камышов. – Все равно мы ничего не успеваем. Но движок ему все же прострелить не мешает...

– Не стреляйте! – буквально закричал капитан Халим, выйдя на связь, как только корабли расстыковались, а орудия «Быстрого», набравшего ход, захватили цель.

– Почему? Мы же не будем вас подбивать, мы ж не звери... только сопла порвем, чтобы вы не включились в погоню вместе с остальными и все. Десять меньше одиннадцати.

– Потому что нам самим надо уносить ноги. – Халим, видя непонимание землян, пояснил: – Мы больше не жильцы. Нас убьют в назидание другим.

– Почему? – не удержалась от вопроса Амели. – Зачем убивать своих?...

– Твои приятели уже всё поняли... женщина.

– Что он имеет в виду?

– Не без его участия был поврежден один и погиб второй корабль. У него сейчас наверняка куча кровников. Потом, он мог стать воином всевышнего, и тогда мы уже давно бы смешались со звездным ветром.

– Самоубийцей?! Какой ужас...

– Ну да. Наверняка у него там на панели есть какая-нибудь секретная кнопка, при нажатии на которую мы бы все отправились к праотцам. Ведь так?

– Есть такая, – подтвердил капитан.

– Но тебе все же придется доказать свою лояльность.

– Нажав на кнопку, что ли? – съязвил командир «Акбара».

– Тебе придется отвлечь на себя часть кораблей. И делать ты это начнешь прямо сейчас.

– Хорошо.

Линкор начал разворот, чтобы отправиться в противоположную сторону от «Быстрого».

– Ты его вот так просто возьмешь и отпустишь? – удивился старшина.

– Плюс-минус один линкор на самом деле ничего не решают. Но если есть шанс, что он отвлечет на себя половину кораблей, ведь они же не знают, где именно мы находимся, почему бы им не воспользоваться?

– Наверное, ты прав...

Крейсер уходил на максимальной скорости, а его экипаж, пока это было возможно, с напряжением всматривался в радар, и когда его разрешающая способность уже почти подходила к пределу, стало видно, как за «Акбаром» увязались пять кораблей оуткастского флота.

– Неплохо.

– Что с ним теперь станет? – спросила Амели, которой стало жалко капитана Халима, чьи традиции призывали покончить жизнь самоубийством, чтобы захватить с собой врагов. Для нее это выходило за все рамки возможного.

– Да мне, собственно, наплевать. Но если тебя так интересует: если его поймут живьем – будут долго пытаться, а потом убьют особо изощренным способом, чтобы в следующий раз другие не оплошали и боролись до последнего.

– Как жестоко... меня аж мутит.

– Кстати, доктор Стоун, что вы делаете сегодня вечером? На корабле есть отличный камбуз...

32

«Что-то с женщинами в четвертом тысячелетии мне никак не везет, – выходя из каюты Амели, подумал Роман, потирая щеку, на которой явственно горел отпечаток ладони доктора Стоун. – Синяк, наверное, будет... вот ребята посмеются вдоволь».

Камышов вошел на капитанский мостик с этими невеселыми мыслями и занял свое кресло.

– Что это с вами, господин капитан? – поинтересовался состоянием Романа лейтенант Глок.

За время прошедшего путешествия солдат усиленно обучали языку, так что теперь при разговоре автопереводчик не требовался. Скорость и качество обучения обуславливались методиками, одна из которых – погружение в транс. Перед глазами при этом все время мигал различными картинками экран монитора. Что они означали, никто так и не понял. В общем, если в упрощенном виде, то все сводилось к записи информации на подсознательном уровне.

– О косяк ударился.

– Может, вам стоит зайти к доктору, или я ее вызову сюда?

– Хм-м... не беспокойтесь, лейтенант, я только что от нее.

– Ясно.

– Ничего тебе не ясно, но это неважно. Штурман, что у нас с расчетами?

– Что вы имеете в виду?

– Всё. Долго ли нам еще лететь, как далеко отстала погоня?

– Понял. Мы уже практически вошли в систему. Вон та желтоватая точка и есть звезда Анхорит. Хотите увеличить?

– Не надо. Что с оуткастами?

– По нашим расчетам их отставание составляет один и шесть единиц...

– А по-человечески?

– Два дня.

– Нормально. Должны успеть.

– Куда нам теперь?

– Давай на Ренегат к самому большому причалу, если их там несколько.

– Вас понял.

«Быстрый», пройдя жуткие скопления метеоров, наконец-то пробился к желтой планете, на орбите которой расположился самый большой космопорт из всех известных, уступающий разве что земному.

– Цель вашего прибытия? – задал вопрос диспетчер на запрос о месте стоянки.

– Так я тебе и сказал, парень, – ушел от ответа Камышов. – Разуй глаза...

– Прошу не оскорблять, я как-никак при исполнении...

– Тогда должен видеть, что перед тобой боевой крейсер Федерации, и о целях нашего визита тебе знать не положено.

– Простите, господин капитан. Так точно.

– Так-то лучше. Найди место попримечнее, и пусть нас встретит ваш начальник... можно без оркестра.

– Хорошо. Ваш причал номер семь, выполняйте все указания диспетчера.

– Вас понял.

Крейсер, ведомый программой швартовки диспетчерской, осторожно пришвартовался к причалу. Там через равные промежутки стояли еще несколько десятков судов, в основном грузовиков. Все они уступали размерами крейсеру в три, а то и в четыре раза и выглядели не слишком презентабельно, с многочисленными и неаккуратными заплатами, которыми заделывались пробоины от метеоритов.

На причале имелся только один более или менее сопоставимый с крейсером грузовик, но и он был в два раза меньше, но что важнее – выглядел довольно новым. Пара вмятин не считается.

– А как вы собираетесь добыть новый корабль? – не удержался от вопроса лейтенант Глок. – Возьмете на абордаж?!

– Хм-м... если потребуется, но думаю, до этого не дойдет. Все постараемся сделать без шума и пыли, в лучшем виде и по закону.

– Начальник космопорта прибыл, – объявил Виктор Фрейндлих, прослушав сообщение из диспетчерской. – Что нам делать, пойти с тобой или остаться здесь?

– Думаю, всей толпой таскаться не стоит. Возьми еще пять человек, а остальные пускай охраняют корабль от всяческих посягательств.

– Оружие?

– А у них беспокойно?

– Ну, это же отшельники, они могут становиться довольно агрессивными, – пояснила Амели. – У них даже пираты есть и прочий криминальный элемент. Так что там небезопасно, даже в порту. Ведь долгое время сюда ссылались рецидивисты... Это своего рода планета потомков преступников.

– Ладно, возьмем пистолеты.

Вооружившись, Роман со своим отрядом спустился на причал, где их действительно ждал начальник порта.

– Начальник порта Люк Бессон, – представился тот. – Чем могу служить?

– Хотелось бы для начала узнать ваше отношение к Федерации. Я имею в виду Анхорит в целом. Вы ведь тесно связаны с Оуткастом.

– Мы предпочитаем придерживаться нейтралитета. Мы простые торговцы.

- Это радует.
- Все же я хотел бы узнать о цели вашего визита. Признаться, боевой корабль Федерации нас немного нервирует. Наши соседи могут нас неправильно понять.
- Ладно, ближе к делу. Я тут видел замечательное судно, «Астра» называется. Чье оно?
- Зачем это вам?
- Не беспокойтесь, к судну у нас претензий нет, мы хотели бы его приобрести, а поэтому мне нужен хозяин.
- Это грузовик Бартоломео Лютца. Но вряд ли он продаст свое лучшее судно.
- Где мы можем его найти?
- Он предпочитает не покидать планету. Поэтому сейчас он там.
- А кроме «Астры» у него есть еще корабли?
- Да, ведь это крупнейший владелец, один из богатейших людей. Его флот насчитывает десять судов разной тоннажности!
- Отлично. Как нам связаться с ним, дело очень серьезное.
- Прощу за мной...

Начальник порта отвел Романа с его людьми в свой офис, где стал названивать Бартоломео Лютцу. Все выгодные заказы он старался перебросить ему, поскольку сам имел с этого свой процент.

- Здорово, Люк. Что на этот раз мои ребята натворили? Протаранили кого? Так ты только скажи, и я им сразу жопу наизнанку выверну...
- Нет, Барт, с этим все нормально. К тебе у людей из Федерации дело есть.
- Что нужно этим хлюпикам от меня? Ты же знаешь, я с ними дел не имею... точнее они со мной. Или у меня уже устаревшая информация? – посмеиваясь, спросил мистер Лютц.
- Эти ребята довольно странные, хлюпиками их не назовешь, – произнес Бессон, покосившись на пистолеты. – Лучше поговори с ними сам.
- Давай...
- Добрый день, мистер Лютц, у нас к вам предложение, – сразу приступил к делу Камышов. – Думаю, оно будет взаимовыгодным.
- Последняя фраза мне особенно нравится. Что у вас за дело?
- Думаю, этот разговор следует вести при личной встрече, но речь идет о ваших судах, которые мы хотели бы приобрести.
- Очень интересно. Что ж, поговорить всегда можно. Спускайтесь ко мне.
- А как нам вас найти?
- Назовите мое имя любому таксисту, он вас и привезет.
- Лады. До встречи, мистер Лютц.
- Буду ждать.

Перед отъездом лейтенант дал своему сержанту несколько поручений, одно из которых состояло в том, чтобы более точно определить политическую ситуацию на Оуткасте, а то определение доктора Стоун – они там постоянно воюют друг с другом, – было слишком расплывчатым. Нужно точно знать, кто и с кем воюет и по какому поводу. А иначе бросаться в омут с головой – просто самоубийство.

33

У одного из операторов диспетчерской жутко заболела голова, по крайней мере именно так он сказал своим коллегам и срочно поменялся с дежурным диспетчером, имевшимся именно на тот случай, если кому-то станет плохо.

О гостях следовало успеть сказать первому, ведь не известно, сколько кроме него самого было осведомителей в диспетчерской, не говоря уже об обслуживающем персонале среди механиков у его вербовщика. А то, что он здесь не единственный, диспетчер знал наверняка.

Воровато оглянувшись, Леннон набрал номер на общественном видеофоне. Человека,

принявшего вызов, он узнал сразу.

– Слушаю...

– Вы говорили, чтобы я докладывал о всех нестандартных происшествиях, – помявшись, начал Леннон. – Сегодня как раз такой случай произошел...

– Так что случилось? Не тяни.

– Они прибыли.

– Кто именно?

– Люди из Федерации на боевом корабле.

– Сколько их?

– Неизвестно, я видел только семерых. Они о чем-то разговаривали с начальником порта. Вооружены легким стрелковым оружием.

– Это точно они. Деньги получишь как обычно, – презрительно бросил собеседник и отключился.

– Уроды вонючие, – вынимая карточку из приемного устройства, сказал Леннон.

Он их боялся, хотя те никогда не угрожали ему, просто однажды они предложили сотрудничество и он не стал отказываться, взглянув в глаза вербовщика, не выражавшие ничего хорошего. Он даже себе цену боялся набивать.

– Чтоб вы сдохли!

Леннон тут же закрыл рот руками, будто боялся, что эти страшные люди услышат его даже через отключенный видеофон и пристукнут где-нибудь в тупичке, которых так много в порту, и где регулярно находили обезображенные трупы.

Они были так изуродованы, что уже ходили слухи о маньяках-инопланетянах, вылезающих из стен под покровом ночи и режущих первого же попавшегося им в руки человека. Хотя все представлялось значительно прозаичнее – кто-то чего-то с кем-то не поделил и как результат – труп.

Махмуд догадывался, что думают о нем такие вот осведомители, но не задумывался об этом. Он прежде всего агент-нелегал и, получив подобное сообщение, перепроверил его через другие источники. Получив подтверждение, Махмуд подозвал своего сподручного и приказал:

– Вахид, собирай людей, работа есть.

– Один момент!

Группа собралась на конспиративной квартире очень быстро. Двадцать боевиков, для которых выпустить кишки – плевое дело.

– Мне нужны вот эти люди, – сказал Махмуд, показывая несколько фотографий боевикам. – Желательно живыми. Если не получится всех, то хотя бы парочку нужно обязательно. Через пару часов они все появятся здесь.

– Где нам их брать? По прилете сюда или когда они будут возвращаться, сделав свои делишки?

– По возвращении.

– Нет проблем.

– Не стоит их недооценивать, Вахид. Это далеко не хлюпики, – но, видя, что его слова не воспринимаются всерьез, Махмуд выложил козыри: – Открою вам секрет – эти неверные взяли на бордаж один из кораблей Империи. Так что держите с ними ухо остро и не вылезайте лишний раз.

– Мы поняли, – от имени всех заверил своего главаря Вахид. – Сделаем все, как надо.

– Уж постарайтесь.

На планету спустились на своем шаттле, а вот чтобы расплатиться за стоянку в порту на орбите и планете и рассчитаться с таксистом, пришлось продать некоторые вещи с

корабля. По мелочам, впрочем, он от этого не обеднел.

Хистро оказался вполне приемлемым городом с широкими улицами и высокими домами, разве что вместо неба над головой клубился какой-то пар, разгоняемый огромными вентиляторами. Когда поток воздуха становился особенно силен, приходилось придерживать тут же купленные шляпы. Не из пижонства и даже не как сувенир, а исключительно как утилитарную вещь. Дело в том, что на потолке виднелись свисающие сосульки – сталактиты и с них иногда капала вода.

От вида сталактитов становилось немного жутковато. Роман не особенно любил пещеры, вытаскивающие откуда-то из подсознания детские страхи, что вот сейчас все рухнет и тебя погребет заживо.

Иногда здесь шел самый настоящий дождь, но не совсем обычный. Влага конденсировалась на полочке искусственного города-грома и в какой-то момент срывалась вниз по сталактитам самыми настоящими ручьями. Естественную влажность увеличивала вода с поверхности, которая проникала через десятки метров грунтовых пород, просачиваясь в город, устраивая уже самые настоящие ливни. Так что водостоки на дорогах не выглядели нелепо.

Признаться, Камышов после описаний доктором Стоун жителей этого мира ожидал увидеть более неприглядную картину, что-то вроде бандитского притона, где на каждом шагу торгуют оружием и наркотиками. Но нет, все выглядело вполне чисто и ухожено, правда, с Землей это все равно не сравнить. Жители здесь чувствовали себя явно раскованнее во взаимоотношениях друг с другом.

– Почти как дома, – угадал мысли своего командира старшина.

– Да-а... даже воняет почти также.

– Вы, ребята, откуда? – услышав незнакомую речь, обернулся водитель.

– С Земли, мужик.

– А-а... а чего вам от мистера Лютца нужно? Вы не похожи на торговцев.

– Вот чего нужно, то и спросим.

– Вы бы с ним поаккуратней, – ничуть не обидевшись, продолжал водитель. Пассажиры, бывало, и не такие обороты вставляли.

– А что так?

– Сами подумайте, чтобы продержаться в этом бизнесе сорок лет, начав с простого юнги, нужно быть очень сильным человеком... Вы меня понимаете?

– Вроде бы да.

– Ну что ж, вот мы и приехали, карточку в щель и можете выходить.

– Спасибо.

– Вот это здание и есть офис мистера Бартоломео Лютца.

– Не слабо.

Такси остановилось возле открытого кафе. Через дорогу шла довольно большая лужайка с зеленой, а не желто-сиреневой травой как везде. За лужайкой стояло солидное здание, всем своим видом говорившее о неприступности. Его крыша упиралась прямо в высокий потолок пещеры.

– Местный олигарх.

– Не иначе, – согласился Роман с Фрейндлихом. – Деньги девать некуда.

Лужайку огораживал витиеватый забор под старину с раздвижными воротами и будкой охранника.

– Ладно, ребята, посидите в кафе, а я на переговоры пошел.

Роман Камышов подошел к охраннику у ворот и представился.

– Вас ждут, – кивнул охранник, сверившись с записями. – Но оружие придется оставить.

– Нет проблем.

В холле его еще раз обыскали, после чего проводили в кабинет мистера Лютца.

Сам кабинет олигарха оказался вне дома, а точнее, вне зоны подземного города. Лифт

ехал довольно долго, и только войдя в кабинет судовладельца, Роман понял почему. Офис находился на поверхности, примерно на пятом этаже уже от поверхности. Он представлял собой большой купол из сверхпрочного стекла, способный выдержать большое давление, особенно когда начинался сезон ураганов.

В желтом небе сгущались зеленоватые тучи, закрывая собой тусклое солнце.

«Интересно, какого цвета здесь осадки? Серо-буро-малиновые? – вдруг подумал Роман. – И что они, собственно, собой представляют?»

Роман вошел, озираясь, чувствуя себя неуверенно в прозрачном куполе. Ему все время казалось, что он вот-вот лопнет.

– Может, выпьете чего-нибудь? – спросил хозяин кабинета.

– Спасибо, не нужно, – ответил Роман, присаживаясь в глубокое кресло и еще раз оглядываясь по сторонам. Обстановка кабинета также отличалась необычностью.

– Курите? – Бартоломео открыл ящичек с сигарами на своем стеклянном столе. Роман сразу понял, что сигары очень дорогие. – Угощайтесь.

– Нет...

– А я, пожалуй, закурю.

Мистер Лютц взял одну сигару из ящичка красного дерева, аккуратно отрезал кончик и закурил, выпустив облако коричневого дыма.

Роман почувствовал довольно приятный запах и вспомнил о своих людях, которые уже были готовы курить обычную бумагу. Потому сказал:

– Но моим ребятам я, пожалуй, возьму...

И лейтенант подцепил сигары рукой, как строительным ковшом, столько, сколько смог удержать. Немного подумав, вернул их обратно и взял всю коробку целиком, не обращая внимание на отвисшую челюсть судовладельца.

«Ничего, не обеднеет», – с какой-то внутренней классовой мстительностью подумал Камышов.

– К-хм... Итак, в чем суть вашего предложения? – начал говорить о деле Бартоломео Лютц, подавившись дымом; он сделал вид, что не замечает нахальства гостя, хапнувшего все сигары, каждая из которых стоила месячного жалованья любого из его капитанов. Хотя ему самому всегда нравилось наблюдать за этими открытыми ртами и округленными глазами.

– Четыре ваших корабля, в числе которых «Астра».

– Зачем так много, да еще «Астра»?

– Так и цену предлагаю немаленькую.

– Какую?

– Крейсер «Быстрый».

– На что мне крейсер Федерации? – сделал скучное лицо Лютц.

– Ну как же? Вас вроде бы в последнее время пираты одолевают. Говорят, за ними стоят оуткасты. Или у меня неверная информация?

– Верная. Но четыре судна – это много. Я дам вам два и без «Астры».

– Это грабеж, мистер Лютц. Но так и быть, к этим двум прибавьте «Астру» и по рукам.

– Я потеряю самое большое свое грузовое судно и два средних, это больше двухсот тонн полезной нагрузки. Крейсер этого не компенсирует.

– Да, но пушки позволят вам спасти груз от пиратов. К тому же сам крейсер довольно грузоподъемный. Его тоннаж спокойно покрывает три корабля. И заметьте, он новый, быстроходный, а ваши корабли старые, скоро на свалку пора отправлять. Поди, сланцы текут, агрегаты каждый час из строя выходят, того гляди отвалятся напрочь. Так что для вас это сплошные плюсы.

– У меня будут проблемы с оуткастами. Корабль придется спрятать, потратить время на переоборудование под грузовой. Это простой, потеря рынков.

– По-моему, у вас торговля и так не особо важно идет, а?...

– Если ты мне такие выгоды рисуешь, почему сам не пользуешься кораблем?

– Как вы уже заметили – у нас проблемы с оуткастами, – признался Роман, состроив

скорбное лицо. – Они появятся здесь через два дня. Бежать куда-то на «Быстром» бессмысленно, да и некуда – топливо подходит к концу. А вот спрятаться на торговых судах гораздо легче. Я думаю, корабли вы заправите под завязку?

– Хорошо. «Астра» и еще один корабль, – согласился мистер Лютц.

– Ладно, только второе судно будем выбирать мы, а не то, что вы нам подсунете.

– Идет.

Барталомео нажал на кнопку селектора, и через несколько секунд в зал вошла секретарша, держа на подносе две чашки с чем-то дымящимся.

«Ну и как мне быть? – непроизвольно подумал Роман о яде и перефразировал классика: – Пить или не пить, вот в чем вопрос».

Пришлось выпить вместе с хозяином. По вкусу содержимое напоминало кофе, только жидкость по консистенции больше походила на кисель. Но что именно плескалось в чашке, оставалось только гадать.

– А куда потом думаете направиться? – спросил Лютц, отпив большой глоток.

«Сыворотку правды подмешал, падаль!» – про себя воскликнул Роман, почувствовав, как слегка закружилась голова и он захотел ответить правду. – Таксист оказался прав. Тот еще гад!»

Но, собравшись с силами, сказал:

– Обратно на Землю.

– А почему нельзя вернуться на своем крейсере?

– Слишком заметен. Они ведь все сделают, чтобы разорвать нас. А на грузовиках мы будем менее заметными, и, возможно, нам удастся проскочить домой без проблем.

Роман встал, опасаясь, что если задержится еще хоть на минуту, то выложит все сам без наводящих вопросов.

– Уже уходите? Вам у меня не нравится? – невинно поинтересовался Бартоломео.

– Очень нравится, но мне нужно спешить. Надеюсь, вы уладите все формальности?

– Да какие там формальности... Один звонок и все дела.

– Тогда я пойду. А то меня друзья ждут, – сказал Роман, делая нажим на последней фразе: – И на корабле тоже. Пушки, все такое...

– Хорошо. Вас проводят, – не стал задерживать посетителя Лютц.

– Хотите воды? – поинтересовалась улыбчивая секретарша, держа на подносе стакан с водой.

Камышов действительно почувствовал сильную сухость во рту и взял предложенный стакан. Спустя несколько секунд, уже в лифте, он почувствовал себя значительно лучше, а, выходя из здания, сам начал сомневаться в том, что ему что-то подсыпали, а это не плод его воображения.

35

– Ромео, ты прямо сам не свой... – нахмурившись, сказал старшина Фрейндлих, приглашая командира за стол.

– Значит, правда, – думая о своем, обронил Камышов, добравшись до кафе на «автопилоте». – Вот, ребята, держите, это вам...

– Командир, у нас нет слов! – расхватывая сигары, галдели солдаты, тут же закуривая.

– Остальным оставьте...

– Без проблем, командир!

– Что, «правда»? – спросил старшина, раскурив сигару.

– Уже неважно. Сейчас это не имеет значения, позже расскажу. Как у нас дела?

– Не очень хорошо...

– А что так? – сразу же включился в работу Камышов, сбрасывая последние остатки дурмана. – Что случилось?

– Хмыри за нами неприятные следят, – поделился соображениями старшина. – Мы с

ребятами по меньшей мере двенадцать насчитали. А сколько их всего – поди, разберись.

– С оружием?

– Не заметил, но одеты они в такие просторные костюмы, что под ними свободно можно спрятать полевую гаубицу.

– Значит, со стволами, – поставил точку в его размышлениях лейтенант, отхлебнув принесенного официантом пива. – Медленно встаем и уходим. Никого не трогаем.

Но стоило им встать, как встали и те ребята с угрюмыми лицами.

– Не так быстро, парни, – сказал один из них, под два метра ростом.

– В чем проблема?

– С вами кое-кто хочет поговорить.

– Вообще-то, мы уже поговорили, с кем хотели, и больше у нас тут дел нет...

Солдаты стали медленно-медленно расходиться в стороны, чтобы взять весь сектор под наблюдение, не оставив никого и ничего без присмотра, при этом не теряя друг друга из виду.

Кажется, посетители кафе тоже поняли, что не все ладно, потому притихли и не шевелились, опасаясь своим движением спровоцировать одну из сторон на более решительные действия, в которых пострадают и невинные люди – они сами.

Как выходить из такой ситуации, Роман не знал. Численный перевес и знание города было на стороне противника, тут нужен был неожиданный ход. Простой побег всей толпой был обречен на провал, и «точку встречи» тоже некогда было определять, если бежать поодиночке.

Лейтенант перевел взгляд с боевика за его спину, будто глядя на кого-то еще, и продолжал мирно беседовать:

– Что нужно этому «кое-кому»? У нас нет ничего такого, ни ценного груза, да и дорожек мы никому не перебегали...

– Мне сказано лишь доставить вас к человеку и все. А что вы там наделали или не наделали, меня не интересует.

Камышов слегка моргнул одним глазом и сделал легкий кивок головой, продолжая смотреть мимо собеседника.

Боевик не выдержал и обернулся. Вслед за своим главарем, чисто рефлекторно, обернулись еще несколько человек. Это было их ошибкой.

Роман нанес сильный, а главное мгновенный удар по челюсти боевика снизу вверх, послышался хруст, и тело противника стало падать на один из столиков, будто подрубленная опора электроосвещения, так же медленно и бесповоротно.

Удар лейтенанта послужил сигналом для остальных, и еще несколько боевиков полетели на пол, сбитые подсечками или прямыми ударами в грудь, один согнулся пополам, свалившись на колени после того, как получил сильный удар в пах.

Боевики моментально выхватили оружие, но тут уже началась самая настоящая паника. Посетители кафе вскакивали с мест, женщины дико кричали, зачем-то размахивая руками, словно хотели оттолкнуть от себя что-то мерзкое, что-то скользкое и дурно пахнущее.

«Смерть, наверное», – мимоходом подумал Роман.

Посетителей в кафе стало меньше, но не только потому, что они разбежались, а еще и потому, что кто-то открыл стрельбу по толпе.

Стрелок находился в машине и стрелял из скорострельного пулемета. Посетители падали, пробитые крупнокалиберными пулями. Многие из них, получив тяжелые ранения, стонали и корчились на полу.

Огонь прекратился, и снова появились боевики, вооруженные миниатюрными трещотками, и быстро осматривали тела, переворачивая их без всякого стеснения.

Роман подобрал упавший со стола десертный нож, поскольку достать пистолет никак не мог, так как лежал под телом какой-то особо крупной женщины, и его возня с пистолетом привлекла бы внимание.

Женщина тяжело пыхтела, при каждом движении припечатывая лейтенанта к полу,

мешая дышать, сдавливая ребра. Наконец один из первых боевиков добрался и до него. Он попытался сдвинуть тетку просто ногой, но у него не получилось, и тогда он стал стаскивать ее обеими руками, заткнув оружие за пояс.

Как только Роман почувствовал, как груз с его тела исчез, он сделал короткий замах рукой с ножом, всадил клинок в единственное незащищенное место противника – шею – и выхватил его оружие из-за пояса.

Боевик, выпрямившись, захрипел, маленькими шажками отступая назад и держась за нож, так и оставшийся в шее.

Роман быстро встал и успел придержать боевика от падения, когда тот оступился на чьей-то руке. Его он хотел использовать как бронезилят.

Товарищи боевика наконец-то заметили несуразность его поведения и отвлеклись на него, а Камышов уже открыл стрельбу из трофейного скорострельного оружия, ему вторили редкие пистолетные выстрелы его солдат.

Три боевика упали сразу, еще пятеро решили скрыться, прыгнув с помоста кафетерия, находившегося на некотором возвышении над землей, чтобы дать возможность снова поработать пулеметчику.

Спрыгнуть удалось только двоим, сам пулеметчик переключился на другую цель – к машине, в которой он засел, неслась целая толпа не то полицейских, не то охранников мистера Лютца.

Сделав короткую очередь и заставив блюстителей правопорядка залечь, стрелок ткнул водителя в плечо, и тот, визжа покрывками машины, под огнем охранников умчался прочь.

Разбежались и рядовые боевики, оставшись без серьезной огневой поддержки. Роман успел добраться только до одного раненого в перестрелке. Тот еще находился в сознании, а потому его можно было допросить.

– Кто вы?! – кричал Роман, встряхивая раненого. – Что мы вам сделали?!

– Отвали...

Раздался жуткий крик, это лейтенант нажал пальцем на рану боевика, буквально утопив его в ней и вдобавок подвигав там.

– Что вам нужно от нас? – повторил вопрос Роман.

– Вы... Нам приказали доставить вас...

– К кому? На кого вы работаете?

– К Зеро.

– На кого работает Зеро? – продолжал давить Камышов, догадавшись, что это кличка и рядовые боевики не знают настоящего имени. Да это имя не сказало бы лейтенанту ничего существенного.

– А-а!!! – закричал раненый, чем привлек внимание пришедших в себя блюстителей правопорядка.

– Говори!

Роман тоже видел их.

– На оуткастов!

«Ну, хоть не на Лютца, – с некоторым облегчением подумал Роман. – Иначе нам с планеты выход был бы точно заказан».

Махмуд, нажав на газ, спокойно отъехал со стоянки, не привлекая к себе внимания визгом покрывшек. Его буквально снедала досада – боевики разбежались как тараканы, только и сумев что завалить половину посетителей кафе, косвенно нанеся вред ему самому, поскольку заведение платило хорошую дань. При этом потеряли почти десяток человек убитыми и ранеными, и сейчас ими займется полиция, уже окружавшая заведение и никого не выпускавшая оттуда.

У него имелась еще одна резервная группа боевиков, но ее пришлось бы собирать слишком долго, а разбежавшиеся сейчас засядут на своих конспиративных квартирах, и их так же быстро, как в прошлый раз, не соберешь. Противник оказался слишком зубастым.

Даже он сам такого не ожидал.

«Впрочем, мне никогда не нравился этот остолоп Вахид, – подумал Махмуд. – Так что, может, оно и к лучшему...»

Он подозревал, что тот был наблюдателем и обо всем докладывал через его голову, напрямую в «контору». А это не очень приятно, особенно когда проворачиваешь собственные дела, доход от которых идет исключительно в твой карман, а не в бездонную бочку разведки.

36

Из солдат лейтенанта Камышова никто не пострадал, несмотря на бешеную стрельбу. Просто при первых же выстрелах все чисто рефлекторно повалились на пол, а беснующиеся в панике люди послужили им хорошим прикрытием.

Когда прибежали полицейские, все по знаку Романа выбросили пистолеты, предварительно их обтерев. Выбросил свой «ДОТ-11» и Камышов, несмотря на то, что не сделал из него ни одного выстрела.

– Мы простые матросы с «Быстрого», – мгновенно определил линию поведения Роман, наблюдая, как приближаются полицейские, водя стволами пистолетов из стороны в сторону. – Зашли перекусить с приличной публикой, а тут такое...

– Понятно, – за всех ответил старшина.

– Будут спрашивать, что тут делает наш корабль, говорите, что сбежали с поля боя и должны возвращаться на Землю.

– Руки вверх... за голову! – закричал один из полицейских, тыкая пушкой в сторону солдат. – Лицом к стене!

И хотя стен нигде никто поблизости не видел, солдаты просто развернулись, чтобы лишний раз не нервировать стража порядка. Дали себя обыскать и сопроводить в участок.

Их посадили всех вместе в приемник, где находилась еще куча всяких оборванцев. Они косо поглядывали на новичков, о чем-то перешептываясь между собой. Место лейтенанту не понравилось, поскольку сразу стало ясно, что подсадили их к явным уголовникам.

– Почему нас задержали? – попробовал «качать» права Роман. – На каком основании?

– Вы свидетели... пока, – сказал полицейский, многообещающе поиграв дубинкой и перекинувшись с коллегой только им понятными взглядами. – И лучше помолчи, чтобы не стать потерпевшим.

Камышов буквально физически ощущал, как идет время, на этот раз оно текло быстро, как песок сквозь пальцы. Печальней всего осознавать, что с каждой секундой их вынужденного заключения корабли оуткастов проглатывают сотни миллионов километров, приближаясь к Анхориту.

– Что-то они долго.

– Наверное, других свидетелей допрашивают? – предположил Роман.

– Ага, только их с нами что-то нет... если мы, конечно, еще свидетели.

– Сержант Кханс, – представился вошедший полицейский. – Кто вы?

– Матросы с «Быстрого», – ответил лейтенант Камышов. – Что случилось, почему нас забрали?...

– Кто главный?

– Я... боцман Ромалы, – вышел вперед Роман.

– Пойдемте на допрос.

Клетку открыли, и двое конвоиров проводили Камышова в кабинет Кханса.

Лейтенант сделал жалобное лицо, да так искусно, что даже глаза стали влажными, но, видимо, этот сержант на службе провел не один десяток лет, поскольку, усмехнувшись, сказал:

– Кончай придуриваться... у тебя глаза убийцы – холодные и расчетливые. Можешь мне поверить, я на такие насмотрелся.

В довершение ко всему лейтенант вытащил портативный приемник и повернул его экраном к лейтенанту. Качество изображения оставляло желать лучшего, но Роман себя узнал сразу. Прикрываясь телом боевика, он расстреливал своих противников из трофейного пистолета-пулемета. «Эффектно», – невольно подумал о себе Камышов.

Было видно, как лежат среди тел людей, отстреливаются и другие его солдаты.

Теперь ему стало понятно, почему их поместили в клетку.

«Черт, – ругнулся Роман в мыслях. – Совсем забыл, что у них тут следящих систем на каждом шагу, как вшей на собаке».

– Что вы на это скажете? Будете продолжать утверждать, будто вы матросы с «Быстрого», боевого корабля Федерации?

– Тут же все видно. На нас напали плохие ребята, когда мы кушали и никого не трогали. Они напали, мы их разогнали. Что касается «Быстрого», то все почти именно так, не матросы, конечно, но из Федерации. Не забываете, идет война.

– Странные вы какие-то. Вы не хлюпики, то бишь федералы – слишком легко орудуете оружием, будто родились с ним. Но ваших данных нет и в наших картотеках, значит, вы не граждане Анхорита. Кто вы?

– Федералы. Больше тебе сержант, знать не положено.

– Ах ты, сволочь!..

Сержант вскочил, намереваясь отвесить наглецу хорошую оплеуху, но как назло зазвонило средство связи.

– Слушаю, сэр, – сказал сержант, вставив бусинку наушника в ухо, чтобы задержанный не слышал разговора по видеофону.

Лицо сержанта становилось все злее, он покраснел как рак и, наконец, произнес:

– Слушаюсь, господин капитан... Тебе повезло, хлюпик, ты и твои подельники отпущены под залог. Мотай отсюда, и лучше тебе на глаза мне больше не попадаться.

– С чего такая доброта? – неподдельно удивился Роман. – И кто это расщедрился на залог?

– А ты и впрямь не догадываешься?!

– Представь себе...

– Кто-то нажал на начальника, и, судя по тому, откуда ты выходил, твой благодетель – не кто иной, как сам Бартоломео Лютц.

– Как насчет пистолетов?

– Получите на выходе.

– Большое спасибо. Было очень приятно с вами пообщаться, сержант.

– Пошел вон!

37

– Что это они нас так легко отпустили? – удивился старшина, когда солдаты садились в такси. – Даже не избили...

– На них нажал мистер Лютц. Уж очень ему не хочется терять целый крейсер из-за этих придурков. Вот и подсуетился.

Такси привезли землян в порт, откуда челноком они сразу же отправились на орбитальный космодром. Следовало еще присмотреть второе судно. Хотя, в принципе, корабль должны уже подготовить.

Камышов опасался, что неизвестный Зеро устроит охоту в порту. «Впрочем, он может ее устроить и на орбитальном комплексе», – резонно отметил лейтенант.

Но вроде все выглядело спокойно. За ними никто не следил, подозрительных взглядов не наблюдалось, и лейтенант немного успокоился, так называемое шестое чувство ничего ему не подсказывало.

– Чего грустишь, солдат? – поинтересовался Роман у своего подчиненного.

– Да денег на карточке еще довольно много осталось.

– И что?

– Да когда мы обратно ехали, я там один яркий домишко видел. «Красный фонарь» называется. А какие девочки в окне...

– Понятно!

Это было их общей бедой. Еще на Земле им ни с кем не удалось сойтись поближе. Тому несколько причин: высокие нравственные позиции и банальный страх перед варварами, теми, для кого убить все равно, что плюнуть на тротуар. И тут такой облом.

– Стоп, – остановил всех старшина Фрейндлих и показал на группу людей, стоявших дальше по коридору.

Хуже всего то, что те находились ближе к причалу, у которого стоял «Быстрый». Собственно, к нему они и направлялись.

Лейтенант сначала подумал, что это люди Зеро, но, присмотревшись, заметил, что это оуткастские матросы или даже десантники, в легкой броне и с оружием. Это видеть было очень печально.

Роман посмотрел на крейсер через большой панорамный иллюминатор орбитального порта. Большинство шаттлов на нем уже отсутствовало, значит, почти все переправлено на «Астру», как он и приказал еще в порту Ренегата. Надо лишь узнать, где экипаж, ведь оставалось еще два шаттла. Или он уже перебрался на новое место службы? Или экипаж шаттлов – это все, что осталось.

«Еще там», – понял Роман, когда один из шаттлов аккуратно отделился и, немного поманеврировав, взял курс на «Астру». За его полетом наблюдали с капитанского мостика: Камышов видел мелькнувшую там тень. Значит, там еще находились люди.

– Откуда ж эти суки появились?

– Об этом мы у штурмана спросим. Что он там насчитал про два дня...

Один из солдат постучал лейтенанта по плечу, показывая пальцем себе за спину. Там показалась еще одна группа оуткастов. Они ходили, подозрительно оглядывая проходящих мимо людей.

– Точно, по нашу душу.

На связь вышел сержант Галс:

– Лейтенант, вы уже на пристани?

– Да...

– Тут оуткастский крейсер пришвартовался. Буквально через ряд, все пушки на нас наводрил. Мы тоже...

– Мы уже поняли. Эти уроды обыскивают всю станцию и к вам движутся. Парламентарии хреновы... сейчас сдачи требовать начнут. Вы второй корабль присмотрели?

– Так точно. «Гамильтон», тот, что с красной полосой на борту.

– Хорошо. Пришвартуй взлетевший шаттл к нему. Не надо, чтобы они об «Астре» знали.

– Вас понял.

Уже сближавшийся с «Астрой» челнок резко изменил курс и направился к «Гамильтону».

– Последний тоже к нему цепляй...

– Понял. Что нам делать?

– По обстоятельствам. Мы попробуем пробиться к «Гамильтону». Пусть «Астра» как ни в чем ни бывало отходит сейчас же.

– Вас понял.

– Пошли...

Солдаты разбрелись по сторонам, разбив группу, которая смотрелась бы подозрительно, и каждый сам по себе пошел к «Гамильтону».

Матросы с оуткастского крейсера буквально прожигали глазами всех проходящих. Если кто-то казался им подозрительным, они грубо его останавливали и вглядывались гораздо внимательнее. Никто не сопротивлялся, считая, что с вооруженными людьми лучше дела не иметь.

Камышов надвинул на лоб шляпу и с наглым видом пошел вперед. Первая тройка матросов его не заметила, второй патруль он также миновал без проблем. Но вот с третьим не получилось.

Кто-то ткнул его в плечо и гортанным голосом потребовал остановиться. Роман заметил, как одновременно с ним остановили еще двоих человек из его отряда.

«Замели, сволочи! – со злостью подумал Роман. – А так все хорошо начиналось».

Наглая рука сбила шляпу с головы лейтенанта под смех остальных патрульных.

– Стой...

– Привет, – поздоровался Камышов, разведя руки, вынул из широких рукавов пистолет и тут же выстрелил в самого опасного патрульного с автоматом наготове.

Потом произвел еще два выстрела, перебив тем самым весь патруль.

Стрельба началась буквально повсюду. Кто-то стрелял вверх, нагоняя панику, чтобы помешать бросившимся к месту стрельбы другим матросам. Главное Роман видел, что его люди целы.

Началась перестрелка. Матросы заняли все подходы и принялись согласно правилам вызывать подмогу.

Лейтенант со своими людьми забаррикадировался в буфете, находившемся во внутренней стороне кольцеобразной станции, где располагались самые различные заведения. Впрочем, все понимали, что долго такое укрепление не выдержит. Несмотря на то, что тяжелым оружием тут пользоваться себе дороже. Велика вероятность разгерметизации комплекса.

– Сдавайтесь, у вас нет шансов, – прокричал кто-то из матросов.

– Одну минутку, господа! – крикнул Роман, нажимая на кнопку вызова рации.

– Сейчас, лейтенант, мы уже выходим, – через автоматный грохот отозвался сержант.

И действительно, через десять секунд за одним из поворотов показались десять бойцов в «орланах». Коридор был практически пуст, а потому их сразу заметили.

Матросы смотрели на них с недоумением, вспоминая, стоят ли на их вооружении такие комплекты защиты или нет. Видимо, кто-то вспомнил, что нет, не стоят, и, что-то выкрикивая, поднял свой автомат с явным намерением выстрелить.

Грохот «аддеров» заглушил все звуки. Их пули буквально выбивали матросов из рядов, как кегли шарами, кто-то додумался, что можно бежать, но и это его не спасло – несколько метких выстрелов и бежавшие попадали на пол с дырами в броне.

Вдруг завывла сирена, предупреждая об угрозе разгерметизации. Роман уже и сам видел, как стал матовым один из иллюминаторов – одна из пуль «аддера» все же угодило в стекло.

Стрельба тут же прекратилась. Противники некоторое время смотрели друг на друга в полном молчании, а потом словно по сигналу бросились в разные стороны.

– Бежим! – скорее для себя крикнул Роман, видя, как начала опускаться шторка, призванная закрыть аварийный отсек.

Роман со своими людьми успел, буквально проскользнув под опускающейся стеной. Стекло в конце концов не выдержало внутреннего давления отсека и лопнуло тысячью брызг. Внутри пару секунд бушевал ураган, выбрасывая в космос все, что плохо лежало, в том числе и тела убитых и раненых матросов, и ни в чем неповинных людей, спешивших по своим делам, но попавших в самом начале под перекрестный огонь.

– Лейтенант, нужно спешить, – напомнил сержант. – «Астра» уже уходит. И нам нужно сматываться как можно быстрее.

– Да, конечно...

Солдаты помчались в знакомый поворот, но только на этот раз они спустились на ярус ниже, именно там стоял «Гамильтон», прогревая двигатели. За солдатами уже спешили

новые партии матросов, правда, они слегка промахнулись, направившись к «Быстрому».

– Отчаливаем! – крикнул сержант в коробочку на стене.

– Слушаюсь.

Корабль тряхнуло, и он, отшвартовавшись от причала, на полной скорости стал отходить от опасного места, оттуда, где стояли два противоборствующих крейсера.

– Они же нас сейчас размажут, стоит нам только отойти! – воскликнул лейтенант, наблюдая в иллюминатор, как уменьшается станция.

– Не размажут, – уверенно заявил сержант, показывая черную коробочку. – У меня для них сюрприз имеется...

– Что это?

– Сейчас увидите.

Сержант Галс показательно нажал на кнопку пульта средним пальцем правой руки.

Лейтенант ничего не понял, но потом увидел, как в космосе полыхнула вспышка. Крейсер «Быстрый» разрядил орудия в своего противника.

– Не нужно было так близко вставать, – обращаясь в пространство, сказал сержант.

Выстрел с такого близкого расстояния ударной волной разметал малые суда, сорвав их с креплений. Погасли еще три отсека станции, нетрудно догадаться, что там произошла полная разгерметизация и вряд ли кто уцелел.

Вражеский крейсер горел, все орудия по правому борту оказались практически уничтожены. А если и нет, то разрушения получили такие, что стрелять из них не представлялось никакой возможности. Экипажу сейчас было не до того, они изо всех сил боролись за живучесть своего корабля, локализуя пожары и заделывая обширные пробоины.

Крейсер слегка накренило, взрыв в двигателе добавил инерционного движения, и он в конце концов смял целый блок причала.

– Не понял... – проронил лейтенант, наблюдая уже за бывшим кораблем Федерации.

«Быстрый» как-то неловко, словно очень спешил, отшвартовался и стал уходить прочь от станции, как нашкодивший мальчик.

– Идеальное прикрытие, правда?! – задал риторический вопрос сержант и пояснил: – Там уже чужой экипаж, так что оуткастам придется хорошо поломать голову, куда мы делись.

– Если нас мистер Лютц не сдаст.

– Не сдаст. – Безапелляционно заявил Галс. – Разве они ему поверят, что залп произведен без ведома команды, а значит, и его самого? Так что он будет молчать в тряпочку.

39

Корабли заложили крутые виражи, поэтому в точку randevu прибыли только через два дня. Но зато Роман находился в полной уверенности, что оуткасты его не найдут.

Все необходимое с «Гамильтона» перегрузили на «Астру», кроме двух шаттлов с броневидами.

Члены команды начинали потихоньку роптать. Такое участие в боевых действиях их никак не устраивало, а, насмотревшись на взрывы, мало кто хотел дальше продолжать путь на Оуткаст. Некоторые горячие головы требовали, чтобы их отправили домой на «Гамильтоне».

«У вас целых два судна, отдайте нам одно из них», – говорили они.

– Если бы мне удалось выменять три корабля, на одном из них вы отправились бы домой, – ответил Роман. – Сейчас для вас я ничего не могу сделать, нам придется продолжить выполнение задания.

Но все оказалось не так-то просто. Команда стала саботировать работу. Они отказывались выходить на службу и заниматься агрегатами корабля, которые, в свою

очередь, без заботы со стороны людей долго бы не протянули. Никакие уговоры не помогали, не получалось даже играть на патриотических чувствах, говоря о высокой миссии спасения Земли от агрессоров.

На третий день пути радары засекли двигавшееся со стороны Оуткаста судно. Определив, что оно не военное, лейтенант приказал сблизиться с ним.

Дальше все произошло мгновенно. Состыковавшись, на борт корабля проникли солдаты в «орланах» и захватили корабль без единого выстрела. Команда даже и не думала сопротивляться.

– Ну вот, – произнес Роман на очередном митинге неповиновения. – Можете вернуться на Землю на нем. Экипаж не против, я с ними договорился. Довольно приятные и отзывчивые ребята...

Правда, лейтенант не стал уточнять, как именно он это сделал. Он пригрозил, если судно изменит курс и пойдет еще куда-то, кроме как к Земле, оно взорвется, ибо корабль заминирован. Это было чистой правдой. Роман не мог допустить, чтобы их поймали оуткасты и вывели ценную информацию, которую эти мозгляки тут же выложат, стоит только пригрозить расправой. И хотя информации они знали немного, умный человек мог сделать правильные выводы.

Большинство команды тут же собрало свои манатки. Но матросы Камышову все же требовались, и они нашлись.

Остались в основном уже пожилые люди, повидавшие мир, а потому понимавшие, что нужно сделать все возможное для выполнения своей миссии. Война переродила их. Осталось и несколько молодых, до конца не сообразивших, чем это им грозит – в основном пилоты, которые во все времена отличались своей безбашенностью.

– Вам бы тоже следовало лететь вместе с ними, – тихо сказал Роман доктору Стоун, наблюдая, как перегружается экипаж на захваченное судно «Рудник».

– Нет... я останусь с вами.

Роман видел, как тяжело дались ей эти слова, и оценил мужество Амели, которого не хватило большей части экипажа.

– Ладно.

«Рудник» отстыковался и, развернувшись, взял курс на Землю. Несколько минут спустя заработали маршевые двигатели «Астры» и «Гамильтона», которые двинулись в противоположные стороны.

– Лейтенант, вы уверены, что нам не следует двинуться вслед за «Рудником»? – спросил сержант Галс, отведя Камышова в сторону.

– В чем дело, сержант?

– Вы знаете – я не трус, но и небезрассуден. Мне все больше кажется, что наша операция бесперспективна с военной точки зрения. Я и не суеверен, но уж больно все идет не так, как надо с самого начала. То одно, то другое...

– Если кажется, креститься надо, – жестче, чем следовало, оборвал подчиненного Роман. Осознав свою ошибку, Камышов добавил: – Мы уже говорили об этом. Да, шансы малы, но если удастся, мы отстоим Землю, а значит, и себя. Не проведем операцию или она закончится провалом, нам всем кранты. Оуткасты доберутся до Земли и до нас. Кажется, именно ты поддержал меня первым, не так ли?

– Так...

– Ну вот. Нашей бедой всегда было то, что мы не умели действовать на опережение. Дотянем все до последнего, потом начинаем крушить. Я действую на опережение, если это можно так назвать... И потом, какая разница, где мы встретимся со смертью лицом к лицу, на Земле или на Оуткасте? Особенно, если в последнем случае у нас есть возможность что-то изменить. Прости за высокопарный стиль.

Сержант в раскаянии за несдержанность и проявление слабодушия опустил голову.

– Ладно, Петр, проехали... – похлопал лейтенант по плечу Галса. – Кстати, что тебе удалось узнать о ситуации на Оуткасте? А то раньше спросить тебя у меня не получалось.

Сплошные заморочки...

– Да все старо, как мир... – немного воспрянув духом, стал рассказывать сержант. – Есть центральная группировка, что-то вроде тейпов в наше время – они держат в руках всю власть, все ресурсы. Вокруг центра находится множество других кланов – у них нет ничего. Поэтому они, выяснив, кто из них наиболее достойный, на совете ли представителей или в прямом боевом столкновении, объединили вокруг себя более слабых или менее достойных и начали новую борьбу за власть. Примерно так. В среднем власть в руках одной группировки держится по шесть-семь лет, потом ее сметают. Все зависит от того, как удачно правитель пользуется правилом «разделяй и властвуй». Последний правитель, кажется, с таким правилом не знаком, все держится на грубой силе диктатора.

– Значит, у него много противников?

– Немало, но и им нравится идея экспансии, и они охотно принимают в ней участие, так что активных врагов не больше, чем обычно. Не выходят за рамки среднего значения. Поэтому у него есть все шансы остаться у власти достаточно долго.

– И откуда ты это все узнал?! – удивился лейтенант. – Можно подумать, у тебя в наличии целая сеть осведомителей.

– Все в открытых источниках. Отшельники торгуют с оуткастами и, чтобы не попасть впросак, отслеживают все изменения в регионе. Контрабанда, все такое...

– Карты есть?

– Да, но на них только примерные границы тейпов с основными населенными пунктами.

– Ясно. Ну что ж, не все так плохо, а сержант? Прорвемся?

– Прорвемся, командир. Куда нам деться?...

– Выше нос сержант. Побольше оптимизма.

40

Полуторамесячный поход подошел к концу, и суда сбавили ход, заходя к системе с нужной стороны, чтобы между кораблем и целью оставалось как можно меньше посторонних объектов. Для этого решили зайти «сверху» или «снизу», то есть перпендикулярно к плоскости вращения планет.

Зайдя в нужную точку пространства, «Астра» остановилась, в то время как «Гамильтон» продолжил движение, ускоряясь.

– Курс проложен, сэр, – доложил штурман.

– Вперед.

«Гамильтон» двигался, не скрываясь, ведя себя как типичное грузовое судно отшельников, которых и сейчас здесь курсировало достаточно много. Война требовала ресурсов.

Только на подходе к самой планете судно стали сопровождать два катера, ведя обычные по такому случаю переговоры.

Камышов выбирал место посадки. Еще на марше они рассмотрели несколько возможных вариантов, среди которых имелись совсем уж непригодные: вроде пустынь, открытых долин и чересчур заболоченных местностей. Там их могли спокойно обнаружить. Потому выбрали несколько вариантов с умеренной лесистостью и гористостью, где «рапирам» ничего не стоило спрятаться. Но окончательную точку предстояло поставить уже на орбите планеты. И вот они на месте.

– Куда будем спускаться? – спросил старшина, разглядывая карту.

– Думаю, сюда.

– Но сейчас здесь будет грозовой фронт.

– Именно поэтому я и предложил данный вариант. На мой взгляд, он идеален, хоть и опасен. Отличное прикрытие от самолетов.

– Тоже верно...

– Как только мы отстыкуемся, сразу же уносите ноги, – уже в который раз наказывал лейтенант, обратившись к штурману «Гамильтона».

– Так точно, сэр...

– Хорошо.

Подобрать их предстояло уже «Астре», которую в нужный момент подозвали бы узконаправленным радиосигналом. Все это время судно должно дрейфовать в открытом космосе, стараясь остаться незамеченным.

– Тогда вперед.

«Гамильтон» начал разгон, а Роман поспешил в челнок к своему отделению.

– Немедленно сбросьте скорость! – закричал по радио пилот одного из катеров. – Иначе мы вынуждены будем принять меры!

Но «Гамильтон» не слушался, продолжая нестись на полной скорости к Оуткасту. Катера пошли на боевой разворот, чтобы уничтожить наглеца, но в этот момент произошло отделение челноков с находящимися внутри броневидами.

Шаттлы на максимальной скорости стали проваливаться в атмосферу, оставляя позади крупногабаритные катера-сопровождения. Им путь в атмосферу был заказан. А «Гамильтон», сделав крутой вираж, на пределах своих возможностей помчался прочь из враждебной системы.

Катера еще долго гнались за нарушителем и пытались атаковать, но корабль защищался дозволенным ему по штату оружием – скорострельными пушками, этого хватило, чтобы отогнать не в меру ретивых преследователей. Через некоторое время катера стали уступать в скорости или просто решили не гоняться за нарушителем и, выпроводив его из системы, в конце концов, отстали.

«Гамильтон» же, как и было условлено, не стал нигде задерживаться и взял курс прямехонько на Землю. Для него и его экипажа война уже закончилась, они выполнили свой долг, и можно было пока ничего не бояться.

Тем временем шаттлы с жуткой тряской неслись к поверхности планеты. Они, как и рассчитывали, попали в грозовой фронт, и пассажирам иногда казалось, будто их челнок просто переворачивается в воздухе, как попавший в сильную аварию автомобиль.

Но автопилот работал хорошо и справлялся даже с самыми сильными порывами ветра, выравнивая полет шаттла, не давая свалиться ему в штопор. А термическое покрытие берегло бортовую электронику от электрических разрядов то и дело бивших в челнок молний.

Шаттлы еще падали, а с аэродромов уже поднимались звенья перехватчиков, наведенные катерами сопровождения.

Челноки спустились до двадцати тысяч метров и открыли свои створы. Медленно, словно нехотя, из их чрева стали вываливаться БМД «рапира». Вот их уже крутило, как хотело.

Избавившись от груза, шаттлы круто разошлись в разные стороны с явным намерением запутать следы, для чего через тридцать километров они приземлились на краю густого леса, оставляя вокруг себя выжженные поляны.

Солдаты, пристегнутые к креслам, проклинали все и вся, когда чисто физически чувствовали, что ноги у них сейчас находятся явно над головой – вестибулярный аппарат работал на совесть.

Кто-то вспоминал свое детство, когда в каком-нибудь парке, на каком-нибудь аттракционе у него вот также ноги оказывались над головой. Впрочем, те ощущения ничто по сравнению с тем, что приходилось испытывать солдатам сейчас. Дух захватывало.

Никого не вырвало, хотя мутить, конечно, мутило. Все, сидящие внутри «рапиры», относились к разряду десантников, а им такие нагрузки были вполне по плечу. И даже двухтысячелетняя спячка не сделала их слабее.

Свободное падение, которому, казалось, не будет конца, или конец окажется совсем уж

плохим, прекратилось тремя сильными толчками. Сначала вышел тормозной парашют. Выполнив свою задачу, замедлив падение, он отстрелился, увлекая за собой вытяжной, а тот в свою очередь – купола основных парашютов.

Теперь полет проходил не так экстремально, и солдаты получили наконец возможность отдышаться. БМД под порывами ветра плавно раскачивались на стропах из стороны в сторону, будто желая усыпить людей, словно детишек в коляске, но людям было не до сна.

Буквально над самой землей, метрах в десяти от поверхности, сработали тормозные пиропатроны и заволокли место посадки «рапир» дымом, не хуже чем стартующая межконтинентальная ракета.

Броневики коснулись земли с чувствительным толчком, и одновременно с этим отстегнулись парашюты. Грозовой ветер стал трепать их по земле. Один из порывов подхватил сверхпрочную ткань и понес далеко в сторону реки.

А «рапиры», избавившись от уже ненужной детали своей экипировки, заурчали двигателями и быстро покатили в сторону все того же спасительного леса, подальше от открытых пространств.

41

Два звена всепогодных «халифов» выскочили из-за хребтов высоких гор.

– «Пятый», «пятый», говорит «первый», вижу объект.

– Понял тебя, «первый», займись им, я за вторым.

– Удачи.

Одно звено встало на крыло и начало быстро удаляться.

Командир первого звена спокойно наложил прицельную рамку на цель и нажал на гашетку. Две ракеты сошли с направляющих и, обгоняя друг друга, устремились к шаттлу.

Сдвоенный взрыв вспорол челнок, как консервную банку, разметав элементы корпуса далеко от эпицентра взрыва.

Еще два самолета несли на себе уже другую – бомбовую нагрузку. Сделав «горку», они сбросили длинные цилиндры, подвешенные под брюхом самолета, и синхронно разошлись в стороны, как на параде по поводу праздника независимости.

Четыре черных посланца смерти, медленно вращаясь, упали в лес и взорвались ослепительной вспышкой напалма, огнем и кислотой уничтожая десятки гектаров леса.

Второе звено достигло места приземления через минуту, когда шаттл уже взлетал с явной надеждой уйти в космос. Там бы его встретили, в общем, челнок в любом случае никуда бы не ушел. Но капитан Картлидж захотел занести этот борт на свой, и без того немалый, счет и, отправив подчиненных «зачистить» лес возле места посадки, зашел на цель и выпустил две ракеты.

Но этот челнок не собирался сдаваться просто так, как его погибший еще на земле собрат, и отчаянно оборонялся. Ракеты напоролись на обманки и расцвели в оранжевой вспышке. Плюс ко всему по самолету заработали автоматические пушки, и «халифу» пришлось заложить крутой вираж, чтобы самому не попасть под огонь.

Впрочем, это даже развеселило капитана. Краем глаза отметив, что его подчиненные уже отработали по лесу, он пошел на новый заход. На этот раз Картлидж использовал свои пушки.

Трасса снарядов пересеклась на одном из двигателей, шаттл «просел», но, переключив тягу на остальные три движка, снова стал уверенно набирать высоту.

Капитан добавил к очереди еще три ракеты. На этот раз системам противоракетной обороны удалось уничтожить только одну ракету, остальные две врезались в борт.

Челнок как-то нелепо замер на месте, зависнув в воздухе, как бумажный змей, перед тем как спикировать вниз, а потом развалился на куски. Его горящие обломки посыпались вниз.

– Чистая работа, господин капитан.

– Спасибо, лейтенант, но только на этот раз они были какими-то вялыми.

– Новички...

– Все может быть.

– Внимание! – предупредил всех третий пилот. – Ракетная атака!

Самолеты резко ушли вверх, но ракета, оставляя за собой дымный след, захватила свою цель и просто так от нее отказываться не собиралась, повторяя все маневры одного из «халифов».

Из леса стартовала вторая ракета и вскоре увязалась за тем же самолетом. Они обходили обманки, распознавали все противоракетные маневры, постепенно сближаясь с целью.

Наконец одна из ракет напоролась-таки на противоракетную шашку, но вторая, будто вобрав в себя силы погибшей подруги, сделала рывок и догнала самолет, разорвавшись в непосредственной близости от борта, в один момент наштапиговав двигатель сотнями поражающих элементов.

Двигатель, вспыхнув как бенгальский огонь, взорвался, захватив в объем своей вспышки поздно катапультировавшегося пилота. И тот, облитый окислителем, метеором пошел к земле. Парашют, изъеденный кислотой, так и не раскрылся.

– Уходим, – проговорил капитан, передав информацию об инциденте в штаб.

Боеприпасов, чтобы наказать обидчиков, не было, пушки и оставшиеся ракеты не в счет. Тут требовался напалм и как можно больше. Зато имелись все шансы повторить судьбу погибшего летчика.

– Ты что-нибудь понял? – спросил старшина по радио у лейтенанта.

Солдаты наблюдали за воздушным боем при помощи мощной оптики своих машин, а точнее – за расстрелом одного из шаттлов, того, что сел ближе к ним. То, что произошло потом, для них стало полной неожиданностью.

Кто-то, находившийся буквально в десяти километрах от них, двумя пусками сбил один из самолетов.

– Только то, что нам нужно отсюда убираться, и как можно скорее, – подумав, сказал лейтенант Камышов. – И, пожалуй, мы приземлились в нужном районе.

– Тут ты прав.

Водители завели двигатели своих БМД и поехали прочь. Встречаться сейчас ни с одной из противоборствующих сторон они пока не хотели, уж слишком мало было информации. Еще не известно, кто их «теплее» встретит. Потому следовало найти укромное место, хорошенько осмотреться и только после этого предпринимать какие-то шаги по установлению союзнических связей.

42

Броневики спрятались в ущелье. Одну машину загнали в пещеру, другую, для более оперативного использования, местами засыпали камнями и завалили ветками, чтобы с воздуха, и уж тем более из космоса, ее никак не нашли.

Все это время солдаты передвигались только ночью. Днем они запускали в небо «синюю птицу» – автоматический разведчик «СП-43», сделанный по технологии «стелс». Аппарат летал над местностью, удаляясь от места старта до сотни километров, передавая всю снятую информацию в БМД для составления более точных карт местности. И на основании этих разведданных солдаты выбирали маршрут.

Несколько раз объективы «СП-43» засекли передвижение неизвестных групп людей с тюками на выючных животных. По направлению их движения сделали вывод, что это и есть те самые стрелки, подбившие самолет. И кто знает, быть может, они даже спасли диверсантам жизнь?

– Двинемся за ними? – спросил старшина, грея руки у костра, вдыхая аппетитный

дымок жарившейся дичи, как кот жмурясь от удовольствия от предвкушения скорого завтрака.

Утром в горах было довольно холодно, а использовать отопительные приборы «рапир» не хотелось из-за режима экономии топлива. Заправок на каждом шагу тут не было.

– Да, я тоже об этом думаю. Лучшего союзника не найти. Если это действительно те самые.

– Тут больше никого нет.

– Хорошо. В темноте двинемся за ними, а пока расставь часовых. Кроме того, следует внимательнее понаблюдать за бородачами...

– Понял...

Старшина отошел к солдатам, готовившим «сорок третьего» к полету. Они расправили его метровые крылья, больше похожие на птичьи, только не из перьев, а из синтетического материала, полностью пропускавшие радиоволны. «Тело» же, наоборот, было изготовлено из поглощающих материалов. Ничто не должно выдавать «птицу» в полете.

– Были бы у нас такие в свое время... – мечтательно произнес один из солдат, готовивших аппарат к полету.

– Так и были, «Шмель» вроде бы...

– Слышал я об этом. Движок от мотоцикла «восход», стартовал по направляющим. И что? – задал вопрос солдат и сам же на него ответил: – А ничего! Поработал три месяца в единственном экземпляре и все... отсняли видеоролик, прокрутили по каналам и увезли на выставку. Вот, дескать, и у нас высокие технологии есть, беспилотные разведчики, не только у дядюшки Сэма. Козлы...

Так за разговорами бойцы подготовили аппарат к работе. Один из солдат взял десятикилограммовую «птичку» в руки и, немного разбежавшись, запустил ее, как бумажный самолетик.

«СП-43» клюнул носом, но, найдя восходящий поток, плавно начал набирать высоту. За его полетом наблюдали недолго: поднявшись на стометровую высоту, «сорок третий» на фоне небес перестал различаться невооруженным глазом.

В центре управления «синей птице» дали задание, и она, плавно качнув крыльями, сменила курс, пошла выискивать бородачей, чтобы целый день орлом кружить над ними.

Спустя час после запуска зонда стала поступать интересующая их информация. В группе оказалось десять человек и пять местных волов.

Люди все время старались держаться наиболее заросших участков леса, так что «СП-43» часто их терял. Что находилось в тюках, разглядеть просто невозможно, но вот две трубы не оставляли никаких сомнений об их предназначении.

– Точно они, – сказал Виктор, имея в виду загадочных стрелков.

– Думаешь, надо с ними познакомиться?

– Думаю, да.

– Ладно, но спешить не будем. Пойдем следом за ними и посмотрим, куда они нас приведут.

– Хорошо.

43

В региональном центре Антиреволюционного управления был настоящий завал, какого здесь давно не наблюдалось. Сотрудники бегали из кабинета в кабинет с кипой бумаг или электронными планшетами, получая необходимые подписи и указания от вышестоящих лиц или разрешения в смежных управлениях. Со стороны это больше напоминало хаос, если не панику.

В дверь постучали.

– Входите!

– Вызывали, господин генерал-паша? – с поклоном спросил вошедший, глянув

исподлобья на начальника, сидевшего за большим письменным столом, заваленным бумагами.

– Вызывал, капитан. Ты уже слышал о вчерашнем происшествии?

– Так точно, мой господин. Но я думаю, ничего серьезного. Обычные контрабандисты...

– Не знаю, не знаю, обычные или нет! – вдруг закричал генерал-паша, чем сильно удивил капитана Феннадина. – Мне уже звонили из Главного управления противодействия антиреволюционным проявлениям... Сам Шахрим Мирзоев, ты понимаешь, что это значит?!

«Только то, что тебе башку снесут, если ты не выполнишь его поручение», – про себя улыбнулся Феннадин.

Мирзоев приходился троюродным братом самому эмиру Шалиму Аль Хусейну, а потому его властные полномочия были чрезвычайно велики. Следует отметить, что этому родственнику Хусейн доверял больше, чем некоторым своим родным братьям.

– Так точно, – ответил капитан.

– Это хорошо, что ты понимаешь... А теперь слушай меня: найди этих ублюдков! Найди этих сволочей, которые сбили самолет, найди тех, кто приземлился в шаттлах, проверь все и вся! Сейчас мы находимся в состоянии войны, а потому действует чрезвычайное положение... Найди тех, кто это сделал, и мы сотрем их и их селение с лица земли! Уничтожим всех родственников, где бы и кем бы они ни были!

– Я все понял, господин генерал-паша.

Определить, кто это сделал, нужно было точно, а не бомбить первую же попавшуюся цель. Иначе можно приобрести себе врагов, а их и так выше крыши.

– У тебя неделя! Ступай, – отпустил генерал-паша своего лучшего поисковика-следопыта и, когда тот ушел, уже тише добавил: – У меня неделя...

44

Вертолеты, несшие боевую группу капитана Али Феннадина, летели очень низко, и, если бы они не маневрировали, а летели прямо, то уже несколько раз разбились бы, врезавшись в стволы гигантских деревьев.

Так низко приходилось лететь из-за того, что вертолеты шли по никем не контролируемой территории. Здесь сходились границы трех тейпов заключивших негласный договор о нейтралитете этой территории из-за невозможности точного определения ее границ и использовании ее всеми, кто относился к этим трем кланам. А потому пальнуть в вертолет могли все.

Работы предстояло много.

Вертолеты разошлись в стороны и направились к местам посадки шаттлов контрабандистов. На этот раз обошлось без неприятных инцидентов, но действовать все же предстояло осторожно.

Али внимательно рассматривал место посадки шаттла, и все, что от него осталось. Куски обшивки разлетелись на сотни метров вокруг. Солдаты поместили флажками особенно крупные и наиболее интересные обломки.

Вот опора челнока, которая при не слишком мягком приземлении ушла глубоко в грунт. Вот бортовой люк с чудом уцелевшим иллюминатором. Но чего-то не хватало во всем этом.

«Нет ни одного фрагмента тела», – профессионально отметил капитан.

По опыту своей работы Феннадин знал, что тела должны оставаться, даже при катастрофе с разливом топлива и его самовозгорании. Пусть сильно обгоревшие, запекшиеся в уголь, но остаться должны. Сгореть все просто не может физически, ведь любое человеческое тело большей частью, как всем известно, состоит из воды.

«Хорошо, допустим, этот шаттл шел на автопилоте, – сделал правильный вывод капитан. – Хотя на контрабандистов это не похоже, они пилотируют свои шаттлы... И

вообще, они используют не новые корабли, а лишь те, которые уже отработали свой ресурс. Да и это для них слишком жирно. Чаще грузы опускают в одноразовых капсулах. Сбросят и все».

Для порядка капитан побродил по полю еще час, ничего существенного так и не нашел и направился ко второй половине своей группы, занимавшейся в лесу.

Вонь ракетного топлива и горелой синтетики сменил запах горелой древесины и напалма.

– Что у тебя, сержант?

– Ничего, господин капитан. Нет абсолютно ничего.

– Летчики сказали, что нанесли удар по прилегавшему лесу, когда челнок только взлетал. Если они разгружались, здесь обязаны остаться следы, сержант. Они не могли уйти так быстро и сгореть дотла тоже не могли.

– Но тут ничего нет, мой господин, ни останков людей или животных, ни груза.

– Смотрите лучше.

– Конечно, господин капитан...

Но еще через час сам капитан убедился в том, что сержант прав и здесь ничего нет. Али уже в который раз вышел за пределы выжженного круга. Здесь нет этой сажи и пепла лесного пожара. Но и следов тоже нет. Никаких.

«Если им удалось уйти из-под огня, должны остаться хоть какие-то следы. Отпечатки копыт, сломанные веточки, в конце концов, должны быть следы от убранных и спрятанных лепешек помета. Они же ведь ждали этот рейс... – в который раз думал капитан, но ничего этого не было. – Ничего не понимаю».

Капитан связался со второй своей группой, работающей в районе катастрофы второго шаттла. Тот уже взлетел, когда его сбили, а потому разброс обломков, а следовательно, и работы больше.

– Какие результаты, лейтенант?

– Никаких, господин капитан. Вообще ничего. Простые обломки.

– Та же картина, – поделился своими наблюдениями капитан.

– Но этого не может быть...

– Я знаю, но это так. Короче, прекращайте поиск, садитесь в вертолет и летайте над долиной в своем районе, я поступлю точно так же.

– Что искать?

– Понятия не имею. Что-нибудь необычное...

– Слушаюсь, господин капитан.

– Конец связи.

Вертолет делал один круг за другим, постоянно расширяя диаметр и поднимаясь все выше. Все, кто мог, смотрели вниз из биноклей в надежде отыскать загадку подбитых шаттлов. Но тщетно, долина была девственно чиста.

– Кажется, что-то есть, – неуверенно передал по рации лейтенант.

– Что именно?

– Точно описать не могу, но в реке что-то колыхнется.

– Садись рядом, я сейчас буду...

Капитан прыгнул с подножки вертолета, когда тот еще не успел приземлиться, и побежал в сторону второй группы.

– Что у тебя?

– Вот...

Лейтенант показал на это «колышущееся». Им оказался парашют песочного цвета, близкий по тону к пожухлой траве, покрывавшей сейчас долину. Да и в реке ткань не так-то просто разглядеть, что и отметил Феннадин:

– Ну и глазастый ты, Нури!

– Благодарю, господин капитан.

Купол, запутавшись стропами в прибрежном кустарнике, действительно колыхался в

воде, терзаемый течением.

Солдаты распутали трос и вытащили парашют на берег вместе с песком, набившимся в складки.

– Неплохо было бы узнать, от чего он, – сказал капитан, разглядывая оснастку.

Купол оказался большим, гораздо больше, чем необходимо для десантирования человека, если это, конечно, катапультировавшийся с шаттла пилот.

– Значит, сбрасывали какой-то груз, – сделал вывод капитан Феннадин. – А приземление челноков для отвода глаз. Хитро...

– Но почему они тогда не забрали этот парашют? – спросил лейтенант.

– Может, ветром снесло, тогда ведь гроза бушевала, сильный ветер. Хотя это плохая версия. Какой был ветер, лейтенант?

– Северо-западный, мой господин, – лейтенант Нури махнул рукой в нужную сторону.

– Значит, так... – проговорил капитан, обернувшись на северо-запад и определяя направление движения шаттлов при спуске. – Садимся в вертолет и ищем место сброса груза.

Вертолеты летали два часа над заданным капитаном квадратом, прежде чем он сам заметил странные следы. Их успело занести ветром и немного размыть прошедшим дождем, но видны. Пройдя по ним пешком от леса к реке, Али понял, что не ошибся, когда нашел выжженный круг в траве диаметром пятьдесят метров.

– Что это такое, господин капитан? – удивился лейтенант.

– Диверсанты, Нури, обычные диверсанты...

45

Казалось, генерал-паша находился в шоковом состоянии от выводов капитана Феннадина. Он, не мигая, смотрел на экран, с которого в свою очередь на него взирал его подчиненный. Такую информацию принять трудно, еще труднее передать ее в вышестоящие инстанции, ведь его запросто могли принять за психа.

– Какие диверсанты, капитан?! – все еще не веря, спросил генерал-паша.

– Обыкновенные, мой господин, – с легкой издевкой ответил Али, но начальник этого не заметил.

– Может, все же контрабандисты? Подумай сам, ну какие из неверных диверсанты, смех один. Разве что роботы?

– Никак нет, мой господин, на контрабандистов это не похоже – слишком сложно и дорого стоит. Шаттлы использовались новые. Они действуют по старинке. Сажает старенький шаттл, выгружаются и убегают. А здесь отводные маневры, и такое впечатление, будто шаттлы были уже списаны, то есть их специально подставили под огонь...

Роботам здесь тоже делать нечего. Людям, даже неверным, спрятаться среди других людей в нестабильном районе будет гораздо легче. Что касается хлюпиков... то как-то же они взяли на абордаж корабль?

– Откуда ты знаешь?! – свистящим шепотом спросил генерал-паша. – Это же сверхсекретная информация!

– Знакомый один рассказал...

– Ладно. Но зачем же тогда так раскрываться, уничтожая самолет?

– Не знаю, мой господин, это еще предстоит выяснить.

– Делай, что хочешь, Али, но найди их, слышишь, найди!

– Слушаюсь, мой господин.

– Помощь нужна? Если потребуется, я сейчас же вызову целую эскадрилью бомбардировщиков «Б-102» и они сотрут этот лес в порошок!

Капитан, зная всю мощь этих машин, живо представил себе картину их работы в составе эскадрильи и трупы своих бойцов среди поваленных деревьев, и невредимых, посмеивающихся над их тупостью диверсантов, пинающих обуглившиеся тела, а потому сказал:

- Лучше не стоит... мы как-нибудь сами, господин генерал-паша.
- Как знаешь. Но найди их!
- Слушаюсь... мой господин, – устало повторил капитан.

«Рапиры» второй день двигались вслед за бородачами в одном дне пути от них, по обе стороны от тропы на расстоянии километра друг от друга. Последним аргументом в пользу движения за боевиками послужило появление двух вертолетов, круживших над местом посадки шаттлов и приземления БМД.

Двигался броневик с трудом, пробираясь сквозь густые заросли молодых деревцев, их он просто переезжал. Более взрослые деревья приходилось сбивать, ломая их у основания своей массой. Но иногда перед машинами вставали исполины в два-три обхвата толщиной, и приходилось долго петлять, чтобы преодолеть такое препятствие. Впрочем, все было не так плохо. Довольно часто попадались заброшенные дороги, по которым раньше вывозили древесину и руду. Дороги тоже порядком заросли, но это все же лучше, чем ничего.

«Синяя птица» тщательно фиксировала все действия команд, а когда они нашли места посадки БМД, стало ясно, что нужно уносить ноги.

– Лейтенант, на горизонте два самолета, – вдруг доложил рядовой Алекс Селин, ведавший радаром. – Двигутся прямо на нас.

– Может, на бородачей?

– Может, и на них... мы ведь практически на одной линии атаки.

Роман Камышов напряженно наблюдал за полетом штурмовиков. Мысленно он определил точку в пространстве, достигнув которой, самолеты должны немного изменить курс, если их целью являлись бородачи.

Но такого разворота не произошло. Прошла одна, две секунды, и лейтенант, поняв, что самолеты появились здесь по их души, приказал:

– Покинуть машины!

Солдаты быстро десантировались, в три секунды выпрыгнув из бокового и кормового люков с полным вооружением и ранцами со всем необходимым, заранее приготовленным именно на этот неприятный случай.

Роман сосчитал своих бойцов, одного не хватало. В «рапире» остался водитель. Он завел двигатель и стал быстро проламываться сквозь чащу, двигаясь в обратном направлении, снося даже небольшие деревца, оставляя после себя просеку.

– Дмитрий, стой! – кричал лейтенант по рации. – Выбирайся оттуда! Тебя же сейчас подбьют, черт бы тебя побрал!

– Одну минуту, командир, – ответил водитель, быстро программируя системы ведения огня по воздушным целям.

* * *

Два взвода капитана Феннадина рыскали по лесу в поисках иногда терявшегося следа. Видимо, диверсанты не слишком привычны к такому передвижению, поскольку след практически всегда оставался довольно четким. Двигаться приходилось со всей осторожностью, опасаясь мин и ловушек, но таковых не наблюдалось, и спустя довольно короткое время броневики были найдены.

Капитан, не теряя из виду бронемашину, вызвал авиацию и постоянно корректировал курс, наводя самолеты на цель. То же самое делал лейтенант со вторым броневиком.

В последний момент, когда самолет уже заходил на цель, Али убежал подальше, чтобы не попасть под огонь своих. Мало ли какая у противника защита, всякое могло случиться, и бомба, предназначенная врагу, запросто могла стать твоей.

Но на то, что случилось дальше, он никак не рассчитывал. То, что солдаты покинули машину, это он понял и даже одобрил, а вот то, что она потом поперла прямо на его позицию, где он укрылся со своим взводом, уже было плохо. Тем более, что самолет уже

наверняка захватил цель и наводил на нее свои ракеты.

– Рассредоточиться! – приказал Али своим солдатам.

46

Рядовой Дмитрий Хмель уже захватил одну крылатую цель в прицел и навел на нее роторные пушки «рапиры» с автоматическим сопровождением цели, готовясь дать команду на огонь, когда вдруг увидел людей, разбегавшихся по лесу, как зайцы.

– Вот это новость...

Считалось, их засекли все же не люди, а какая-то другая следящая техника, вроде спутников-шпионов, а тут такое...

Посчитав, дескать, самолеты не такая важная цель и, как они прилетели, так и улетят, а люди останутся, он перенацелил одну из пушек на солдат противника и открыл огонь.

Крутящиеся стволы захлебывались в стрельбе со звуком, больше похожим на вой газонокосилки, впрочем, и результат был практически нулевой.

Мелкие и даже средней толщины деревца падали как подкошенные. Башня с пушкой вертелась сама, датчиками улавливая любое движение в лесу, выбирая самые «заселенные» участки, чтобы не расходовать снаряды на одного человека. Вторая пушка била по самолету, посылая в него длинную дорожку снарядов.

Автоматическая система противоракетной обороны вдруг отстрелила десяток шашек, которые взорвались в двадцати метрах от «рапиры», образовав вокруг броневика газовое облако. Лазерный луч преломился, отведя ракету в дерево, которое после взрыва стало медленно заваливаться, обдав БМД осколками и щепой.

– Пора сматываться, – благоразумно решил водитель, понимая, что в арсенале самолетов наверняка есть средства более действенные.

Рядовой Хмель перевел вторую пушку на воздушную цель, чтобы она ненароком не продырявила своими снарядами его самого, и выскочил из «рапиры», не забыв прихватить автомат и прочую амуницию, как и все остальные солдаты.

Вторая пушка для пилота самолета оказалась неожиданностью, но он все же сумел сбросить на цель бомбу и в следующий миг лишился правого крыла, его просто оторвало взрывом после нескольких десятков попаданий. Но это уже не могло остановить свободное падение стокилограммовой бомбы, захватившей цель.

Взрыв бомбы поднял БМД высоко в воздух, взрывной волной отбросив водителя на мягкую кучу муравейника. Впрочем, он встал достаточно быстро и серьезно не пострадал от укусов.

А в следующий момент упал и самолет, озарив место падения огненным шаром, дымным грибом, поднявшимся высоко над деревьями.

– Неплохо... – обернувшись, прошептал прихрамывавший рядовой Хмель, возвращаясь к своим.

Капитан Феннадин не мог поверить своим глазам. От пушечного огня, валившего все без разбору, он потерял половину своего взвода, еще одного человека накрыло взрывом самолета. Он хотел было дать за это в морду пилоту, но того отнесло ветром на липкие лианы, словно змеи опутавшие свою жертву вдоль и поперек, чтобы вскоре съесть, заживо растворив пищеварительным раствором.

Пилот дико кричал, и его пришлось пристрелить по чисто гуманным соображениям, дабы не подвергать таким нечеловеческим страданиям, поскольку снять несчастного не представлялось никакой возможности. Одна ошибка и можно потерять еще по меньшей мере одного человека из своего отряда, а потери и без того велики.

Со вторым броневиком обошлось без таких чудовищных проблем. Ракеты он, как и первый, отвел в сторону, но защищался не так остервенело, дав пилоту спокойно сбросить на него бомбу.

Плохо то, что план операции из-за этого сумасшедшего водителя сорвался, и солдат противника не удалось уничтожить после бомбометания, когда они находились в самом удобном положении, хоть тепленькими бери.

Это был его первый провал, но Али пообещал себе жестоко наказать этих диверсантов за свою неудачу. Потому, передав координаты вертолету-эвакуатору, чтобы тот забрал тела погибших солдат, он приказал:

- Лейтенант, стройте солдат, мы начинаем преследование...
- Слушаюсь, господин капитан.

47

Камышов чувствовал горькую обиду, что они так бездарно потеряли свои бронемашинны. И вот теперь приходилось удирать на своих двоих через колючий кустарник, из которого того и гляди выползет какая-нибудь ядовитая гадюка.

А как хорошо кататься в БМД: чисто, кондиционер работает, вся боевая нагрузка лежит в отсеках, да и сама огневая мощь бронемашинны стоила многого, давая чувство защищенности...

Утешало лишь то, что одна из «рапир» смогла подбить своего убийцу из пушек. Со вторым вышло не так хорошо – выскочивший со всеми солдатами водитель в спешке забыл нажать на несколько кнопочек автоматического ведения огня по воздушной цели, и БМД погиб, не сделав ни одного выстрела.

«Не самая лучшая смерть для солдата», – подумал лейтенант.

Но отрицательный результат – тоже результат. Выяснилось, что у них по пятам крадутся преследователи, которые по вине Хмеля наверняка понесли потери, а значит, находятся в озлобленном состоянии и еще неизвестно, хорошо это или плохо. Но в любом случае нужно уходить.

Чтобы ускорить свое продвижение, пришлось избавиться от парашютов, почти трети боеприпасов и половины консервов. Все это спрятали под деревом, чтобы в случае необходимости найти.

Вечерело. И хотя на открытых пространствах, особенно в горах, еще было светло, в лесу уже исчез докучавший гнус.

– Командир, у нас хвост, – подойдя к лейтенанту, сказал сержант Галс.

– Я знаю...

– Вы не поняли, они уже в полукилометре от нас и продолжают быстро приближаться.

– С чего ты взял?

Лейтенанту не понравился такой вывод, он рассчитывал, что преследователи, после того как они избавились от части амуниции, отстали и причем порядочно, но выходило, он ошибся.

– С чего ты взял? – повторил Роман.

– Видите, птица кружит...

Сержант, выйдя на открытое пространство, показал на кружащую над ними птицу. Непонятно, как такая большая птица может что-то высматривать в лесу да еще охотиться в нем.

«Как же она может летать среди ветвей, – невольно подумал Роман. – Или она как чайка ныряет, только не в воду, а в густые заросли леса?»

– Ну?...

– А вон там такая же. Сдается мне, они выдают как нас, так и их. Такие вот «синие птицы» счастья... Непонятно только, почему они ее не спугнут...

– Вот дерьмо! Чуй!

– Слушаю, – невозмутимо произнес ефрейтор, чуть склонив голову набок.

– Подстрели эту гадину, Чуй!

– Есть, командир.

Чуй снял с плеча винтовку, прицелился и нажал на спуск. Раздался выстрел, эхом разнесшийся по лесу, и черная птица, издав пронзительный крик, камнем упала вниз. Где-то вдалеке послышался треск ломающихся ветвей: птичка весила не так уж и мало.

– Молодец. И в будущем «снимай» всех этих крылатых монстров, как только увидишь их.

– Понял, – кивнул Чуй.

– Виктор, пошел! – приказал лейтенант Камышов, делая круговой жест рукой.

Старшина кивнул и, взяв свое отделение, двинулся вправо.

– Остальным занять позиции.

Капитан Феннадин со своим отрядом быстро двигался по лесу, почти сутки гоня диверсантов. Он уже определил направление движения противника и рассчитывал у них на пути устроить засаду из вызванной роты егерей из подразделения «Форестгурд». От этих ребят скрыться в лесу практически невозможно, это Али знал точно, поскольку сам в недавнем прошлом служил в этом отряде.

Большая скорость объяснялась тем, что они носили легкие, практически символические бронежилеты. Иногда они даже приближались к противнику так близко, что можно начать бой, но капитан избегал его, хорошо понимая, что когда столкнутся два одинаково сильных отряда, результат может оказаться самым непредсказуемым. Потому он предпочел не рисковать и завершить операцию запланированным образом, загнав диверсантов в руки егерей.

В пользу такого решения говорило и то, что его отряд потерял еще троих человек. Двое погибли, и еще одного тяжело ранило. Бронежилеты доказали свою никчемность.

Однажды после очередного сближения с диверсантами те резко ушли в отрыв, и вскоре этому нашлось объяснение. Один из солдат случайно наткнулся на хорошо замаскированный тайник. Там могло быть что угодно. Помня о бомбардировке противника, Али очень хотел, чтобы тайник оказался могилой какого-нибудь диверсанта, которого из-за ранения сначала несли на себе, а когда тот стал совсем плох, добили и похоронили под деревцем.

Так думал капитан Али Феннадин, зная, что поступил бы точно так же на месте диверсантов. Задача должна быть выполнена любой ценой. Для военного это истина.

Капитан приказал вскрыть тайник, чтобы узнать, что там, и понять в конце концов, с кем они имеют дело.

Вскрывавшие тайник самодовольно заулыбались, когда нашли и обезвредили «сюрприз», один из них даже подбросил его в руке, презрительно отзываясь о неверных, не сумевших даже мину нормально поставить, когда двое других стали что-то вытаскивать из тайника. Тут-то и произошел взрыв, буквально отбросивший в сторону два искореженных тела. Третьего повалило на землю, и капитан не был уверен, что он дотянет до эвакуации, а тем более до оказания квалифицированной медицинской помощи.

Тайник оставили в покое. Кроме всякого барахла в виде какого-то тряпья и остатков сублимированной пищи, там нашли и поврежденные взрывом боеприпасы, которые при неосторожном обращении могли запросто сдетонировать.

Ко второму обнаруженному тайнику даже и подходить близко не стали. Все оставили для саперов, это была их работа.

Капитан Феннадин вдруг остановился, что-то высматривая в небе.

– Что случилось, господин капитан? – шепотом спросил лейтенант, следя за взглядом своего командира.

– Гринга нет...

– Может, улетел?

– Наш на месте, а их улетел? – с иронией произнес Али Феннадин.

Лейтенант Нури поднял голову вверх и действительно увидел, как их гринг парит над ними. Деться от него некуда, а капитан запретил стрелять в него из-за опасения выдать свое местоположение, надеясь, что противник не знает об этом свойстве птицы.

Лейтенант еще раз всмотрелся в небо сквозь густые ветви секолойи и вдруг увидел пролетевшего гринга.

– Вот он, господин капитан.

– Вижу... вперед.

Неизвестно, что именно стало причиной невнимательности капитана, ветви деревьев или же жгучее желание как можно скорее завести противника в подготовленную им ловушку, но о белом пере в хвосте гринга Феннадин вспомнил только тогда, когда раздались первые выстрелы и двое солдат, бежавших рядом с ним, упали замертво. Хотя со стороны казалось, будто они просто споткнулись о корни деревьев, но почему-то никак не желали вставать.

Не оставалось ничего другого, как принять бой. Капитан скорее почувствовал, чем посчитал количество солдат противника. По всему выходило, что половины диверсантов не хватает.

«Твою маму! – вдруг осенило Али. – Как же я мог попасть в такую классическую засаду?!»

Капитан Феннадин уже догадался, что вторая половина диверсантов заходит ему в тыл. Но с какой стороны? Впрочем, это было уже неважно.

– Отходим, отходим! – скомандовал капитан солдатам, которые стали обходить противника с флангов и, пользуясь численным преимуществом, вскоре надеялись дожать противника.

Солдаты смотрели на своего командира с непониманием, но дисциплина все же сделала свое дело и они стали отступать, как им казалось, от почти поверженного врага.

Но, видимо, оказалось слишком поздно. Сзади зазвучали скупые автоматные выстрелы, и еще несколько бойцов упали в траву. Потом начался самый настоящий шквал огня. К автоматной стрельбе добавились разрывы гранат, и застрекотал пулемет, рубивший ветки, как топором. От такой лавины огня пришлось буквально бежать, причем, их не преследовали.

Капитан Феннадин присел на поваленное бурей дерево. Он где-то потерял патронташ, но вмятина на бронежилете сказала ему, что он вообще чудом остался жив. Крупнокалиберная пуля пулемета срикошетила, а стой он немножко под другим углом или стреляй противник чуть более прицельно, лежать бы ему сейчас с вывороченными кишками рядом с остальными солдатами, из которых в живых осталось десять человек.

– Может, вызовем бомбардировщики? – несмело предложил лейтенант Нури.

Его левая рука висела безжизненной култей, здоровой ладонью он зажимал плечо, а с пальцев стекала тоненькая струйка крови.

– Нет. Вызвав авиацию, мы поставим на своей дальнейшей карьере жирную точку. Тебе это нужно?

– Нет, но...

– Никаких «но». Я достану их. К тому же бомбардировщики перепашут весь этот лес, но не гарантируют уничтожение хорошо оснащенных диверсантов. А нам их нужно не столько уничтожить, сколько взять живьем.

– Понял...

48

Солдаты бежали. Засада получилась что надо, но это не означало, будто можно медлить. Сколько убили противников, считать не стали, и так понятно – погибших довольно много. Раненых добивать также не стали, чтобы вконец не озлоблять преследователей. То, что погоня продолжится, сомневаться не приходилось.

– Теперь нам хана, – произнес старшина.

Лейтенант только кивнул, закидывая за спину рюкзак. Он понимал, сейчас они, скорее всего, нанесут авиаудар, как это делали на Земле в его время, и нужно как можно скорее

выйти из зоны возможного поражения, а для этого необходимо изменить направление движения.

Солдаты, выбираясь на открытые участки леса, поглядывали в небо, но самолетов не видели. Это начинало нервировать, ибо не являлось логичным завершением любой операции преследования.

Оставалась вероятность, что по ним хотят нанести ракетный удар, но Роман понимал, что это слишком дорого и не точно.

Лес становился реже, а деревья ниже и менее влаголюбивыми. Приближались горы, за ними находились первые поселения. Именно туда стремились неизвестные боевики, сбившие самолет, и за которыми увязались солдаты.

Все чаще стрелял Чуй, меткими выстрелами сбивая когтистых птиц, которых на редколесье становилось все больше.

– Они нам готовят засаду, – первым озвучил старшина мысль, мучившую всех солдат.

– И что ты предлагаешь? – спросил Камышов, понимая, вариантов действий у них не так много, и один из них – это сменить направление движения отряда.

– Сменить маршрут, – подтвердил мысль лейтенанта старшина. – И сделать более глубокий крюк.

– Хорошо, – пожал плечами Роман. – Давай попробуем...

Бой начался неожиданно. Просто три солдата, шедшие в авангарде в ста метрах от основной группы, шестым чувством почувствовали, что они здесь не одни, и по едва заметному сигналу командира группы начали стрелять во все стороны из автоматов, быстро перемещаясь по местности, уходя от ответного огня, одновременно засылая гранаты из подствольников в близлежащие кусты.

Правда, длился этот бой всего секунд пятнадцать. Ответным огнем их подавили, и они уже не отвечали и не двигались.

– Вот и все, – передернув затвор, произнес старшина, быстро сбрасывая рюкзак и кладя на землю возле ствола дерева, готовясь использовать его как дополнительную защиту.

Лейтенант Камышов лишь кивнул, соглашаясь с Фрейндлихом. Солдаты быстро рассредоточились, стремясь занять как можно более выгодные позиции.

Поначалу они видели какие-то неясные тени, которые перемещались от дерева к дереву, сужая кольцо вокруг солдат. Но с метким выстрелом Чуя, сбившим с ног одну из таких теней, начался самый настоящий шквал огня во всех направлениях. И вскоре уже стало непонятно, кто в кого и откуда стреляет.

В нескольких километрах, почти у самого подножия гор, расположилась временная стоянка контрабандистов. Ночью в горах делать нечего. Можно запросто оступиться на тропе, будь она тебе известна хоть с самого рождения, и ты по ней частенько прогуливался. Но ночью все становилось другим – незнакомым.

Пропасть на отдельных участках буквально засасывала, и ходить там с животными было равносильно самоубийству.

Каламбек Салеман кормил свою собаку, вздрагивавшую при каждом вскрике ночной птицы или завывании калакана. Многие удивлялись, зачем он таскал с собой эту трусливую псину, но Каламбек и сам не знал ответа. Может, потому, что однажды она его вывела из окружения имперцев?

Поскольку собака ни на какую кличку не отзывалась, а настоящей он просто не знал, Каламбек назвал ее Проводником.

Люди Салемана, громко переговариваясь, распрягли волов и привязали их к деревьям кормиться сочной травой, одновременно очищая спины животных от налипших и уже напившихся крови паразитов.

Собака очередной раз вздрогнула и повернулась заостренной мордой в лес.

– Что случилось, Проводник? – поинтересовался Каламбек. Он не слышал ни криков птиц, ни воя калакана, а потому не понимал, что именно собаку так насторожило.

Хотя причин тому могло быть много, лес дикий, в нем водится множество зверья, в том числе хищников, которые запросто могли приблизиться к стоянке, почуяв сладкий запах пота волов, да и самих людей, не мывшихся вот уже вторую неделю и провонявших так, что самим было противно.

Собака дрожала, и Салеман прикрикнул на своих людей, чтобы те замолчали. Ему такое поведение Проводника не нравилось, особенно если учесть, что весь этот переход получился донельзя странным и непохожим на другие.

Они здесь явно не одни. Возможно, это вторая группа контрабандистов, особенно если учесть те два приземлившихся шаттла. Тогда они сбили один самолет, просто не могли удержаться от того, чтобы хоть как-то не насолить имперцам.

Потом прилетели другие самолеты. Каламбек тогда довольно сильно испугался, думая, что это за ними, но все обошлось. Они сбросили бомбы, но одному снова не удалось уйти, и он рухнул в лес.

– Что случилось, Каламбек? – недовольно спросил его помощник Саир.

– Ты что-нибудь слышишь, Саир? – спросил Каламбек, вглядываясь в черноту леса.

– Нет, – легкомысленно ответил тот.

– Прислушайся внимательней, видишь, как Проводник дрожит...

– Да он все время дрожит, – со смехом ответил Саир, запихивая в рот большую дозу жевательного табака.

– Прислушайся, – уже жестче повторил Каламбек, добавив мягче: – У меня после контузии проблемы со слухом.

– Хорошо...

Поначалу Саир ничего не слышал, кроме звуков в лагере. Тихое мычание волов, жужжание пролетевшего мимо жука, шелест листьев. Но потом эти звуки отошли на второй план.

Саир стал слышать какое-то эхо, будто сотня дятлов одновременно долбила в стволы деревьев в одном месте, и эти звуки иногда заглушались более звонкими ударами.

– Что там? – спросил Каламбек, видя, как удивленно поднялась бровь Саира.

– Там бой... и очень жаркий. Не меньше полусотни стволов.

– Понятно.

– Что думаешь делать?

Саир не любил этот задумчивый взгляд хозяина. Он всегда означал что-то неординарное. Прошлый раз после такого вот взгляда пришлось съезжать на заднице с горы, когда все перевалы оказались закрыты после неожиданного снегопада. Тогда трое разбились насмерть, слетев с обрыва.

– Думаю, там имперцы с кем-то схватились. Как думаешь, с кем?

– Ну, если это как-то связано с теми челноками, то с людьми Федаина. Его клан достаточно богат, чтобы использовать такую дорогую технику.

– Правильно. А что у нас с Федаином? – задал наводящий вопрос Каламбек Салеман.

– Мир.

– Точно. Но даже они стараются не пользоваться челноками, а здесь их было целых два. Значит, груз действительно очень дорогой.

– И мы имеем право потребовать часть груза, – договорил Саир.

– Верно. Этот мир нам очень нужен... а если они узнают, что мы были неподалеку и не помогли, то?...

– Они объявят нам войну, – неохотно произнес Саир, понимая, что им придется вмешаться в чужую разборку. Но за часть чужого груза можно и пострелять.

– Правильно. Все в ружье!

раз подтвердить мирные намерения с соседом, но и сделать это достаточно быстро, чтобы имперцы не перебили людей Федаина и не утащили или не уничтожили груз. Чтобы потом не возникло никаких нареканий и взаимных подозрений.

– Это не люди Федаина, – произнес Саир, разглядывая картину боя в бинокль. – Это вообще не оуткасты...

Видно было очень плохо, но кое-что он разглядеть все же сумел.

Имперцы окружали тех, кто отстреливался, причем весьма эффективно. Кто-то относил раненых в сторону за холм, их набралось уже с десятков человек, и не кого-нибудь, а егерей, не самых слабых солдат. Правда, выходило, что их слишком много.

«Это ж сколько они убитыми потеряли?» – невольно подумал Саир.

– Кто они? – настаивал Каламбек. – Ни черта не вижу...

– Такой формы, как у них, и такого оружия ни у кого из известных мне кланов нет. И никакого намека на груз я не вижу... только рюкзаки.

– Ладно, – почесав в голове пятерней, задумчиво произнес Каламбек. – Ясное дело, что-то тут нечисто. Как говорится, враг нашего врага – наш друг, поэтому давайте...

Люди Салемана быстро разбежались по периметру и залегли в пятидесяти метрах друг от друга, образовав длинную дугу за спинами атакующих. По сигналу они открыли огонь в спины ничего не подозревавших егерей.

Довольно быстро имперские солдаты на этом участке были либо перебиты, либо отошли, поскольку понимали, что под перекрестным обстрелом им долго не продержаться.

– Кто бы там ни был, двигайтесь сюда! – во всю глотку закричал Каламбек.

Наступила заминка – егеря перегруппировывались с учетом нового противника, и пока они перестраивались, солдаты получили возможность воспользоваться неожиданным предложением, настоящим подарком судьбы.

Каламбек видел, как после легкого недоумения и растерянности неизвестные люди все же воспользовались предоставленной им возможностью и, подбирая раненых и убитых, бросая свой груз, отстреливаясь, двинулись к нему.

Когда их попытались атаковать имперцы, его люди не оплошали и те отступили, не имея представления о количестве подкрепления противника. Так что уйти удалось без особых проблем.

– Кто вы? – спросил Каламбек, безошибочно определив среди незнакомцев их командира, по тому, как к нему обращались и как тот осматривал раненых, а их оказалось много.

Правда, неожиданно мало оказалось убитых. Из вынесенных – три человека. Хотя не известно, сколько их осталось на поле боя.

– Хм-м... Думаю, вам лучше оставить все свои вопросы на потом.

Автопереводчик на незнакомце очень удивил Каламбека и его людей, особенно их удивил внешний вид спасенных – самые что ни на есть натуральные хлюпики. Но делать нечего, сейчас действительно следовало как можно быстрее уносить ноги. Имперцы могли и передумать.

Салеман приказал своим людям помочь новым «друзьям» донести тела погибших.

– Думаю, будет лучше, если мы сейчас все поднимемся в горы, – сказал лейтенант Камышов своему спасителю.

– Вы не представляете, о чем говорите, – ответил Каламбек.

– Представляю, но нам нужно достичь гор. Мы очень разозлили тех, которые воевали с нами. Очень.

Тон, которым говорил незнакомец, очень не понравился Каламбеку, но в нем чувствовалось, что человек знает, о чем говорит.

– Хорошо...

Волы сопротивлялись, когда на них снова надевали хомуты и грузили поклажу, считая, что они уже выполнили свои обязанности на сегодня, но люди проявили настойчивость, и они подчинились.

Поверх груза по настоянию командира незнакомцев положили их погибших товарищей.

До гор пришлось добираться целый час, но подниматься не стали, просто вышли из леса и скрылись в ближайшем ущелье, больше похожем на глубокий овраг.

То, на что показывал наблюдатель, очень не понравилось Салеману. В небе виднелось десять точек. Бинокли с режимом ночного видения с трудом позволяли разглядеть в них тяжелые бомбардировщики «Б-102».

Машины тяжело разошлись в стороны и, открыв люки, начали сбрасывать бомбовую нагрузку. Маленькие точки бомб рассыпались в стороны друг от друга, обеспечивая максимальную площадь покрытия, а не сыпались как водопад вертикально вниз.

Стена огня понеслась по лесу, вырывая деревья с корнем, а бомбардировщики все бомбили и бомбили. Казалось, запас бомб в их люках прямо-таки неисчерпаем. Но бомбардировщики не рог изобилия, и бомбы закончились, правда, засыпав даже подножие гор.

– Вы их действительно очень сильно разозлили, раз они пошли на такое, – согласился Каламбек, наблюдая за тем, как горят десятки, сотни гектар леса. – Очень сильно.

– Да уж... хотя по плану ничего этого не должно было случиться.

Лейтенант стал устраиваться на ночлег.

За пожарищем с широкой улыбкой наблюдал и капитан Феннадин. За свою карьеру он не слишком беспокоился, хотя решение о бомбардировке ему далось все же нелегко. Он считал, что одна неудача лишь удлинит его путь вверх по служебной лестнице. Тем более, во всем окажется виноват лишь генерал-паша.

Но что поделать, если противник оказался неожиданно сильным и делал смелые вылазки под огнем, заставляя егерей, у которых не было опыта таких крупномасштабных сражений, отступить. Они лишь проводили преследования, их конек – поиск, а не уничтожение. Тут еще неизвестный противник со спины подкрался.

Так что Али улыбался, сжимая в руках рацию, и надеялся, что диверсанты все же сгорели в этом пламени вместе со своими союзниками.

50

Ночь пришлось переждать в ущелье, хотя и немного выше, чем они первоначально расположились, из-за удушающего дыма от лесных пожаров после бомбардировки.

Каламбек с выводами спешить не стал и повел новых знакомых в свое селение. Он даже оставил им их оружие. Люди были совершенно непонятными, поэтому принимать решение он оставил другим, имеющим больше полномочий.

Лейтенант Камышов не горел желанием рассказывать свою историю и то, зачем они, собственно, здесь появились.

Переход был трудным, того и гляди сорвешься в пропасть. А ведь приходилось еще поддерживать раненых, их оказалось одиннадцать человек. «Тяжелых» положили на волов. Роман и сам получил две пули в шлем и плечо, и будь кираса чуть слабее, уже давно бы изжарился в огне, черный дым от которого застилал все небо.

Взвод в бою потерял троих. Одного расстреляли в авангарде, двоих тяжело ранило. Во время вылазки или контратаки их удалось вытащить буквально из лап оуткастов, поплатившись за это еще двумя ранеными. Еще двоих потеряли в бою.

Погибших по настоянию проводников пришлось все же оставить. Да и куда их тащить? Поэтому похоронили в горах на перевале прямо в ледниках, но Роман хорошо понимал, что уже никакие медицинские технологии не смогут их оживить, слишком много прошло времени, и процессы разложения сделали свое черное дело.

Иногда над долиной, отстреливая противоракетные шашки, пролетали самолеты, отслеживая возможно оставшихся в живых диверсантов, но так и ничего не найдя, все же

переключились на горы.

– Во как носом землю роют, – недовольно произнес Каламбек, сплюнув жевательный табак и выглядывая из-под скального козырька, где укрылся весь караван. – Что вы им такого сделали?

– В принципе, ничего такого... пока.

– Интересно говоришь, – неодобрительно покачал головой Каламбек, придерживая своего дрожащего пса. – Ну, да ладно.

Камышов так и не понял, почему тот дрожит, то ли от холода, то ли от страха.

Самолет улетел, и караван снова продолжил свой путь. Пришлось еще несколько раз спускаться и подниматься, пока они через три дня не оказались в долине, а потом снова в лесу. Еще через пару дней пришли в селение.

Поселение, к удивлению солдат, практически ничем не отличалось от тех, которые им приходилось «зачищать». Только дома в основном были двух– трехэтажные.

О чужаках здесь уже знали, а потому каждый мужчина держал в руках оружие. Детишки показывали на них пальцами, женщины уводили ребятню во двор.

Перед мечетью в центре поселения солдат остановили и разоружили.

– Кто вы такие? – спросил вышедший из мечети мужчина лет пятидесяти.

– Мы будем говорить со старейшиной, – произнес лейтенант.

– Я и есть старейшина – Муслим Акиев, – представился тот.

– Лейтенант Камышов, вооруженные силы Земной Федерации, – представился Роман.

– А вы точно с Земли, а не отшельники, случайно? – переспросил старейшина. Он не верил, что землянин может воевать. Отшельник – еще куда ни шло. Там ребята крепкие.

– С самой что ни на есть Земли, – подтвердил Роман.

– И что мне с вами делать?

– Тебе виднее. Но для начала мог бы оказать помощь раненым, а потом доложить о нас своему начальству, если оно, конечно, у тебя есть, или совету старейшин своего тейпа. Я точно не знаю вашу иерархическую систему управления.

– Я доложу кому надо, можешь не беспокоиться. А пока отведите их.

Десятка два человек подхватили их под руки и повели на окраину поселка, там они открыли люк прямо в земле и показали вниз.

– Туда? – спросил Роман.

– Да, давайте живее...

Пришлось спуститься в глубокую сырую воняющую плесенью яму.

– Что же вы за сволочи такие?! – воскликнул один из солдат. – Неужели за две тысячи лет вы так и не смогли придумать ничего умнее, чем яма?!

– Ладно тебе, – остановил его товарищ, – хоть раненых в другое место отвели. Будем надеяться, что в лазарет.

– Тоже верно...

Когда глаза привыкли к темноте, оказалось, что здесь сидит еще несколько человек. В рубище с трудом угадывалась форма имперских вооруженных сил.

– Что ж, – задумчиво произнес старшина Фрейндлих. – Возможно, мы попали по адресу.

Старейшина действительно доложил о незнакомцах кому следует – совету старейшин. Собираться лично не имело никакого смысла, да и времени нет. Неизвестно, как далеко пойдут имперцы, чтобы достать своих врагов. Потому пришлось использовать видеофонную связь, устроив селекторное совещание, для чего на большом столе помощники расставили два десятка аппаратов, чтобы видеть каждого старейшину тейпа.

Акиев рассказал старейшинам историю, которую он услышал от своего караванщика Каламбека Салемана, про бой и отбитых у имперцев неверных, принятых им за федаинцев.

После тридцатиминутной дискуссии было решено передать пленных Федаину – главе самого могущественного клана в округе и самого могущественного из тех, которые

противостояли эмиру Аль Хусейну. Тем более, эти пленники косвенно связаны с ним.

После совещания Муслим Акиев связался с самим Федаином.

– Приветствую, брат, – поздоровался старейшина, приложив правую руку ко лбу.

– Приветствую. Что случилось, зачем ты звонишь мне?

– Ты, наверное, уже наслышан о приземлении в нейтральной зоне двух челноков?

– Это не мои, – мгновенно отреагировал Федаин.

– Я знаю. У меня находятся те, кому принадлежат эти челноки.

– Вот как?! И что ты хочешь?

– Мои люди отбили их у имперцев, считая, что помогают тебе...

– Но это не так, значит, о компенсации речи быть не может. Чего же ты хочешь? – удивился Федаин, плохо понимая, к чему клонит собеседник.

– Откровенно говоря, мы не знаем, что с ними делать. Я знаю, назревает что-то большое, в чем нам предстоит принять участие, и, хотя сам еще не разговаривал с пленными, уверен, они тут по этой же причине. Точнее говоря, с той же целью.

– Вот оно что...

– Да, и я хотел бы отдать их тебе.

– Не бескорыстно?...

– Ну... – на секунду замялся старейшина, – да.

– Ладно, я пришлю к тебе своих людей и выкуп за пленников.

– Благодарю.

Через несколько дней сидения в яме солдат вывели на свет, однако явно не для разговора. Рядом с парой грузовиков стояли хмурые бородатые ребята и смотрели на вылезавших из-под земли ослабленных пленников.

Все же за это время их немного подлечили, хотя общие санитарные условия оставляли желать лучшего. По стенам ползали слизни и непонятные насекомые, да и в туалет приходилось ходить прямо здесь же, в спущенные ведра, которые частенько забывали убирать, отчего они переполнялись, и при любом неосторожном движении их зловонное содержимое проливалось, только успевай отскакивать.

Люди Муслима Акимова грузили в кузов всю амуницию солдат: несколько уцелевших рюкзаков, бронежилеты и оружие. В обмен получали что-то в ящиках.

– Сдается мне, здесь идет купля-продажа, – поделился выводами старшина.

– И сдается мне, что объектом этой торговой сделки являемся мы сами, – подтвердил вывод лейтенант Камышов.

– Надеюсь, нас выкупают не ради того, чтобы использовать как обычных рабов?

– А кто их, ублюдков, знает?... Но будем надеяться на лучшее.

– Будем, а то ишь как волками смотрят, будто дырок в нас хотят наделать.

Солдат погрузили в машины, и, не задерживаясь надолго, тронулись в путь.

51

Капитан Али Феннадин все же немного ошибся насчет своей дальнейшей судьбы, но не сильно. Виновным действительно признали генерал-пашу. Его куда-то вызвали, и больше никто о нем ничего не слышал, вместо него появился новый начальник штаба полковник Дзасохов.

Он-то и начал активную деятельность, направленную скорее всего на то, чтобы показать именно эту активную деятельность. Для этого он разжаловал капитана в лейтенанты и перевел в оперативную группу поиска, болтавшуюся по лесу в надежде найти что-нибудь интересное.

– Тел диверсантов не нашли, – сказал полковник Дзасохов. – Но, учитывая твои прошлые заслуги, я даю тебе шанс оправдаться. Теперь ты сам командир диверсионной группы. Найди либо самих диверсантов, либо тех, кто им помог. Задача ясна?

– Так точно, господин полковник, – козырнул уже лейтенант Феннадин.

– Выполняй.

И вот лейтенант Феннадин вел свой взвод по следу контрабандистов. На этот раз в тайниках действительно оказались тела погибших диверсантов, но уже без сюрпризов, что, впрочем, ни о чем не говорило.

А вот дальше след терялся. В горах выпал снег, сошло несколько лавин, закрывших тропы. Пришлось искать другие ходы через перевал. Такие проходы нашли, но след окончательно потерялся.

Впрочем, Али примерно знал, куда направлялся караван. Таких точек три, и все три являлись селениями разных кланов, по сути своей представляя собой перевалочные базы.

Все они находились примерно на равноудаленном расстоянии, и Феннадину довольно трудно было выбрать, куда двинуться в первую очередь. После недолгих раздумий он решил двигаться в ближайшую деревню. Там он собирался взять «языка» и все подробно выведать. Слухи распространялись здесь очень быстро, и, главное, им можно доверять.

– Господин ка... лейтенант, – обратился подбежавший сержант, который служил с Феннадином раньше и уцелел в засаде, а теперь снова был вместе с ним.

– Что такое, Хазар?

– Приборы фиксируют шум моторов на дороге, примерно в полутора километрах.

– Хорошо, все в укрытие.

Солдаты лейтенанта попрятались в кусты и приготовились к атаке. Они теперь сами были диверсантами, и если в машинах не мирные жители, то они сожгут этот транспорт.

Машины оказались грузовиками с тентовым покрытием, но из-за откинутых полов наблюдатель смог разглядеть, что находилось внутри.

– Что там? – спросил лейтенант, когда наблюдатель вышел на связь.

– Люди... кажется, это люди Федаина... Что-то везут в кузове.

– Что-нибудь еще?

– Больше ничего не видно.

– Ну и ладно. Федаин тоже неплох. Враг Революции... Открыть огонь.

Солдат, встав в полный рост, коротким замахом бросил гранату в первую машину, и та взорвалась прямо под ее днищем, повалив транспортное средство на бок. Тут же начался шквальный обстрел второй машины.

Машины трясло на колдобинах, и каждый удар больно отдавался в заднице, особенно после трех часов пути без возможности пошевелиться с завязанными руками и ногами, в лучших традициях бородачей. Охранники сидели на скамейках по бортам, а их пленники скрючились на жестком полу.

– Куда нас везут? – спросил Роман одного из бородатых, опознав в нем главного по тому, как все слушались его.

– Приедешь, узнаешь.

– Но для чего нас хотя бы везут?

– Приедешь, узнаешь.

– А кто ваш хозяин?

Неразговорчивый командир бородачей сделал замах, чтобы ударить словоохотливого пленника, но неожиданно раздался громкий взрыв, и тут же началась стрельба.

Несколько убитых боевиков сразу же повалились на солдат. Машина вильнула на пробитом колесе и съехала в овраг, где, не удержавшись на двух колесах, так же как и первая, повалилась набок.

Все, кто был внутри, свалились в кучу, больно давя друг друга ногами, стараясь во что бы то ни стало выбраться наружу.

Камышов выхватил связанными руками нож у убитого боевика и стал быстро перерезать путы на ногах. Его примеру последовали другие, и вскоре уже все освободились от веревок.

Снаружи шел бой. Пули бились о днище машины, служившей хорошей защитой для

тех, кто оставался внутри, но было понятно, что залети сюда хоть одна граната, и это их не спасет. А гранаты на дороге рвались с завидным постоянством.

– Покинуть машину, – приказал своим людям лейтенант.

– И что потом? – спросил старшина, поскольку ситуация была явно двусмысленной. – Бежать?

– Не надо, пристрелят. Лучше, если мы сами вооружимся. А там уже видно будет. Тяжелораненым лежать и не двигаться.

– Хорошо.

Солдаты, прорезав тент, стали выпрыгивать наружу через разрез, прижимаясь к земле в овраге. Бой только разгорался.

Командир боевиков прицелился в Романа, когда тот собрался поднять оброненное убитым федаинцем оружие.

– Ты чего? – спросил он.

– Вас сейчас перебьют, – закричал Камышов, оглядываясь по сторонам, – посмотри, от твоих людей уже ничего не осталось, а там не наши друзья. После вас станут добивать нас. Думаю, будет лучше, если мы станем действовать заодно.

Роман под подозрительным взглядом федаинца все же поднял оружие и начал стрелять через дорогу, туда, где засели напавшие на миниколонну. Это несколько успокоило бородача, и он вернулся к прерванной стрельбе, признав в пленниках пусть временных, но союзников.

Усилившийся огонь стал неприятной неожиданностью для нападавших, но они не отступали, и даже, наоборот, предприняли новую атаку, но не слишком удачную, потеряв два человека убитыми и трех ранеными.

Несколько солдат Камышева сумели пробиться к перевернутой машине, когда плотность огня немного снизилась, а их закрыл от глаз противника дым от горевшего топлива, вытекавшего из баков грузовиков, создавая опасность нового взрыва, и через разорванный тент стали бросать в овраг рассыпавшееся на дороге снаряжение.

Солдаты быстро вооружились уже привычными «даггерами», и пока одни отстреливались, другие напяливали на себя бронежилеты. После того, как все вооружились, огневая мощь возросла в несколько раз: застучал пулемет и начали рваться подствольные гранаты, которыми солдаты буквально забросали противоположный овраг и кусты, откуда велся наиболее плотный огонь. Противник почел за лучшее отступить.

Когда противник скрылся в лесу, оружие направили друг на друга бывшие союзники – пленники и конвоиры. Среди тех и других было много раненых и убитых. Роман с облегчением отметил, что последних среди его солдат нет, есть новые раненые, но нет погибших. Это радовало.

– Нас больше, – призвал к благоразумию боевиков Камышов, – шестнадцать против шестерых. Лучше ответьте на несколько вопросов, и мы подумаем, как поступить дальше.

– Какие вопросы?

– Куда нас везут? Точнее – везли?

– Я не могу сказать.

– Послушай, мы ведь сейчас просто возьмем и уйдем в лес, с пальбой или без, это уже зависит только от вас. Но мне почему-то кажется, что в этом случае вам не повезет. Конечно, и нам достанется, но все же... Ну, так как?

– Хорошо, – согласился после недолгих раздумий командир боевиков, – я отвечу. Вас везли к моему хозяину в его родовое селение.

– Зачем?

– Не знаю.

– Ладно. Твой хозяин находится во вражде с эмиром Аль Хусейном?

– Да.

– Хорошо, – с облегчением выдохнул Роман. – Вы случайно не готовите переворот?

Боевик быстро взглянул на Камышова. В этот момент в его голове пронеслось сотни

мыслей, но ни одна не задержалась надолго.

– Ну? – потребовал Роман.

– Твое какое дело?! – с вызовом ответил тот.

– Значит, готовите. – Сделал вывод лейтенант. – Что ж, гаврик, поехали к твоему хозяину.

– Seriously? – не поверил бородач и переспросил: – Вы собрались ехать к моему хозяину?

– Конечно. Собственно, мы к вам и направлялись, не конкретно к вам, а в общем к вам. – Сделал обобщающий жест рукой Роман. – К тем, кто против существующего режима...

Командир боевиков ничего не понял, но согласно кивнул головой.

– Ну что, поехали?

– Поехали...

С помощью союзников они вытащили вторую машину из оврага, заменили пробитые колеса запасными и продолжили путь. Первую машину оставили гореть на дороге.

Лейтенант Феннадин отступил перед превосходящими силами противника и, только отойдя в глубь леса, вспомнил, что где-то уже слышал этот до боли знакомый звук автоматных выстрелов. «Не далее, как неделю назад», – подумал Али.

– Что-то мне в последнее время не везет, – вслух подумал лейтенант.

– Не переживайте, господин, – вдруг сказал шедший рядом сержант. От разорвавшейся рядом с ним гранаты затуманилось бронестекло шлема и посекло бронежилет. – Просто у вас черная полоса, но ее нужно пройти до конца, и тогда вы снова поймаете удачу за хвост.

– Твои слова да Всевышнему в уши, – сказал Али, не став сердиться на сержанта. Тем более что тот говорил искренне. Хотя, возможно, его покладистость объяснялась простой усталостью. – Будем надеяться, сержант, что твои слова окажутся пророческими. Да поможет нам Всевышний.

52

Федаин в последнее время много размышлял. Иногда он становился чрезмерно грубым, и все понимали – хозяин снова не в духе, и к нему лучше не приближаться.

Такие настроения его посещали, когда он начинал сомневаться в своих реальных возможностях и возможных результатах. Но потом снова наступал откат, внутренний голос начинал опровергать доводы разума и на каждое «нет» давал свое «да».

«Силы Хусейна распылены, – уже в который раз думал Федаин. – Его войска воюют с Землей, оставляя в каждой колонии внушительный оккупационный контингент до ста тысяч человек. Конечно, многие из них – это бывшие противники, согласившиеся поучаствовать в войне с неверными ради откровенного грабежа. Но все же среди солдат больше сторонников Хусейна. Под его началом десятиллионная армия. Формируется новый флот, и еще какая-то часть солдат отправится к последнему сражению на Землю. Значит, на Оуткасте останется не так много сил. У меня есть шанс, у меня определенно есть шанс».

На этой счастливой ноте к нему подошел слуга, неся в руках видеофон.

– Кто там?

– Господин Намиль Абурхос, мой господин.

– Давай же его скорее сюда, остолоп! – нетерпеливо замахал руками Федаин, буквально вырвав аппарат из рук слуги.

Он уже давно уговаривал Абурхоса присоединиться к его движению, но тот тянул время, набивая себе цену, прекрасно зная, что его клан второй по численности и мощи после тейпа Федаина и без его поддержки тому будет трудно что либо сделать.

– Приветствую, брат, – поздоровался Абурхос, когда Федаин включил видеофон.

– И я тебя приветствую, мой брат Намиль. Как здоровье, дети? От тебя долго не было

ни слуху, ни духу...

– Спасибо, со здоровьем у меня все в порядке. А как у тебя?

– Слава Всевышнему, не обидел. Тогда, может, мы поговорим о деле? – перешел к главному Федаин.

– Можно и о деле...

– Чего ты хочешь, Намиль? – отбросив всякие условности, спросил Федаин, хотя уже прекрасно знал, что ответит его собеседник.

– Кресло премьер-министра.

– Ты завышаешь свою значимость, Абурхос. Сам понимаешь, отдать тебе этот пост я не могу. Моя правая рука должна быть именно моей.

– Тогда...

– Я могу предложить тебе любые три министерства, за исключением военного и всех спецслужб, а также Министерства информации и тяжелой промышленности.

– Хм-м... Выбор не слишком велик, – обиженно проговорил Намиль Абурхос. – Но я согласен на пять портфелей.

– Хорошо, – после некоторого молчания ответил Федаин, прикидывая, у кого можно было бы этот портфель отобрать и заменить чем-то равноценным. Но навскидку таких кандидатур вспомнить не удалось. Слишком много нужных фигур, которых просто так обидеть никак нельзя. – Я согласен. Какие именно, обговорим чуть позже.

– Хорошо. До скорой встречи, брат мой.

– До встречи, брат.

У Федаина снова поднялось настроение. Сейчас у него действительно была реальная возможность заполучить власть во всей системе. Этот шанс у него увеличится, как только к Земле уйдет формируемый ударный флот, и будет сохраняться до тех пор, пока войска эмира Аль Хусейна не вернутся домой с победой и с богатой добычей. После этого у того появится очень много сторонников. И вот тогда уже ничего сделать будет нельзя.

Но пока флот не отошел от пределов границ системы, нечего и думать о мятеже, хотя силы на планете равны и, возможно, мятежники превосходят в мощи, но корабли на орбитах не способствовали хорошему настроению. Потому пока нужно было вести себя тише воды, ниже травы.

«Но как только они отойдут, я нанесу удар! – решил Федаин. – Я восстановлю историческую справедливость и, как мой великий прадед, буду править Оуткастом!»

Но действовать нужно до того, как Хусейн покинет Оуткаст, а точнее его следует уничтожить, иначе власть самого Федаина продержится ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы Хусейн привел свои корабли обратно.

Увидев, что хозяин находится в хорошем расположении духа, а, главное, он принял для себя какое-то решение, – это слуга уже научился определять по блуждающей улыбке на его лице, – к нему подошел распорядитель.

– Мой господин...

– Чего тебе?

– Закир вернулся, господин.

– Давно пора.

Федаин встал с подушек и отложил в сторону трубку кальяна. Пока он размышлял, все время курил не переставая, и теперь, разгоняя тучи дыма руками, он, шатаясь, вышел на свежий воздух. Впрочем, обкурился он не до такой степени, чтобы ничего не соображать. Потому его очень удивило, что пришла только одна машина из двух посланных. Но даже не это его удивило больше всего, а то, что пленники при оружии.

К балкону, на котором стоял Федаин, подбежал его подручный Закир.

– Приветствую тебя, мой господин, – положив правую руку к груди, поздоровался тот, склонившись в полупоклоне.

– Привет Закир, – небрежно махнул рукой Федаин. – Но почему у тебя одна машина, а эти неверные вооружены до зубов?

– Простите, господин, но на нас совершили нападение имперцы...

– Да, я слышал. Эти собаки засылают к нам своих диверсантов, чтобы устраивать провокации и поссорить добрых соседей друг с другом.

– Именно так, мой господин. Я потерял двадцать пять человек и машину. Они бы нас уничтожили полностью, если бы не помощь неверных, мой господин. Вместе с ними мне удалось отбиться от подлых имперцев.

– Очень интересно. А разоружить вы их не захотели или не смогли?

Закир понуро опустил голову.

– Понятно... И, тем не менее, они здесь. Это еще интереснее... – не зная, что и думать, произнес Федаин, разглядывая неверных.

Те стояли кругом, в центр поместив раненых, и было ясно, стоит только отдать неверный приказ, как они здесь все наспигуют свинцом, хотя прекрасно понимают, что и сами отсюда не выберутся. Потому следовало поступить мягче.

– Как они объяснили то, что сами согласились прибыть ко мне, хотя у них была реальная возможность спокойно уйти?

– Взаимовыгодными интересами, мой господин...

– Оч-чень интересно. Я поговорю с их командиром об этих самых интересах, но они все же должны сложить оружие.

– Слушаюсь.

Лейтенант не стал упрямыться, если уж сами залезли в логово льва, то не следовало делать резких движений, и он положил свой автомат и пистолет на землю, оставив себе только десантный нож. Его примеру последовали остальные солдаты. Не для того они тряслись в машине пять долгих дней, чтобы начинать новую свару.

Закир недовольно посмотрел на ножи, но, увидев одобрительный кивок хозяина, разрешавшего оставить их неверным, ничего не сказал.

– Хозяин ждет вас.

– Спасибо.

Лейтенант последовал за подручным Федаина, проводившим его в роскошные апартаменты своего хозяина.

В комнате стоял устойчивый запах дыма, от которого начинало слегка подташнивать, это несмотря на работающий кондиционер. Источник своеобразного аромата Камышов определил сразу – кальяны за прошедшие тысячелетия существенных изменений не претерпели.

Роман вслед за хозяином дома сел на подушки и отстегнул бронежилет. Здесь он уже просто бесполезен.

– Мои люди... – напомнил Камышов, когда они познакомились.

– О них позаботятся.

– Надеюсь, не в яме?

– Нет. Их отведут в гостинный двор, там есть все необходимое, но не будем о пустяках... – сказал Федаин, не зная с чего начать. – Вы говорили о каком-то обоюдовыгодном деле?

– Да. Если вы, конечно, связаны с теми, кто собирается устранить эмира Шалима Аль Хусейна от его непомерно тяжелых обязанностей перед своим народом.

– Хм-м... хорошо сказано, надо будет записать. Что ж, должен признаться, я связан с такими людьми.

– Тогда мы можем предложить свою помощь в этом деле.

Федаин задумался, но версию о провокации со стороны имперцев отбросил сразу. Просто эти ребята очень непросты, и хотя для большинства людей все эти неверные на одно лицо, он видел, что эти разительно отличаются от всех тех, виденных им раньше.

«Тысячелетние воины, – вспомнил Федаин информацию, прошедшую по закрытым каналам имперцев. – Вот они, у меня... И что мне с ними делать? Как использовать?»

– Почему я должен доверять вам? К чему мне проблемы? Не проще ли мне сдать вас и получить от эмира награду? – засыпал Федаин своего гостя вопросами.

– А что, за нас уже объявили награду?

– Да.

– У нас общая цель – ликвидировать Хусейна. А от нашей сдачи вам лучше не станет. Не думаю, будто эмир в благодарность приблизит вас к себе настолько, что это удовлетворит вас. Не думаю, – повторил Роман и поудобнее уселся на подушках. – В лучшем случае вам дадут какую-то подачку, которая, кстати сказать, ничего не изменит между вашими кланами, и вы останетесь врагами. К тому же подобное действие наверняка снизит ваш авторитет.

– Можно подумать, я тут самый главный, – попытался слукавить Федаин.

– А разве нет? – разыгрывая удивление, сказал Роман. – Мы немного изучили вашу историю и знаем, что не так давно ваш предок был правителем всего Оуткаста. А мы можем друг другу помочь. Вы получите власть, мы – конец войны.

– А с чего вы взяли, будто я прекращаю войну, а не продолжу ее как истинный правоверный?

– Это неизбежно. Вам придется вернуть часть кораблей обратно для укрепления своей власти, ибо кто-нибудь из адмиралов останется верным Хусейну даже после его смерти или, обладая флотом, сам захочет стать эмиром. Как ни крути, а большой войне придется положить конец. И времени у вас мало. Скоро Хусейн завоюет Землю, и тогда вам уже не на что рассчитывать, даже самые заклятые враги станут его сторонниками.

– С чего ты так решил? – спросил Федаин. Ему было неприятно слышать такие вещи.

– Ну, а как же! Он вернет их на Землю! А это цель всех правоверных, вы только что это косвенно подтвердили.

– Ладно, неверный, ты прав. Но с чего ты взял, будто вы мне нужны, каких-то шестнадцать израненных человек? У меня достаточно сил самому все сделать, без вашей помощи.

– Все зависит от того, как вы решитесь действовать, – парировал Роман. – Ломанетесь всем скопом, как делали это обычно, и Хусейн просто сбежит или спрячется, и тогда начнется затяжная война, которая может продлиться не один год. Насколько мне известно, такое уже бывало.

– Я понял. Что предлагаете вы?

– Узнать его точное местонахождение и ударить именно туда, а чтобы он не сбежал, организовать для этого настоящую войну, в которой связать все силы противника, чтобы ни одно подразделение не смогло выдвинуться ему на помощь. Придется вам постараться. Правда, для нашей операции потребуется специальное снаряжение... Свое мы посеяли.

– И вы хотите сказать, что полтора десятка человек способны на это? – с недоверием спросил Федаин.

– Ну, этого, конечно, маловато, – признался Роман. – Нужно довести численность атакующих примерно до полусотни, но не больше. Думаю, у вас найдутся крепкие ребята?

– У меня все найдется.

– Тогда, если вы согласны на сотрудничество, то мы могли бы обговорить некоторые детали предстоящей операции.

53

Детали операции обговаривались целый месяц. За это время солдаты подлечились. Подобрали надежное вооружение. В арсеналах Федаина нашлось все, что душе угодно, от легкого стрелкового до тяжелого вооружения. Подобрали все, кроме парашютов.

У него имелись реактивные десантные спускаемые аппараты, но для овладения подобными устройствами нужно долго учиться, к тому же по его струе спокойно можно навести ракеты, это не считая сильного выхлопа и шума. Такие аппараты хороши при крупных войсковых операциях, когда десантирование производили целые подразделения, а

никак не для секретных специальных заданий.

Но Федаин пообещал, что его умельцы при наличии необходимых чертежей смогут изготовить все необходимое. Поскольку отряд Камышова был десантным, такие чертежи они быстро нарисовали, все знали, как выглядит парашют и все его характеристики.

По плану предстояло спуститься на крышу. По своим каналам Федаин достал схемы резиденций эмира и их уровни защиты – каждый правитель строил для себя отдельную резиденцию, и не одну, но, видимо, это не очень помогало, схемы постоянно уходили на сторону.

Пришлось разрабатывать план проникновения для каждой резиденции отдельно, поскольку эмир Аль Хусейн мог в момент операции находиться в любой из них, где именно – еще предстояло уточнить.

Главное то, что удалось выяснить, – Хусейн в ближайший месяц останется на Оуткасте. Его флот к Земле уйдет без него, правда, руководить захватом самой Земли он прибудет лично, для чего догонит свои силы чуть позже.

– Почему он остается здесь так долго? – спросил однажды Камышов у Федаина.

– Боится.

– Потерять власть, пока он будет со своим флотом? – не понял Роман. – Но он же должен понимать, что вы удержите власть только до тех пор, пока он не вернется.

– Не этого, – улыбнулся Федаин, – это он и сам отлично понимает.

– Тогда чего?

– Он боится летать. Вообще летать, тем более в космосе. Он предпочитает передвигаться по земле. Поговаривают, к полету его готовят заклинатели змей – гипнотизеры... Но завоевать Землю он просто обязан лично, иначе авторитет его упадет, все достанется его адмиралам. Потому он прибудет туда в самый последний момент.

Сейчас бои идут на Замбе и Юлсае. Потом они, скорее всего, обработают Чайну. Там ожидается наибольшее сопротивление, уж больно там много народу и люди не такие трусливые. Я даже подумал, что один из твоих людей юлсаец, но у тех кожа желтая. После чего переключатся на саму Землю. В итоге до отлета Хусейна, когда тот наберется храбрости, – презрительно отметил Федаин, – у нас еще два месяца. Флот уйдет месяцем раньше. Думаю, времени на детальную подготовку более чем достаточно.

– Вполне...

Шло время. Первые модели парашютов десантники сразу забраковали, только взглянув на них. Несмотря на точные указания, некоторые крепления вообще отсутствовали, а стропы оказались слишком тяжелыми.

Пока оснастку переделывали, солдаты обучали пополнение прыгать с высоты, обучая теории и практике: за какие стропы можно тянуть для управления полетами, а за какие вообще нельзя хвататься; как сгибать ноги при приземлении, чтобы их не сломать по дуру.

Когда наконец все изделия пошили, начались сами прыжки, а точнее, земляне учили пополнение отрываться от земли, сбегая с горы, благо гор тут хватало на любой вкус и размер.

Занимались и сами солдаты, восстанавливая утраченные навыки и подтверждая свою причастность к славным рядам ВДВ. Хотя на службе в родной армии они прыгали мало, и совсем не прыгали, когда включились в реальную работу по поиску и ликвидации боевиков. В «горячей точке» они из небесной пехоты превратились в обычную, месившую грязь наравне со всеми остальными солдатами.

Когда все более или менее научились правильно планировать и приземляться, начались ночные полеты с полной выкладкой. Тут возникли проблемы, и нескольких человек после последней недели обучения недосчитались – разбились при приземлении. Один прыгнул особенно неудачно. Одного из кадетов занесло на макушку дерева, ветки активировали гранаты, и того разорвало на такие мелкие части, что и собирать нечего было, только крови

на соседние деревья набрызгало.

– Одно мокрое пятно осталось, – пошутил один из солдат так, чтобы бородачи не слышали.

Сам Роман все чаще думал об «Астре», а точнее о том, каково сейчас приходится экипажу корабля и доктору Стоун, в частности. Каково это болтаться несколько месяцев в космосе, прикинувшись обыкновенным астероидом, когда мимо то и дело пролетают чужие корабли, зачастую боевые? Каждый день жить в страхе, что тебя вот-вот раскроют. Наверняка это было по меньшей мере неприятно, а по большей – страшно, очень страшно.

Наверняка трудно, и не столько физически, сколько морально. Все системы жизнеобеспечения работают в минимальном режиме, чтобы не «светить» корабль. Из-за этого приходится отказываться от чистого воздуха и воды, яркого света в отсеках, все это гнетет и давит, заставляя людей от эмоционального перенапряжения видеть и слышать глюки. Так недалеко и до безумства. А уж на что способен человек в подобном состоянии – и думать не хочется.

Но лейтенант знал определенно только одно – корабль пока не нашли, а значит, маскировка работает на должном уровне. Ведь датчик на его груди по-прежнему «мертв» – не мигает красноватым цветом, не вибрирует и не звенит.

Но он не мог передать состояние экипажа корабля, все ли они еще в своем уме, и придут ли по зову, когда в этом возникнет необходимость. А то, что такая необходимость возникнет, не было никаких сомнений.

Знал Роман и то, что они пока еще не струсили и не ушли, об этом также оповестил бы его датчик. А уйти они могут только в одном случае, если он переломит этот самый датчик, послав тем самым сигнал о провале.

– О чем задумались, лейтенант? – подойдя, поинтересовался Федаин.

– О многом. Но вы ведь не о думах моих пришли поговорить?

– Не о них, – признался он. – О деле. Мои люди уже готовы к прыжкам?

– Вполне. Хотите начать операцию?

– Да. Флот эмира ушел к Земле три недели назад, думаю, медлить больше нельзя. К тому же выяснилось, что Хусейн перебрался в свой Северный замок. Значит, он пробудет там не менее двух недель, если, конечно, не изменит своим привычкам, говорят, в каждом своем дворце он остается на две-три недели.

– Да, мы ждали именно этого переезда, – кивнул Роман, – чтобы уже в глубине вражеской территории не метаться вслед за эмиром. Значит, пора выступать. Хусейн, сдастся мне, останется там до самого отлета. И вот-вот соберется с духом.

– Именно. Нужно спешить.

– Тогда вперед.

54

– Черепашки-нинзя, на!.. – усмехнулся сержант Галс, осмотрев всех солдат и бородачей придирчивым взглядом.

Камышов обернулся и посмотрел на стоявших за ним бойцов. «Действительно», – подумал Роман, соглашаясь с сержантом.

Парашютисты были все в черном, белели только щели для глаз, но и их вскоре должны скрыть очки ночного видения, поскольку опускалась ночь. За спинами у каждого висел рюкзак с дополнительным парашютом и боеприпасами, отчего все вместе выглядело как панцирь черепахи. На груди также имелись рюкзаки со специальным оборудованием, если придется резать бронированные двери в бункер. На всякий случай таких резаков в разобранном виде взяли три, Роман не был уверен, что добраться смогут все.

На пригорке разместилось пятьдесят человек, они разложили на земле свои парaplаны и ждали только приказа встать, натянуть стропы и сбегать вниз, чтобы ветер подхватил материю и поднял человека навстречу небесам. Но такого приказа от лейтенанта пока не

поступало.

Всех бойцов подвезли сюда – за пятьдесят километров от Северного замка. Переправляли по одному, по два человека, придав им разные образы. Большинство из них на территорию противника прибыли в виде честных граждан Империи: торговцев, путешественников, даже под видом погонщиков скота, ведущих свои стада на продажу. Были и такие, кого доставили скрытно, в основном это люди Камышова, им всем, кроме одного, появляться открыто никак было нельзя.

Как бы там ни было, все прибыли на место в назначенный час.

Стартовую гору выбрали так, чтобы между ней и резиденцией Хусейна находилось как можно меньше всяческих поселений, чтобы никто не заметил в небе неясные силуэты. Сделать это оказалось не так уж и сложно: эмир не любил, когда рядом с его дворцами были какие-то селения, этого требовала и система безопасности. В деревне всегда могли появиться недовольные и незаметно напасть на дворец, а при хорошей подготовке это могло быть вполне успешно осуществлено.

Камышов ждал, когда наконец оживет рация и даст сигнал к началу операции. Следовало поторапливаться, ночь уже вступила в свои права, и на черном небе горели яркие точки звезд, а над горизонтом восходила первая из трех лун, своим красным цветом не предвещающая ничего хорошего. Красный цвет – цвет войны и крови.

Лейтенант ждал, ждали его люди, когда за несколько сотен километров отсюда закончится подготовка к самой настоящей заварушке.

Федаин собирался провести отвлекающий маневр. Его люди готовились начать штурм столицы эмира Аль Хусейна, как только люди лейтенанта спустятся на крышу резиденции, чтобы боевики не пришли ему на помощь.

Для этого к столице он подвел около десяти тысяч штыков, и еще пятьдесят тысяч должны начать прорыв от границ враждующих с Хусейном кланов. Какие-то из кланов должны перейти на сторону Федаина в тот момент, когда начнется штурм города.

Это не считая более мелких столкновений с имперскими частями вдоль всех границ, контролируемых эмиром. К ним подключатся все, кто недоволен режимом как политической властью или у кого к ней имеются личные счеты вроде кровной вражды. Одним словом, бойня ожидалась не хилая – война всех со всеми.

Наконец рация ожила. Лейтенант приложил ее к уху и коротко сказал:

– Слушаю.

– Птичек можно выпускать, – прозвучала в ответ оговоренная фраза.

– Выпускаю...

После чего рация снова замолчала.

– Начинаем! – крикнул лейтенант и встал на ноги, надел шлем и нацепил на глаза очки ночного видения.

Амуниция сильно давила на плечи. Запасные рожки, гранаты, автоматы, и это не считая бронежилета. Все аккуратно прикрыто специальной материей, способной поглощать радиоволны, дабы их не засекли с помощью радаров. Даже сами парашюты сшили из подобной ткани.

Лейтенант подпрыгнул на месте, в последний раз убеждаясь, что все закреплено нормально, не болтается, ничего не шумит и случае чего не отвалится. Все как надо, ничего не давило в ненужных местах и не вызывало неприятных ощущений.

В лицо дул не слишком сильный ветер, в общем, погода для полета на парашуте стояла практически идеальной. Снизу нагретые за день камни отдавали свое тепло окружающему миру, создавая необходимый восходящий поток воздуха и значительно облегчая жизнь планеристам.

Камышов нагнулся вперед, натягивая стропы уже напрягшегося парашюта, и осторожно пошел вниз, все увеличивая скорость, наполняя парашют воздухом. Еще одно дуновение ветерка чуть не сбilo его с ног и не повалило спиной обратно на землю, но Роман сумел устоять и через секунду почувствовал, как его ноги оторвались от земли.

Роман снова испытал давно забытое чувство полета, почти мальчишеский восторг, он бы, наверное, даже закричал, если бы не знал, что ждет его впереди. Параплан послушно реагировал на сигналы управляющих тросов и, качнувшись влево и вправо, лейтенант взял курс на Северный замок – резиденцию эмира Аль Хусейна.

За лейтенантом Камышовым последовали все остальные. Один за другим солдаты, а за ними и федаинцы поднимались в воздух, проверяли управляемость парапланов и пристраивались друг за другом, образуя целый караван.

Случались и досадные промахи. У кого-то от сильного ветра развернуло параплан, и запутались стропы при разгоне. Кто-то споткнулся и упал из-за собственной невнимательности. Но они приводили все в порядок, делали новые попытки взлета, и в конце концов, в небе оказалось ровно пятьдесят человек, длинной ниточкой растянувшихся на ночном небосклоне.

Через двадцать пять километров, в половине пути, началась холмистая местность, и вероятность обнаружения сильно увеличилась, пришлось подняться выше. На высоте ветер усилился, и управлять парапланом стало значительно труднее. Возможно, для профессионала это и не составило бы большого труда, но здесь профессионалов не было, даже солдаты лейтенанта Камышова, откровенно говоря, ими не были, а тем более – бородачи.

Начались завихрения, и пару раз Романа хорошо потрянуло, но он сумел выровнять полет, и болтанка закончилась, так и не смяв парашют в комок. Но кому-то повезло меньше, и лейтенант услышал чей-то пронзительный крик ужаса. От страха боец даже забыл дернуть за кольцо запасного парашюта, так и грохнулся на землю с высоты тысячи метров.

Холмы закончились, и началась песчаная пустыня, где-то в ее центре находился Северный замок эмира Аль Хусейна. Впрочем, Роман не сомневался, компас точно вел его к цели, хотя компасом приборчик можно было назвать лишь условно – в нем имелось столько функций, что большую часть из них Камышов так и не освоил.

Спустя еще какое-то время в компасе отпала всякая необходимость, Северный замок стал виден как на ладони, освещенный сотнями прожекторов. Из-за яркого освещения – Роман подозревал, что Хусейн боится еще и темноты, – все здания комплекса были отлично видны, и не оставалось сомнений в том, где что находится. Плохо только то, что несколько прожекторов били вертикально вверх, и можно запросто попасть в их лучи.

– Начинаем снижение, – тихо проговорил Роман по переговорному устройству.

Длинная нитка начала деформироваться, и вскоре в небе было уже три неравных ряда: пять человек в правом, тридцать восемь человек в центре и трое слева. Недоставало еще троих, но это объяснялось просто, они последовали за первым неудачником и разбились уже в пустыне, только у одного из них хватило ума дернуть за спасительное кольцо и мягко приземлиться на песок.

Лейтенант искренне надеялся, что эти четверо из тех, кого спешно набрали на замену разбившимся при обучении из первой группы, поскольку именно им он выдал детали первого резака, а значит, еще два резака можно собрать без проблем. А если это не так, то в худшем случае не удастся собрать ни одного резака и в штурме отпадет всякий смысл.

Впрочем, у тех, кто шел по обеим сторонам от центральной группы, в нагрудных рюкзаках были не детали к резакам, а кумулятивные гранаты, и они уже начали заходить на свои цели.

55

– Можешь начинать, – проговорил Камышов, обращаясь к Федаину, чтобы тот начал отвлекающий удар, после чего выбросил рацию как ненужную.

Дальше все закрутилось с калейдоскопической быстротой. Центральная колонна пошла на приземление на центральное здание – саму резиденцию. Следовало не промахнуться, хотя площадь крыши поражала своими размерами, и не угодить в бассейн на этой самой крыше, также немаленький, а главное глубокий, так и утонуть недолго, запутавшись в стропах.

На четвертом этаже комплекса Северный замок находилась небольшая комнатка – центр электронного и визуального наблюдения внешних периметров охраны. Здесь стояло несколько блоков с большим количеством мониторов, отображавших самую различную информацию.

Сканеры, радары и просто телекамеры просеивали окружающее пространство по десятку различных показателей. Обычный человек даже и не догадывался, что такие параметры вообще существуют.

Например, подземные эхолоты сейчас выдавали на экране ломаную кривую, но компьютер, расшифровав звуки, говорил, что это крот роет свою нору. А нужна эта система для того, чтобы никто не сделал подкоп в резиденцию. То же самое было и с остальными датчиками, все они что-то показывали, но к диверсиям они не имели никакого отношения.

Зная это, пара охранников мирно занималась своими делами. Один читал запрещенные журналы с Ренегата, рассматривая упругие округлости голых девиц, снятых в откровенных позах. Второй курил косячок, закатывая от удовольствия глаза так, что виднелись лишь одни белки. Он включил вентиляцию на полную мощность и при этом был готов в любой момент надежно спрятать окурочек. И было непонятно, как он прошел строгий медицинский контроль.

Косячник отвлекся от курения, пустив в потолок по направлению к вытяжной вентиляции струю дыма, завершив выдох эффектными кольцами, тут же растаявшими в воздухе.

– Абдулла... ты только потом туалет хорошо промой, а то после тебя противно зайти, – хихикая, говорил напарник, когда тот начинал ерзать на стуле, закидывая ногу на ногу. – Забрызгаешь все кругом, хоть стоя сри...

Абдулла хмуро посмотрел на своего напарника, зашедшегося в смехе.

– То-то и оно. У тебя, Аббас, вообще ничего не стоит от этого курева, вот тебе только и приходится, что гадить стоя.

Аббас, одурманенный наркотиком, нисколько не обидевшись, снова счастливо заржал.

Из-за громкого хохота они не услышали, как вошел начальник смены.

– Что тут происходит, мать вашу?!

Операторы быстро попрятали свои косяки и журналы, встали по стойке «смирно».

– Та-ак, Аббас, – протянул начальник, подойдя к оператору и вдохнув воздух полной грудью, – с тобой, косячником, у меня разговор будет короткий... А вот что делать с тобой?

– Исправлюсь, господин! Клянусь!

– Ладно, Абдулла, садись за работу, сейчас пришлю замену этому раздолбаю. Пошли, придурок!

Абдулла после ухода начальника с напарником принялся вглядываться в мониторы с утроенным вниманием, желая немедленно искупить свою вину. И вот на одном из них он увидел какое-то подозрительное пятно. Компьютер данную аномалию никак описать не мог, жалобно попискивая датчиком, чтобы привлечь к себе внимание.

«Что бы это могло быть?» – подумал Абдулла, вспоминая все, чему его учили.

Вернулся начальник со сменным оператором, и охранник показал на монитор, на котором отражалось окружающее воздушное пространство с пятном.

– Что это?

– Не знаю, господин...

– Может, сканер полетел?

– Не знаю, господин, – повторил Абдулла и в порыве служебного рвения предложил: – Может, я схожу, посмотрю?

Тут пятна стали размножаться с пугающей быстротой, буквально заполнив весь экран.

– Действительно. Сходи-ка, посмотри.

– Слушаюсь, господин!

Абдулла схватил со стола бинокль, в который иногда рассматривал особенно мелкие детали на иллюстрациях, или наоборот, разворачивал его так, чтобы казалось, будто он

подглядывает за кем-то издалека, и вышел вон.

У выхода на крышу его встретил еще один охранник. Никто не имел права подниматься на крышу без сопровождающего. Всякое могло случиться: одного из охранников могли завербовать сепаратисты, и тот мог запросто бросить в бассейн маленькую крупинку яда, тем самым отравив всю воду, где изредка купался сам эмир Шалим Аль Хусейн.

– Чего тебе?

– Нужно визуально осмотреть небо, – Абдулла показал на бинокль.

– А что так?

– Со сканером какие-то проблемы. Надо проверить, действительно ли он барахлит, или в небе и правда что-то есть.

– Да? Ну ладно, пошли, – недовольно произнес охранник, открывая дверь на крышу. Ему никуда не хотелось идти со своего места: только что началась трансляция скачек на верблюдах.

Абдулла поднял бинокль к глазам и стал вглядываться в черноту неба, но с непривычки так ничего и не увидел.

«Свет прожекторов мешает», – подумал он, вглядываясь до рези в глазах.

Наконец, он что-то различил. В окулярах мелькнула какая-то тень, потом еще и еще. «Что же это такое? – размышлял Абдулла, пока не различил очертания человеческих тел. – Шайтан!»

Абдулла хотел что-то крикнуть и даже раскрыл рот, но, дернувшись несколько раз, издал только протяжный хрип и повалился на крышу.

– Эй! Что за дела?! – недовольно крикнул охранник, но, поняв, что что-то здесь не так, нагнулся над упавшим и увидел лужицу крови, вытекающую из-под тела оператора.

Он резко выпрямился, потянулся за «тревожным» пультом, но нажать его не успел, получив две пули в голову и несчетное число попаданий в бронежилет. Впрочем, пульт все же сработал, упав на кнопку активации.

56

В руках лейтенанта Камышова находилась легкая трещотка с длинным глушителем, она легонько дергалась в руке, злобно выплевывая пули, и охрана валилась, даже не понимая, откуда стреляют и стреляют ли вообще. Стреляли и другие десантники, накрыв крышу буквально лавиной огня, от которого не было спасения.

Роман даже сумел в полете сменить магазин и продолжить стрельбу по охранникам, стоявшим внизу и уже заметившим в воздухе непонятные тени, мелькнувшие в свете прожекторов. Кто-то из них поднял тревогу.

Восемь человек, находящиеся справа и слева от центральной группы, продолжали свой полет. Они кружились, сбрасывая гранаты на всевозможные постройки. Так что огонь и взрывы гремели повсюду.

Особенно сильно досталось казарме. На это двухэтажное здание сбросили аж двадцать бомб. Крышу пробило, стекла раскололись от чудовищного жара, уничтожавшего внутри помещения все и вся.

Охрана спешила на свои боевые посты, уже также частью уничтоженные. Они вертели головами, не понимая, откуда пришла смерть, поскольку видели, как их товарищи падают, а звуков выстрелов не слышали. Были и такие, кто поднимал голову в небо, но это не помогало.

Парашютисты, истратив весь свой боезапас из гранат, продолжали стрельбу из пистолетов-пулеметов. Впрочем, в таком положении они находились недолго, опыта находиться в воздухе на предельно низких высотах не хватало, и они приземлялись, обнаруживая себя для всех.

У кого-то из приземлившихся еще имелись гранаты, и они бросали их в почти не поврежденный первый этаж казармы. Оттуда боевики вели огонь, и четверо из воздушных

диверсантов уже погибли, но одному все же удалось добежать, и он забросил в окна оставшиеся гранаты. Снова полыхнул огонь, с трубным ревом быстро разошедшийся по всем помещениям казармы, доводя там температуру до тысячи градусов.

Внизу еще шла стрельба, но не такая яростная. Охрана, призванная защищать дворец от внешних посягательств, была практически перебита. Пулеметы, зенитки, оружейные посты, тяжелая бронетехника и минные заграждения так и не помогли против воздушного десанта.

Вся эта охранная инфраструктура предназначалась только для отражения атаки в лоб на земле, а не с воздуха. Но во дворце еще находилась внутренняя охрана.

Десантники на крыше отстегнули парашюты, а те, лишившись нагрузки, отлетели в сторону и превратились в обычные тряпки.

Все занимались своими делами. Кто-то из десантников разбежался по периметру крыши и вел огонь по еще оставшимся в живых охранникам. Другая часть собрала из деталей два резака. Третий отряд ждал появления внутренней охраны, и она появилась довольно быстро.

Из шести выходов одновременно выбежали вооруженные люди в тяжелой броне, и тут же началась перестрелка.

Камышов бросил мелкокалиберный пистолет-пулемет, перекинув со спины тяжелый «даггер», против его пуль броня охраны сопротивлялась недолго, и он вместе со своими солдатами рванул в открытую дверь, сначала швырнув туда гранату. Внутрь влетел уже убитый охранник, повалив с лестницы своих коллег.

Начали штурм и отделения десантников-федаинцев.

Верхний этаж стал настоящим полем боя. Охрана лезла из всех щелей: поднималась по лестницам, выскакивала из комнат, бежала откуда-то по коридорам. Казалось, этих людей здесь десятки тысяч. И Роман уже начал сомневаться, хватит ли ему и его отряду боеприпасов, чтобы справиться с ними.

Гранаты рвались с пулеметной частотой, сами пулеметы и автоматы захлебывались в злобном лае. Внутренняя отделка замка превратилась в строительный мусор, крошево пластика, гранита, каких-то украшений, наверняка невероятно дорогих, щебнем летела отовсюду и уже давно забила бы глаза пылью, не будь закрытых бронестекол.

Отпор защитников оказался настолько силен, что Камышову даже пришлось приказывать своим солдатам отступить. Подождав немного, проход забросали гранатами, и снова бросились вперед в атаку, перебравшись через десяток убитых охранников. Первые два человека упали, срезанные автоматной очередью.

Солдаты вжались в углы, и за ноги оттащили раненых обратно. Броня выдержала, но было видно, что солдаты контужены и плохо ориентируются в пространстве.

– Семи, останься с ними, – приказал лейтенант раненому солдату.

Снова по проходам весело зашлепали гранаты, лопааясь оглушительными взрывами. Следом за ними бросился Роман со своим отделением, расстреливая из «даггера» помещения, в которых, возможно, скрылась охрана. Солдаты, прежде чем куда-то ворваться, бросали гранаты в комнаты, залы, спальни, стреляли из автоматов и только потом входили. Зачастую это было оправдано, в разбитых помещениях находились охранники или вооруженная прислуга с явным намерением биться до конца.

Вели бой и люди Федаина. Повсюду слышалась стрельба, но мало-помалу она стихла, и вскоре стало совсем тихо.

Как долго продолжалась эта бойня, лейтенант не знал. Может, пять минут, может, пять часов. Собственно, ему было наплевать, главное, что сумасшедшая стрельба прекратилась, и он буквально услышал эту звенящую тишину, к которой через несколько минут стали примешиваться другие звуки: стук отваливающихся и падающих плиток, хруст крошева под чьими-то ботинками, треск искрившейся проводки, всхлипы раненых и их бесцельное шевеление в мусоре.

– Вставай, лейтенант, штурм – это еще не конец, – сказал подошедший старшина Фрейндлих. – Нам еще эту гниду Хусейна искать надо, ты не забыл?

– Не забыл... Как там наши?

– Пятеро ранено. Один тяжело. Остальные в порядке.

Камышов посмотрел на старшину. Весь в пыли, он где-то потерял наплечник и теперь выглядел каким-то скособоченным. На шлеме зияла светлая дорожка касательного попадания пули, а бронестекло частично замутилось. В руках он держал трофейный автомат.

– Ты выглядишь не лучше, – ответил Виктор, догадавшись, о чем думает командир. – А мой «даггер» испортился маленько. Он меня, собственно говоря, спас. Я его как раз перед собой держал, как в него две пули вошли, третья вот по башке чиркнула. Без него лежал бы я сейчас с пробитым горлом. Но и эта колотушка тоже ничего...

– Понятно.

Федаинцы потеряли половину своих людей, и это понятно – бой в городских условиях, а значит и внутри зданий, они знали не очень хорошо. Они больше по лесам да горам бегали. «А мы в свое время на этом собаку съели, и не одну, – рассеянно подумал Роман. – То возьмем город, то сдадим, то снова возьмем. Насобачились...»

57

Во время штурма вышли практически все боеприпасы, которые привезли с собой десантники, потому пришлось перевооружаться трофейным оружием. Благо его здесь валялось немеряно. В общей сложности охраны настреляли человек двести, и это только внутри дворца.

– Одно не могу понять, – признался Виктор Фрейндлих, – чего это они под пули перли, словно обкуренные?

– А я откуда знаю? – ответил Камышов, хотя сам невольно задавался этим вопросом. – Может, считали себя бессмертными...

Раненых перевязали и отправили поближе к крыше, чтобы, когда придет время эвакуироваться, не возникло лишних проблем с их перемещением.

Здание обыскали, но Хусейна так и не нашли. Впрочем, этого следовало ожидать.

– Он в бункере, – сказал Закир.

– Ясень пень. Пойдем туда.

Проводник отвел их к дверям бункера. Было несколько лифтов, но они не функционировали, так что оставалась только лестница.

– Ставьте сюда, – показал Роман.

Несколько человек осторожно установили перед дверью резак на треноге. Один из них аккуратно залил ярко-зеленую жидкость в специальную камеру, и только после того, как закрыл крышку, с облегчением выдохнул. Камышов даже не стал спрашивать, что это такое и что случилось бы, пролей он хоть каплю.

– Готово.

Оператор резака надел очки и, попросив всех посторониться, включил горелку. Вспыхнуло зеленое пламя, «сварщик» навел нужный фокус и приблизил к бронированной двери.

– Как долго он будет резать? – спросил Роман у Закира, наблюдая за тем, как стекают вниз капли расплавленного металла.

– Минут десять...

Лейтенант взглянул на часы. С момента штурма прошло полтора часа.

– Я тогда пойду выпью чего-нибудь да перекушу. Тут, кажется, недалеко был бар...

– Я с тобой, – кивнул старшина.

В итоге за лейтенантом увязались все свободные от работы люди. Бар действительно был, и что важнее – уцелел.

– Как бы он, сука, не смотался по подземным галереям, – недовольно произнес Виктор Фрейндлих, наливая себе соку. Спиртное здесь тоже было, но с ним решили повременить – работа еще не закончена. – А то мы его здесь ищем, а он уматывает на каком-нибудь

драндулете.

– На схемах никаких подземных ходов вроде нет, – с набитым ртом ответил Роман.

Мысль старшины ему не понравилась, хотя исключить такого поворота событий нельзя.

– А такое слово, как дезинформация, тебе знакомо? В крайнем случае, его могли позже пристроить, а схема у нас непервой свежести... Так что эмир наш бежит где-нибудь по пескам.

– Помолчи, и так тошно... Будем исходить из того, что он там, в бункере. Мать его... Ладно, разведка, обеденный перерыв закончен, да и дверь уже, наверное, разрезали...

Последнее слово лейтенанта уже никто не расслышал. Мощный взрыв заглушил все звуки. Что произошло, объяснять никому не потребовалось.

Так и оказалось. Охрана заминировала дверь на случай резки, и как только струя плазмы перерезала какой-то проводок, сдетонировала мина.

Взрывом сварщика вместе с его аппаратом припечатало к стене, виднелись лишь ноги. Из поврежденного резака вытекала зеленая жидкость. Кто-то спешно залил ее пеной из невесть откуда взявшегося огнетушителя.

– Нам повезло, – не своим голосом произнес Закир, глядя на зеленоватую пену.

– Почему?

– Попади в эту лужицу хоть искра, и здесь стало бы так жарко, что окажись мы на солнце, оно показалось бы нам морозильником.

– Кх-м... – поперхнулся Роман. – Зачем же брать такой опасный агрегат?

– Обычным такую дверь не разрезать. Как-никак самого эмира защищает...

– Ладно, пошли.

Как водится, первой помещение обследовала граната, затем уже все остальные. Но никаких сюрпризов вроде засад, хитроумных растяжек или прерывающихся лучей с фугасами не обнаружилось, даже лампочки и те исправно работали, исключая те, которые разбились от взрыва гранат.

Спускаться вниз пришлось довольно долго – минут тридцать. А вот на какую глубину они спустились, знали точно, поскольку каждые десять метров стояли характерные пометки, итого вышло полкилометра.

– Не слабо, – кивнул сержант, глядя вверх в просвет между лестницами, но так ничего и не увидел.

– Давайте-ка лучше отойдем немного, – предложил Роман, наблюдая за тем, как федаинцы устанавливают второй резак и приступают к его заправке.

– Ты прав, а то прошлого сварщика от стены отдирать пришлось.

58

Оператор аккуратно водил своим инструментом, вырезая овал. Было видно, что он сильно нервничает, судьба предшественника впечатляла, но и не выполнить свою работу он тоже не мог. Но все обошлось. Овал с еще красными краями упал внутрь, но никакого взрыва не произошло.

– Пойдите, – придержал своих солдат лейтенант Камышов. – Уступим почетное право первого нашим друзьям...

– И то верно.

Федаинцы в предчувствии захвата крупной добычи подвоха не почувствовали, и на правах хозяев быстро один за другим стали проникать внутрь бункера.

– Когда будешь подавать сигнал? – спросил старшина.

Роман понял, что речь идет об «Астре», чтобы забрала их с планеты.

– Еще рано. Мы должны взять этого Хусейна. Ведь может оказаться, что его здесь нет.

– Вполне...

Федаинцы проникли внутрь, и теперь пришла очередь солдат.

– Пошли.

Спокойствие нарушил автоматный треск. Вышедшие из потайной ниши два охранника расстреляли пятерых человек Федаина, за что и поплатились своей жизнью.

– И это все?! – не поверил сержант Галс.

«Действительно, – подумал лейтенант Камышов, – как-то уж слишком просто все. Но, с другой стороны, мы столько охраны завалили наверху, что здесь осталась всего пара человек».

Как бы там ни было, больше из охраны Хусейна никого не обнаружили. Разбежавшиеся федаинцы обшманили весь бункер, точную копию дворца, только под землей, и вскоре появились с добычей: десятком человек обслуживающего персонала, секретарей и самим эмиром Аль Хусейном.

Выглядел тот довольно жалко. Низенького роста, с растрепанными волосами, но этот безумный взгляд ни с чем не спутать.

«Так оно обычно всегда и бывает, – отметил Роман, думая о всех тиранах. – Низенькие, плешивенькие, с трясущимися ручками, но на экране всегда высокие, волевые и мудрые. Так было, так есть и так будет».

Федаинцы радовались: скакали вокруг пленников, что-то кричали, даже палили из пистолетов в потолок.

«Обезьяны, – с презрением, подумал лейтенант, вспоминая передачи из мира животных, где ближайшие родственники человека вот также махали конечностями и палками. – Почему они все время скачут и орут, как шимпанзе?»

В какой-то момент федаинцы стали избивать своих пленников и даже забили двух помощников эмира до смерти. Закиру пришлось приложить немало усилий, чтобы обуздать своих подчиненных. На всякий случай пленника следовало вывести из бункера живым, мало ли как могли сложиться обстоятельства, вдруг он понадобится в качестве живого щита от подоспевшего к хозяину подкрепления.

Лейтенанта никак не покидало ощущение какой-то незавершенности произошедшего.

– Это точно Хусейн? – спросил Роман у Закира, ведущего эмира к лифтам.

Кто-то из пленников сказал, как их включить, никому, даже им самим, не хотелось подниматься полкилометра пешком по лестницам.

– Конечно, один к одному.

Закир показал фотографию. Лицо действительно не отличить

– Пластическая хирургия, – напомнил Камышов. – Двойник...

– Мы и это предусмотрели, – кивнул Закир и вытащил из кармана приборчик с горевшей зеленой лампочкой.

– Что это?

– Анализатор. У нас есть образцы крови Хусейна, и этот прибор подтвердил, что перед нами не кто иной, как он сам.

– Образцы могли подменить, – не сдавался Камышов. – Переклеили бирки с одной колбы на другую, и стал какой-нибудь Абдурахман самим Хусейном.

– Исключено, – терпеливо пояснял Закир. – Мы взяли также образцы крови родственников Хусейна, братьев, сестер. Совпадение образцов в пределах родственной связи полное. Перед нами Хусейн.

Доводы почему-то не убедили Камышова.

– Что-то тут не так, – подтвердил сомнения лейтенанта старшина Фрейндлих, – слишком просто.

– Но другого объяснения нет. В бункере больше никого нет.

– Так ведь особо и не искали, – напомнил Виктор. – Объект найден, что еще копать-то?

– А как насчет анализатора?

– Фильм «Гаттака» видел?

– Нет.

– Там практически наш случай – игра с генетическим материалом, с помощью которого одного человека выдавали за другого.

Двери лифта открылись и все толпой повалили на выход.

– Думаешь, это не он?

– Да.

Лейтенант кивнул головой, показав, что согласен с выводами старшины.

Все снова поднялись на крышу.

– Кто это? – напряженно спросил Роман, показывая на движущуюся колонну машин, приближающуюся к резиденции эмира.

Машины хорошо было видно при взошедшей белой луне, третьей по счету, что означало скорое наступление утра.

– Это наши, – посмотрев в бинокль, ответил Закир.

Федаинцы по веревочным тросам стали спускаться вниз. Не наблюдая поблизости противников, Закир приказал отрубить голову Хусейну, что быстренько и сделали.

– Чего вы ждете? – спросил он. – Нужно спешить, скоро тут будут имперцы.

Солдаты стояли в полной боевой готовности, готовые в любой момент открыть стрельбу по союзникам, если те вдруг захотят силой забрать их с собой для каких-то своих целей.

– Мы не станем далее злоупотреблять вашим гостеприимством, – ответил Камышов, расставляя на крыше небольшой передатчик и распрямляя сеточную антенну направленного действия сигнала.

Передатчик пошевелил «тарелкой», ведя поиск цели, а когда нашел, призывно замигал лампочкой, показывая, что можно начинать передачу.

– За нами скоро придут, – пояснил Роман и нажал на кнопку. Зашифрованный сигнал с координатами тут же ушел в космос по направлению к «Астре».

– Как знаете, – пожал плечами Закир и заскользил по веревке вниз с головой эмира Шалима Аль Хусейна в мешке на поясе. Или, как полагал Камышов – его двойника.

– Ты не рано их позвал? – спросил Виктор Фрейндлих.

– Нет. У нас больше нет союзников, и если здесь нет настоящего Хусейна, мы его уже не найдем.

– Понятно.

– Тогда возвращаемся в бункер. У нас на всё про всё три часа.

59

Лифт быстро спустил солдат обратно на полукилометровую глубину в бункер.

– Обшарьте каждый закоулок, – приказал лейтенант Камышов. – Простучите каждую панель. Мы должны его найти, и будьте предельно внимательны, как на минном поле, не мне вам объяснять про ловушки. Начинаем.

Солдаты быстро разбили бункер на секторы и стали его обследовать. Простукивалось все: стены, полы и даже потолки. Солдаты нажимали на кнопки, пытались сдвинуть шкафы, разбрасывали книги, искали потайные панели.

Однажды такую панель нашли, но взору открылся обычный сейф, его на всякий случай вскрыли резакон, но, как и ожидалось, нашли лишь какие-то бумаги, диски и прочие ценности, не представлявшие для солдат никакого интереса. Им нужен был только эмир, собственной персоной.

Поиски продолжались. Прошло уже два часа, а Хусейн так и не нашелся. Зарождались вполне естественные подозрения, что тот обезглавленный человек и есть Хусейн, но легкость, с которой его нашли, подавляла эти подозрения.

– Если мы его не найдем в течение часа, придется улетать ни с чем, – озвучил и без того всем понятную истину старшина.

– Знаю, – раздраженно ответил Роман, сдергивая с пола тяжелый ковер.

Гранитные плиты на полу ничем не отличались друг от друга, ни сколов, ни царапин, подогнанные друг к другу так, что и лезвие безопасной бритвы в швы между ними просунуть невозможно.

Роман стал простукивать их без особой надежды на успех. Глухие удары ничем не отличались друг от друга.

– Стоп! – буквально выкрикнул один из солдат, проходивший мимо.

Роман так и замер, будто наступив на мину, ожидая, что она вот-вот рванет.

– В чем дело, Глеб?

– Постучите по той плитке, по которой вы раньше били, и по соседней.

Роман послушно ударил.

– И что? – удивился Камышов, он никаких различий не заметил.

– Эта звонче, – уверенно сказал солдат. – Можете мне поверить, у меня абсолютный музыкальный слух, в детстве я даже в музыкальную школу ходил.

– Надо же. А чего на гитаре не играл?

– Дык не умею, я в классе фортепиано учился.

– Понятно.

Солдаты так и сяк пытались отколоть плитку, но она никак не поддавалась. Кто-то даже предложил рвануть ее ко всем чертям. Лейтенант согласился, но сначала произнес в пустоту:

– Если вы там – выходите, а то мы сейчас взорвем здесь парочку штурмовых гранат. Не поможет – притащим резак, и тогда вам точно не поздоровится. Зажарим к чертям.

Почему-то Роман верил, что его отлично слышат.

– Считаю до трех...

Внизу что-то заскрипело, все отшатнулось в стороны, но ничего серьезного не произошло, просто одна из плит открылась, как люк в башне танка, и оттуда показалась голова.

– Я без оружия, – заявил вылезший из тайника человек, оглядев нацеленные на него автоматы. – У меня ничего нет.

Перед солдатами предстал настоящий эмир Аль Хусейн, в этом Роман не сомневался.

– Что ж, вы меня переиграли, но чего вы этим добились?

– Прекращения войны, – ответил Роман. – Мы оставим вас в живых, если вы отведете войска. Если не отведете – убьем.

– Боюсь, вам это не поможет.

– Почему? – удивился Камышов, он чувствовал, что все летит в тартарары, ибо этот человек не врал.

– Все очень просто. Флотом командует мой брат. Мы разделили власть между собой. У него армия и флот, у меня политическая власть. Думаю, он даже порадуетсЯ моей смерти и уж тем более не бросится обратно. Сначала добьет Землю и только потом, на крыльях славы, вернется на Оуткаст, где никто не сможет оспорить его права.

– Дерьмо...

Камышов поверил этому пигмею, вспомнив, как адмирал руководил наземной операцией, отстранив от командования сухопутного генерала.

Стройная схема из-за всех этих непростых родственных отношений сыпалась на глазах. Но выход был где-то близко, Роман это тоже чувствовал, нужно лишь немного времени, чтобы отыскать его. А времени как раз в обрез.

Ожила рация.

– Командир, к нам гости.

– Понял. Ладно, выбираемся отсюда, с вами разберемся позже.

Тяжелой техники вокруг Северного замка пока не наблюдалось, только легкие БТРы и грузовые машины с солдатами. В небе кружили вертолеты с явным намерением сбросить десант на крышу здания, этому пришлось помешать.

Солдаты заняли позиции за автоматическими пулеметами с возможностью ручного

ведения стрельбы и открыли по вертолетам огонь, сводя на одном по две-три дорожки трассирующих пуль.

Несколько машин, получив пробоины, задымили и пошли прочь, еще две вспыхнули огненными шарами и упали во внутренний двор грудями горящего железа.

Начался обстрел комплекса из крупнокалиберных пулеметов и пушек. Полетели гранаты. Плотность огня была настолько большой, что пришлось скрыться внутри.

– Что там с «Астрой»? – спросил старшина.

Камышов посмотрел на часы, отсчитывающие время подхода корабля.

– Если у них все нормально, то должны появиться на орбите уже через двадцать минут.

«Астра» действительно мчалась к Оуткасту на всех парах. Все системы жизнеобеспечения работали на полную мощность, буквально выводя корабль и его экипаж, измученный неизвестностью и долгим ожиданием, из комы.

Корабль встретили перехватчики и сопровождали до самой планеты, по пути задавая всяческие нудные вопросы про груз, отправителя и получателя. Такой информации экипаж дать не мог. Поначалу они пытались врать, но вскоре стало понятно, это не выход, и два перехватчика взорвались в беззвучных вспышках.

Экипажу, проведенному несколько месяцев в постоянном ожидании смерти и даже в какой-то мере свыкшемуся с нею, уже было наплевать на свою жизнь, не говоря уже о жизни врага.

Встав на орбиту, «Астра» отстрелила первый из десяти челноков.

60

– Они пошли на штурм, – прокомментировал старшина, подхватив автомат.

– Немудрено, – согласился Роман, выглянув в бойницу.

Плотность огня несколько ослабела, но это ни о чем не говорило. Подлетело еще несколько вертолетов, и они на пару с бронетранспортерами стали лупить по земле перед собой, создавая дорожки до самых стен резиденции. И не без успеха. Потревоженные снарядами мины взрывались, расчищая путь для людей.

Несколько солдат достали наплечные гранатометы и стали молотить по стенам, им помогали все те же БТРы. И спустя минуту образовались проломы необходимых размеров. Такие, чтобы спокойно могли проехать броневики.

– Хреновые наши дела, – проговорил один из солдат, опуская забрало, хотя оно вряд ли могло спасти от прямого попадания, разве что от крошева глаза уберечь.

– Прорвемся...

Солдат по приказу лейтенанта где-то нашел мегафон.

– У нас ваш правитель! – закричал Роман в мегафон. – Эмир Хусейн.

Стрельба на секунду чуть затихла, а потом разгорелась вновь.

– Что за хрень? – не понял поведения штурмующих Камышов.

– Зря стареетесь, – пояснил Хусейн. – Они подчиняются моему брату.

– Понял. Он делают вид, будто не слышат, чтобы потом объявить, мол, коварные неверные убили эмира Хусейна и за это их наказали. И ваш братец тут ни при чем.

– Что-то вроде того, – кивнул Хусейн.

Теперь лейтенант знал, как можно остановить войну, но для этого нужно, чтобы эмир остался в живых. Надо шантажировать брата Аль Хусейна смертью эмира. Поскольку Шалим Аль Хусейн является все же главным в иерархической лестнице, то адмиралу придется подчиниться и отступить, но для этого эмир должен сам отдать такой приказ и так, чтобы об этом знали все, и в случае неподчинения адмирал не сможет легально взять всю полноту власти в свои руки. Обязательно начнется гражданская война уже в самом флоте, и в этом случае все равно ему придется отвернуться от Земли.

«Еще не все потеряно», – подумал Роман, наблюдая в предзвездном небе яркую

точку приближающегося челнока.

Атакующие пошли на штурм. БТРы прорвались через проломы в заборе и въехали во внутренний двор, непрерывно стреляя по стенам замка, облупив с них всю внешнюю облицовку.

Шаттл приближался, он уже включил режим торможения, и из дюзов вырывались длинные языки пламени. Из-за них шаттл был замечен имперцами. Они довольно быстро опознали в нем чужого. Несколько точных выстрелов из ручных гранатометов, и челнок рухнул, не долетев до замка трехсот метров.

– Черт, – выругался Камышов в рацию, связавшись с «Астрой». – Давайте сюда все, что есть, лучше, если хоть в одном шаттле будет пилот.

– Хорошо, высылаем все шаттлы, – прозвучало в ответ.

– Живее!

Атакующие уже стали выбираться из десантных отсеков БТРов. Их встретил дружный огонь защитников из «даггеров» и трофейных «копи», но последние были без подствольных гранатометов, что снижало их эффективность применения.

Атакующие несколькими выстрелами все из тех же гранатометов взломали дверь и стали просачиваться внутрь. Пришлось все внимание переключить на них, к тому же по бойницам открыли такой шквальный огонь из пулеметов и гранатометов, что от этих самых бойниц остались только жалкие пеньки. Благо все солдаты успели убраться подальше, и никто серьезно не пострадал.

Минуты тянулись, как резиновые. Бой внутри замка разгорался, и атакующие, теряя бойцов, поднимались все выше и выше и вскоре заняли третий этаж, оставив обороняющимся еще два.

Вскоре в небе показались девять точек, только на этот раз к ним спешили истребители. Камышов даже удивился: где они ковали раньше?

Шаттлы, отстреливаясь своими автоматическими пушками и отвлекая ракеты ловушками, снизились на предельно низкую высоту, потеряв еще один челнок. Здесь за них уже взялись наземные войска.

Противоракетные шашки ничего не могли противопоставить гранатам из гранатометов и пушкам, в итоге еще два челнока рассыпались в воздухе. Сесть удалось шести шаттлам, двум из них – на крышу замка, испарив почти всю воду в бассейне.

У одного из приземлившихся на крыше челноков открылись люки.

– Давайте, давайте! – кричал Камышов, подхватывая раненых.

Солдаты побросали в противника последние гранаты и поспешили за лейтенантом, не забыв подхватить остальных раненых.

Обстрел здания чувствительно уменьшился, противник переключил огонь на севшие во дворе челноки и поджег еще один из них, буквально в упор расстреляв из автоматических пушек бронетранспортеры.

Челнок оторвался от поверхности, едва последний солдат запрыгнул внутрь, еще не закрыв створы. Вслед за ним стали подниматься остальные шаттлы, способные летать. Их двигатели нещадно дымили, и один все же взорвался, упав прямо в гущу атакующих войск противника, засыпав все своими обломками.

Образовалась небольшая фора во времени, и оставшиеся челноки, пока противник приходил в себя, стали быстро набирать высоту.

В космосе все складывалось не так просто. «Астра» металась из стороны в сторону, отстреливаясь маломощными пушками от четырех «охотников», не в силах уйти далеко от места сброса челноков, ведь их еще нужно подобрать.

– Мы погибли, мы погибли! – кричал лейтенант Глок, но, получив очередную пощечину от доктора Стоун, вновь принимался за управление кораблем, до следующего нервного срыва.

Половина отсеков «Астры» горела или была разгерметизирована, но это не могло

заставить ее покинуть орбиту Оуткаста.

Лейтенант Феннадин, принимавший участие в штурме Северного замка, очнулся от забытья, в которое его погрузил взрыв сбитого шаттла, осколком сбив его с ног. Он ощутил дикую боль в ногах, но, посмотрев на них, ничего там не увидел. Разлившаяся кислота сожгла всю плоть и доедала оголенные кости.

Его подняли по тревоге на базе, на которой его отряд отдыхал после очередной недельной командировки по тылам сепаратистов. И вот эти сепаратисты напали. После двухчасового боя они отступили, и все подразделение, где служил лейтенант, отправилось к Северному замку, так как находилось к нему ближе всех.

На локтях он отполз назад, оставляя позади себя какие-то красноватые желеобразные ошметки. Боль вдруг исчезла, но он почувствовал, что смерть сжимает свою костлявую руку на его горле.

Дышать становилось все труднее, но сил прибавил гранатомет, попавшийся ему под руку, а точнее – злобная решимость отомстить за свою нелепую смерть этим неверным, а то, что это были они, Феннадин не сомневался.

Заряд сидел в трубе. Собрав последние силы, лейтенант смог опереться спиной о колесо БТРа и поднял гранатомет на плечо, прицелившись в окуляр.

В глазах плавала муть, цель расплывалась в серо-желтое пятно. Но вот появилась необычайная четкость изображения, будто кто-то навел нужную резкость бинокля, и Феннадин, сведя перекрестье прицела на цели, нажал на спуск.

Стартовая струя подожгла кислоту, которая еще оставалась на нем, но лейтенанту было все равно – он уже перенесся в Край Вечной Охоты.

Шаттлы отстреливались от навалившихся истребителей вполне удачно. Два самолета, получив повреждения, вышли из строя, правда, перед этим успев сбить еще один челнок.

Один из двигателей челнока, на котором эвакуировались с планеты солдаты, дымил, но у него оставались все шансы на успех. Самолеты пока занимались последним «здоровым» шаттлом, считая, что всегда смогут добить подраненную жертву.

Но вдруг челнок тряхнуло, он словно завис и как-то обреченно пошел камнем вниз. Пилоты делали все возможное, но смогли лишь выровнять полет.

Один из пилотов отрицательно покачал головой на немой вопрос лейтенанта. Получив такой ответ, Камышов переломил свой датчик, показывая тем самым, что «Астра» должна уходить, поскольку они на орбите не появятся.

Роман искренне надеялся, что «Астра» сможет уйти, в конце концов, это одно из самых скоростных судов.

Удар о землю был страшной силы, и последнее, о чем успел подумать лейтенант перед тем, как провалиться в черную бездну небытия, было то, что следовало бы напоследок прикончить этого психопата эмира Аль Хусейна.

61

Камышов открыл глаза. Сильно захотелось пить, все тело саднило, как один большой синяк. То, что он все еще жив, а это так, раз все болит, поскольку у мертвецов уже ничего не болит, его сильно удивило. Роману казалось, что их должны были убить сразу, как только найдут, но нет, он лежит в чистой постели, а не в грязной яме, что само по себе удивительно.

Ему вдруг показалось, будто все, что с ним произошло, лишь кошмарный сон, что ничего этого не случилось: никаких abordажей в космосе, погонь, боев на далекой планете Оуткаст. И вообще, нет никаких новых планет. Все это лишь сон после чудовищного удара снежной лавиной на безымянной высоте 3531. Но вошедшая в палату до боли знакомая бородастая рожа убедила его в обратном. Все, что с ним произошло, случилось на самом деле.

– Как вы себя чувствуете? – спросил санитар, впрочем, без намека на сочувствие,

просто это его работа – задавать такие вопросы.

– Хреново, – чистую правду ответил лейтенант Камышов.

На том и расстались. Санитар что-то проверил в записях и вышел.

В палате госпиталя пришлось проваляться пару дней, и после очередного визита доктора зашли пара крепких ребят, вооруженные пистолетами, и, содрав с него одеяло, подняли с кровати.

«Ну вот, – обреченно подумал Роман, – пошли расстреливать меня, как Гитлера. Тогда какого хрена лечили, лекарства изводили?»

С этим вопросом он ни к кому обратиться не успел. Его втолкнули в другую комнату, размерами побольше, где уже сидели его люди, также непонимающе вертевшие головами.

– Что им нужно?

– Ребята, ну а я-то откуда знаю?

В камеру больше никого не приводили – не хватало троих человек. Хотя два пилота кучковались тут же. Несмотря на неясное будущее, Роман только теперь удивился, что кто-то из землян-хлюпиков смог участвовать в полноценной боевой операции.

Камышов хотел с ними об этом поговорить, но за стеклом что-то зашумело, и оно скоро потеряло свое зеркальное свойство, показав, кто находится по ту сторону, а там стоял не кто иной, как эмир Шалим Аль Хусейн собственной персоной.

– Приветствую вас, – поздоровался он.

– Здорово, – буркнул лейтенант. – Что с моими людьми?

– Ну, как сказать?... Не хорошо и не плохо...

– А конкретнее?

– Один в коме, еще двое в реанимации. Врачи делают все возможное.

Роман хотел съязвить по поводу ответа эмира, но не стал.

– Вас, наверное, мучает один вопрос? – продолжил Хусейн.

– Вы удивительно проницательны. Так почему мы еще живы?

– Ну, мы ж не звери. Просто хотим вернуться на Землю.

– Обетованную...

– Можно и так сказать.

– И чем же мы вам тут можем помочь?

– Да в принципе ничем. Разве что в вас сокрыта очень интересная информация.

– Какая же? – удивился Камышов.

– Потенциал вечной жизни. Ведь вы не кто иные, как легендарные Тысячелетние воины. В узких кругах на Земле о вас только и говорят.

– И что же вам конкретно нужно от нас?

– Я еще не закончил. Так вот, кое-кто на Земле побаивается, что вы варвары, да-да, – подтвердил Хусейн свои слова, показывая, что никто не ослышался, – вас там зовут не иначе, как варварами. Так вот, что вы, варвары из темных веков, переметнетесь к близким вам по духу людям.

– К вам, что ли? – с издевкой спросил Камышов.

– Именно. Собственно, я тут именно из-за этого, пришел лично спросить, кто хочет присоединиться ко мне? Никто не пожалеет. Каждому найдем прекрасных жен, и не одну. Будете кататься, как сыр в масле. Ну, как вам мое предложение?

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – парировал Роман. – Что в замен?

– Ваши знания. Обо всем. Вы показали себя отличными солдатами. Чего стоит только то, что при штурме вы не потеряли ни одного убитым, раненые не считаются.

– У тебя солдат мало?...

– Их достаточно. Качество оставляет желать лучшего. Вы могли бы их подучить. Признаться, врагов у меня много, и зачастую лишь качеством воинской выучки их можно одолеть, да новыми тактическими приемами, – признался эмир Аль Хусейн. – Ваша практическая удача это подтверждает. Примете нашу веру, получите жен и прочие блага. Соглашайтесь...

Солдаты смотрели хмуро, ходить обрезанным никому не улыбалось.

– А не пойти ли тебе туда, куда никогда не проникает солнечный свет? – посоветовал Аль Хусейну Роман.

– Зря ты так. Последний раз предлагаю...

– Я согласен.

Камышов даже не сразу понял: услышал ли он эти слова, или только показалось. Но нет, со стула вставал один из его подчиненных. Роман даже погрузился в какой-то ступор.

– Ах ты, гад! – воскликнул сидевший рядом с Рашидом Алимовым старшина Фрейндлих и бросился на предателя. – Удавлю суку!

Алимов отбил от раненого старшины и еще двух солдат, вознамерившихся довершить начатое Виктором Фрейндлихом.

Впрочем, растерзать новообращенного не дала охрана, она вбежала в камеру и быстро изолировала Алимова.

– Прекрасно! – захохотал Аль Хусейн. – Почему-то я думал, что именно ты присоединишься к нам. Я сразу заметил, ты не такой, как они.

– Бородач бородача видит издали, – злобно прокомментировал старшина.

Охрана усадила всех вскочивших обратно на стулья, пресекая любые движения нацеленным на солдат оружием.

– Извини, – проговорил Алимов Камышову, – они мои братья и все такое. Скорее даже потомки. Как можно стрелять в своих детей?

– Раньше тебе это не мешало дырять своих братьев, – глухо произнес лейтенант.

– Признаться, не вижу в этом смысла сейчас. Земля проиграет, чего зря ерепениться?

– Хватит соплей, а то я сейчас заплачу! – издевался Хусейн. – Тебе еще предстоит доказать свою преданность.

– Каким образом? – напрягся Рашид.

По условному сигналу эмира один из охранников протянул пистолет Алимову.

– Кровью, – пояснил эмир. – Убей кого-нибудь из своих бывших приятелей. Это не проверка, пистолет заряжен, можешь мне поверить.

Алимов взял в руки пистолет, немного повертел, привыкая к его тяжести. Потом нацелился на своих бывших сослуживцев, переводя прицел с одного на другого, как бы выбирая, кого ему пристрелить. В конце концов, ствол пистолета уперся в одного из пилотов. Грохнули два выстрела, и пилот с простреленной головой и грудью медленно повалился со стула на пол.

Теперь уже не сдержался сам Камышов и рванулся к отступнику с явным намерением сломать тому шею. Но охрана оказалась на высоте, и, получив два удара в живот, Роман остался валяться на полу рядом с пилотом.

– Ты убил, – зазвучал голос эмира, – но не своих приятелей, а пилота из числа хлюпиков.

– Конечно, – ответил Алимов. – Но вы ведь сами сказали, в нас есть потенциал для вечной жизни. Зачем убивать столь ценных подопытных кроликов? К тому же я нечаянно мог убить кого-нибудь из тех, кто в будущем согласится присоединиться к вам. Два или три лучше, чем один.

– Хм-м... ты прав, – вынужден был согласиться Аль Хусейн.

– Я убью тебя, – пообещал Камышов, когда Алимова выводили из камеры.

– Ведь я не просто так говорил о женах, – напомнил эмир. – Посмотри, лейтенант, кто здесь у меня.

Камышов с трудом сел на свое место. Кулаки у охраны были пудовыми. За стеклом Аль Хусейн держал доктора Амели Стоун.

Роман скрипнул зубами – «Астре» не удалось скрыться.

– А ведь она могла быть твоей женой, – продолжал издеваться Аль Хусейн. – Но теперь я сам подумываю о новой женитьбе. Она станет достойным украшением моего гарема.

Роман промолчал. Что тут можно было сказать? Сыпать угрозами? Глупо.

– Впрочем, для тебя не все потеряно. До моей свадьбы три дня. Передумаешь – отдам тебе. Нет – будешь присутствовать как свидетель. До встречи, неверный.
Хусейн повернулся и, придерживая брыкавшуюся Амели, ушел восвояси.
– Сволочь, – в бессильной злобе прошептал Роман Камышов.

62

Хусейн не обманул, через три дня все были свидетелями на его свадьбе. Был там и Алимов, он, в отличие от своих бывших сослуживцев, не был в кандалах, вокруг него уже вились две фурии, и выглядел он вполне довольным.

– Взять бы его рожу, да об колено, – мечтательно произнес Виктор Фрейндлих.

Впрочем, саму свадьбу Роман помнил смутно, что-то ел, пил, играла витиеватая музыка. Запомнилось только то, что сказал Аль Хусейн на прощание:

– Счастливо оставаться, мои друзья. Завтра я улетаю, но обещаю вернуться. Своих подданных оставлять надолго нельзя, а то у них какие-то мысли плохие зарождаются начинают. Так что всем спасибо, а то мне еще с женой пообщаться надо.

Последняя фраза сопровождалась одобрительными смешками подданных эмира.

Прошло еще несколько дней, когда в дверях в очередной раз пискнул датчик открытия замка и появилось знакомое лицо. Впрочем, борода не помешала лейтенанту опознать в нем Алимова, и он бросился на предателя.

– Удавлю, сука! – шипел лейтенант, клещами сжимая руки на горле врага.

– У-уб-бери руки, командир, – прохрипел в ответ Рашид.

Он мог бы запросто вывести из строя лейтенанта, напавшего без всякой системы, просто на одной злобе. Хватило бы пары ударов по почкам, но Алимов не сделал этого. Эту нехитрую истину, кажется, поняли остальные, и пара солдат помогли старшине оттащить взбесившегося Романа от Рашида.

Алимов хватал воздух ртом, как вытасченная на сушу рыба, и растирал горло одной рукой, во второй сжимая пистолет.

– Что ты тут делаешь? – спросил Фрейндлих, до которого начала помаленьку доходить истина.

– А ты как думаешь?

– Где охрана?

– Отдыхает... в лучшем мире.

– А я поверил, будто ты переметнулся к бородачам, – признался Камышов. – Сукин ты сын...

– На то и был расчет, – ответил Алимов. – Чтобы все поверили. Жаль только, пришлось пожертвовать пилотом. Но ведь у нас еще один есть.

Все посмотрели на второго пилота. Тому все было по барабану. Он очень переживал смерть своего товарища и никак не мог прийти в себя, поэтому на его профессиональные качества трудно было рассчитывать в будущем.

– М-да.

– Чего так долго? Или жены очень понравились, что о нас чуть не забыл? – поинтересовался Роман.

– Понравились, но раньше не мог из-за недоверия ко мне. А как только чуть расслабились, я и нанес удар. Но нужно спешить...

– Где доктор?

– Вроде бы здесь. У них не принято брать женщин на войну.

– Тогда забираем своих и уматываем.

Солдаты вооружились автоматами охраны и стали выбираться наружу из подземелья. Попадавшийся на пути персонал, не мудрствуя лукаво, выводили из строя хорошим ударом по голове, связывали и прятали в подсобных помещениях.

– Где тут госпиталь?

– Направо, – ответил Рашид, досконально изучивший весь комплекс зданий.

Здесь тоже стояла охрана. Охранники почувствовали что-то неладное и даже успели вскинуть оружие, но были расстреляны.

Трое солдат, лежавших в палате, за неделю, с момента крушения шаттла, немного оклемались, но были по-прежнему очень слабы. Двоих пересадили в кресла-каталки, а одного, находившегося до сих пор в коме, повезли прямо так, на кушетке, со всеми капельницами, прихватив дежурную медсестру, чтобы та смотрела за больным.

– А где гарем?

– Наверху, – просто ответил Рашид. – Весь верхний этаж.

Здесь охраны было значительно больше, но вид Алимова на секунду ввел их в заблуждение, чего тому хватило, чтобы расправиться с ними. У раненого охранника, специально оставленного в живых для допроса, выяснили, где находится комната новой жены эмира.

– Двадцать пятая... – прохрипел тот.

Нашли нужную дверь в комнату. Роман вбежал в покои, но никого не нашел, лишь аккуратно прибранная кровать космодромных размеров. Лейтенант проверил все закоулки, думая, что доктор где-то прячется, но так и не нашел ее.

– В чем дело? – спросил Рашид.

– Кажется, он забрал ее с собой...

Куда бежать, вопрос не стоял. Еще пробегая по коридорам верхних этажей, все через окно видели посадочную площадку, а там несколько вертолетов и представительский шаттл. Его-то и решили прибрать к рукам. Правда, оставалось неясным, куда лететь, но это собирались решить во время полета.

Отряд лейтенанта смог преодолеть половину расстояния от дворца до взлетно-посадочной площадки, когда раздались первые выстрелы охранников.

Солдаты, катившие раненых, пригибаясь, побежали дальше, а остальные стали стрелять в ответ, чем несколько остудили пыл охраны, и первая группа смогла добраться до ограждения. К ним, постоянно отстреливаясь, подтягивались остальные.

Ворота выбили, и солдаты оказались на территории аэродрома. Здесь охрана отсутствовала, только с башни диспетчерской лупил пулемет.

Чуй на какое-то время замер, прицеливаясь, он все никак не мог привыкнуть к этому трофейному автомату, не приспособленному к ведению снайперского огня, но, сузив и без того раскосые глаза, выдал короткую очередь.

– К шаттлу! – крикнул Камышов, когда пулеметчик упал, а его пулемет выпал из безвольно поникших рук.

Откуда-то из подсобного помещения, где дежурили летчики, старшина тащил за шиворот пилота. Тот пытался что-то сказать, но едва открывал рот, сразу же получал удар под ребра.

Охрана дворца наседала, но пробираться через ворота никто не решался. Больше стреляли из-за невысокой стены. Но перестрелка получалась вялой из-за довольно метких ответов, особенно Чуя.

Пули били о бетон, и пара солдат все же упала практически у самого шаттла. Их вслед за первыми ранеными запихнули в челнок.

– Запускай двигатели! – орал на пленного пилота Фрейндлих.

Тот лихорадочно копошился, переключая тумблеры на панели управления

– Ну что ты возишься?!

– Вспоминаю! – кричал в ответ пилот. – Я вообще-то вертолетчик!

– Да? – удивился старшина. – Что ж ты раньше молчал?

– Я хотел сказать, только вы меня все время били почем зря!

– Но ведь ты умеешь водить эту калошу? Иначе... – недобро ухмыльнулся Виктор Фрейндлих.

– Умею, – сознался пленный пилот. – Мы должны уметь водить все типы летательных аппаратов. Как-никак у эмира на службе...

Почувствовав себя в родной стихии, оклемался пилот-землянин, который до этого был в прострации. Он сел в свободное кресло, и дело пошло быстрее.

Вскоре взревели дюзы, и шаттл, оторвавшись от земли, стал набирать высоту. По обшивке барабанили пули автоматов и даже пулеметов. Однажды трянуло довольно ощутимо, это кто-то из охраны пальнул из гранатомета, но представительский челнок Хусейна обладал хорошей броней, и потому попадание не причинило ему вреда.

– Куда рулить? – спросил захваченный пилот, оказавшийся на редкость словоохотливым.

– На орбиту, – просто ответил лейтенант Камышов. – Там разберемся.

63

На орбиту выбраться удалось без особых проблем. Перехватчики немного опоздали, и шаттл успел достичь стратосферы, где самолетам уже делать было нечего. А вот на самой орбите их ждали – тройка «охотников» делала заход на цель. Пушки этих пятидесятиметровых монстров смотрелись грозно, и стало понятно – еще секунда, и все закончится, так и не начавшись. От шаттла даже заклепок не останется.

– И что теперь? – спросил пилот.

– Я думаю...

Камышов быстро соображал. Скорость челнока по сравнению с «охотниками» невелика, да и убежать за пределы звездной системы, даже если удастся чудом оторваться от боевых кораблей, не получится. Воевать с ними тоже глупо – легкое вооружение шаттла чисто символическое.

– Какой из них самый быстроходный? – спросил Роман пилота.

– Тот, что в центре. Новая модификация «ИСИ-17», – пожал плечами, ответил пилот Самуил, не совсем понимая, что задумал этот неверный.

Точно этого не знал и сам Роман, но выявить самое опасное судно было необходимо.

– Выходи с ними на связь.

– Как прикажете...

Но соединиться Самуил не успел, командир трех «охотников» сам вышел на связь с шаттлом на открытой волне:

– Говорит капитан Аль Карамии. Немедленно заглушите двигатели или будете уничтожены. Повторяю...

– Не стреляйте, не стреляйте! – истеричным голосом закричал лейтенант, да так, что запершило в горле и он, зажав микрофон рукой, вынужден был прокашляться. После чего продолжил: – Не стреляйте, у нас сильные повреждения! Спасите, у нас разгерметизация, мы заткнули пробоину, но кислорода осталось совсем немного! Спасите!

– Так-то лучше, – со смешком проговорил капитан Аль Карамии и, будто оказывая величайшую услугу, приказал: – Стыкуйтесь.

– Спасибо вам, спасибо! Вы спасли нам жизнь! Не знаю, как вас благодарить!

Лейтенант отключил связь и продолжил:

– Стыкуйся с «семнадцатым». Численность экипажа «охотников»?

– Пятнадцать человек, – не стал упираться Самуил.

– Ладно. Алекс, посмотри за ним, – подозревая солдата, попросил Роман, а сам пошел в салон.

– Что там у вас происходит? – спросил старшина Фрейндлих.

Он, как и остальные, слышал истеричный голос командира, что на того совсем не походило, а потому не совсем понимал, что это означало. Но на всякий случай солдаты были вооружены.

– Правильно, – кивнул Камышов, глядя на оружие. – В правильном направлении

думаете. Мы сейчас состыкуемся с кораблем противника.

– И нам его нужно взять? – не то спросил, не то уточнил сержант Галс.

– Именно. Впустим пару человек, пусть успокоятся. Сразу на рожон переть не будем. Устройте тут небольшой бардак. По легенде у нас произошла разгерметизация.

– Хорошо...

Солдаты попрятали автоматы за креслами и начали наводить «порядок». Сметали на пол все, что плохо крепилось, вывалив из бара и барной стойки все его содержимое. На пол полетело все тряпье из обнаруженного шкафчика: полотенца да халаты. Так что в создавшемся бардаке спрятать оружие не составило труда.

– Стыковка, – предупредил пилот после недолгих маневров.

Тут же последовал несильный удар, и над люком переходного отсека загорелась зеленая лампа, означающая, что давление между кораблями выровнено и можно открывать замки переходных люков, что тут же и сделали.

– Рожи поприскорбней сделайте, – предупредил солдат лейтенант. – А то смотрите так, будто вам сейчас самый дорогой заказ из пятизвездочного ресторана принесут.

Люк открылся, и в шаттле первой показалась вооруженная пистолетом рука, и только вслед за ней появилось настороженное лицо.

Быстрые глазки матроса с «охотника» осмотрели внутреннее убранство, вроде бы все говорило о том, что здесь действительно случилась разгерметизация. О чем и последовал доклад командиру корабля:

– У них тут полный разгром, господин капитан, сплошной бардак.

В ответ что-то прошуршало.

Вслед за первым матросом в шаттл перебрались еще трое.

– Где оружие? – спросил один из них, подозрительно оглядывая неверных.

Видя, что больше никого внутри не будет, Камышов грохнулся на колени, причитая:

– Спасибо вам, спасибо! Вы спасли нам жизнь! Мы вам так благодарны!

Неся эту околесицу, лейтенант на коленях приближался к опешившим матросам, хватая их за штанины.

– Спасибо, спасибо!

Незаметно для матросов, наблюдавших за этой сценой, сместились несколько солдат, выбирая себе более удобную позицию.

Наконец матросов стало раздражать ползание у ног неверного, и первый, отталкивая Романа, снова задал свой вопрос:

– Где оружие?

Камышов перехватил ногу и повалил матроса на пол, блокируя руку с пистолетом. Это, в свою очередь, стало сигналом к действию для остальных солдат, и те несколькими ударами обезвредили оуткастов, не успевших выстрелить из пистолетов.

– Осталось двенадцать, – прокомментировал лейтенант и, завладев пистолетом матроса, метнулся к шлюзу. – За мной.

Через секунду в руках у солдат появилось оружие, и они один за другим стали проникать на борт «охотника».

Стоило только вступить на борт вражеского судна, как в непосредственной близости появилось пять вооруженных человек – по всей видимости, конвоиры, которые и должны были препроводить терпящих бедствие неверных на борт «охотника» и запереть их. Лейтенант с двумя солдатами и матросы чуть опешили, но первыми открыли огонь люди Камышова и он сам.

Роман подскочил к раненым матросам. Один из них оказался офицером.

– Ты кто?! – кричал Роман, тряся раненого за грудки.

– Л-лейтенант Х-хафин...

Камышов рывком поставил лейтенанта на ноги, чтобы не дать тому очухаться и что-то предпринять, благо тот был ранен в плечо.

– Веди в капитанскую рубку, быстро!

– Х-хорошо...

Лейтенант Хафин находился в шоковом состоянии, а потому не стал сопротивляться, тем более, что это бессмысленно, впрочем, как и петлять. Планировка корабля отличалась предельной простотой, и заблудиться на нем было крайне сложно при всем желании.

Между тем солдаты лейтенанта Камышова рассредоточивались по судну, беря под контроль машинное отделение и боевые посты. Несогласных с новыми хозяевами тут же клали лицом вниз, предварительно немного «помяв» им бока, и это в лучшем случае, в худшем звучали выстрелы.

Капитан Аль Караме оказался более умным человеком, в отличие от своего помощника при появлении посторонних схватившегося за пистолет, а потому тут же получившего пулю в голову.

– Сдайте оружие, – попросил Роман.

– И чего вы этим добились? – спросил капитан, послушно отдав свой пистолет.

Вместо ответа Ахмед Аль Караме получил по шее, остальным Камышов приказал развернуть орудия в сторону болтавшихся рядом двух других «охотников».

– Живо, мать вашу! Или сейчас последуете вслед за этим придурком! – Лейтенант показал на тело убитого офицера, вздумавшего помахать оружием.

Пилоты уставились на своего командира, и тот им одобрительно кивнул головой.

– Целиться по двигателям! – приказал Роман. – И точнее, иначе разговор будет коротким.

– Готово, – отчитался один из операторов.

– Огонь!

Грянул залп, сотрясший «семнадцатый» так, что крепления на креслах пилотов не показали теперь Роману излишним приспособлением, а он сам еле устоял на ногах.

«Пожалуй, калибр для данного суденышка несколько великоват... – отметил Роман. – Все равно, как если бы на легковушку установили танковый ствол».

Два «охотника» пылали, и один из них вдруг вспыхнул ярким шаром, обдав «ИСИ-17» тучей осколков, забарабанивших по обшивке.

– Отлично. Всех перегрузили с шаттла? – спросил Роман у появившегося старшины, пришедшего узнать, в чем дело.

– Да...

– Отстыковывайте его и уносим ноги.

Пилоты засуетились, и вскоре шаттл ушел в свободное плавание.

– Как минимум – новое судно, как максимум – свободу... – вдруг сказал лейтенант Камышов, отвечая на ранее прозвучавший вопрос капитана Аль Караме, о том, чего они добились, будто ничего не произошло.

– Насчет максимума я бы с вами поспорил, – возразил все правильно понявший капитан, кивая в сторону лобового стекла.

Там пока еще ничего не было видно, кроме огромной сферы планеты и выглядывающего из-за ее горизонта спутника, в котором Роман узнал первую луну по красноватому отблеску. А вот на радаре отчетливо виднелись три точки, быстро приближавшиеся к «охотнику».

– Три линкора, – пояснил капитан Аль Караме. – Лучше сдайтесь, иначе они разнесут нас в пыль, особенно после того, что вы тут натворили, и меня не пожалеют.

– Так, может, ты заведешь движки и попробуешь уйти из-под огня, а не будешь полоскать мне мозги о великодушии?

– Как пожелаете.

Похоже, капитан не собирался умирать так рано. Он отдал необходимые приказания, и «охотник» буквально рванул с места в карьер, скачками увеличивая скорость.

Но линкоры не отставали. Поначалу они даже пытались вести стрельбу из лазерных пушек, но сравнительно малый размер «охотника», его маневры да еще большое расстояние между линкорами и целью делали их стрельбу бесполезной.

В области астероидов, окружавших любую звездную систему, «семнадцатый» получил значительную фору во времени. Из-за своих небольших размеров и большей маневренности он смог гораздо быстрее выйти на оперативный простор, где его уже ничего не сдерживало.

«Охотник» набрал максимальную скорость, когда линкоры только-только выходили из опасной зоны, расстреливая из пушек опасно приблизившиеся шальные астероиды на мелкие фрагменты.

Максимум, что смогли большие корабли, так это только засечь примерное направление движения «ИСИ-17», когда он исчез с их радаров. Но путей у «охотника» было немного, и командиры линкоров, определив наиболее вероятные пути отхода корабля, запросив соответствующие разрешения, разделились и направились за ним в погоню.

– Куда путь держать? – поинтересовался капитан Аль Карамии, когда «охотник» исчез с радаров линкоров, а они, соответственно, с его.

– Погоди... – отмахнулся Камышов.

Роман все это время выяснял у Самуила технические характеристики «охотника», на вшивость его проверял второй пилот с «Астры». Но пока он молчал, что означало – Самуил говорит правду. Или просто проверяющий пилот вообще не понимал, что происходит, уж очень хмуро он выглядел и непонятно, в каком мире он витал.

Но если верить Самуилу, то выходило, что у «семнадцатого» не слишком большой автономный запас хода. По крайней мере, до Земли его точно не хватит.

– Максимум, можем дотянуть до Цейлона, – добавил к своему рассказу Самуил.

– Почти половина пути до Земли, – механически отметил Камышов.

– Но, это если по прямой... и не жечь топливо в таком режиме.

– Но туда, как и во всех другие места, нам путь заказан, – отметил Роман.

– Тут ты прав, неверный, – ухмыляясь, подтвердил капитан Аль Карамии. – К тому же у тебя на хвосте висит, как минимум, один линкор. Хотя встретят везде с почетом...

– Кончай лыбиться, а то зубы выбью. Дай лучше карты.

– Как пожелаете...

Капитан, перестав улыбаться, достал рулон карт. Все записи были на оуткастском. Впрочем, основные звезды были лейтенанту знакомы. Люди заселили не так уж и много миров – запомнить, где какой мир, не проблема.

Но остальные тысячи белых звездочек на синеватой кальке, особенно их обозначения, ни о чем Камышову не говорили.

– М-да... – озадаченно промышал лейтенант. – Попали яйца в колесо, пищи, но беги...

Следующие полдня он потратил на расшифровку символов, выбирая места, где можно спрятаться. А то, что нужно прятаться, он не сомневался. Везти бесконечно не может. Ну, не нападать же на линкор, по сравнению с которым «охотник» просто шлюпка с пулеметом на носу? Так что нужно прятаться, осталось выяснить, где именно. А мест из-за скурых возможностей «ИСИ-17» не так уж и много.

Прозвучало даже предложение направиться на одну из удаленных колоний. Топлива туда не хватит, но сами колонисты, получив соответствующий сигнал, могли бы подобрать беглецов. Но такой вариант не устраивал Камышова. Его цель состояла не в том, чтобы спрятаться и отсидеться, а сопротивляться оуткастам.

– А это что за хрень? – тыкая в очередную звездочку, спросил Роман.

– ДТО-43С? – переспросил Самуил.

– Именно.

– Э-э... это серьезно – звезда Хиджафа. Звезды класса ДТО очень нестабильны.

– В каком плане?

– Это начинающие умирать звезды. Они, бывает, выбрасывают вещество в пространство. В нашей части космоса она единственная, хоть и под сорок третьим номером.

Остальные...

– Конкретнее, – перебил лейтенант, опасаясь, что Самуил пустится в долгий экскурс по географии космического пространства.

– Ну, они могут в любой момент взорваться. Довольно часто происходят неконтролируемые и непрогнозируемые выбросы энергии, из-за чего там очень плохая связь...

– То, что нужно! – воскликнул Роман Камышов. – Идеальное место.

– Вы уверены? В эту систему без особой нужды предпочитают не соваться...

– Абсолютно. У нас именно такая нужда – спасение своей жизни. Давай, капитан, рули в эту... как её... в ДТО-43С. Другого пути для спасения своей жизни и свободы у нас все равно нет.

– Как прикажете.

Корабль слегка качнуло, «охотник» клонул носом вниз и влево: это он встал на новый курс.

– Расчетное время прибытия к системе ДТО-43С восемнадцать суток, – объявил капитан со штурманского места, которое так и не унесли.

65

Система ДТО-43С встретила людей не очень приветливо. Повсюду вокруг звезды болтались одни только метеориты. Их размеры просто поражали: от нескольких метров до нескольких километров. На окраине попадались камешки и в несколько десятков и даже сотен километров. Состав булыжников также отличался большим разнообразием.

«Охотник» осторожно маневрировал между метеорами, стараясь не врезаться в какой-нибудь из них и следя за тем, чтобы те в свою очередь не врезались в него, – уж очень причудливы были траектории камней. Гравитация больших отклоняла направление движения маленьких, и из-за какой-нибудь глыбы мог вполне появиться шальной снаряд, который поставит точку в нелегком путешествии «семнадцатого».

Все пространство вокруг звезды – сплошное поле деятельности камней. Конечно, между ними простирались многие десятки километров, но скорости объектов настолько велики, а траектории настолько непредсказуемы, что поневоле приходилось держать глаза на макушке.

– Давай, капитан, определяй место посадки, – приказал Роман Камышов, когда «охотник» достаточно сильно углубился в пояс метеоров. – Выбери скалу покрупнее, но не очень. Я так понимаю, что проверяться в первую очередь будут именно самые большие метеориты?

– Конечно. Вот этот подойдет? – капитан показал на обломок метров с триста на сто пятьдесят, с небольшим углублением примерно посередине.

– Нормально. Давай вон в ту канавку...

– Попытаюсь.

– Да уж постарайся.

Пилоты проявляли чудеса высшего пилотажа, и вскоре «охотник», выбив соплами из ямы тучу пыли, приземлился во впадине, проскрежетав бортом по ее стенке. Стрельнули гарпуны, выбив из породы мелкие камешки, и вытянувшиеся тросы намертво прикрепили «ИСИ-17» к астероиду.

– Молодцы.

– Спасибо, – без тени сарказма ответил капитан, он действительно очень старался.

– И что теперь?

– А что теперь? Ждать... Отключите все активные системы корабля, по которым нас можно засечь, и погружаемся в своеобразный анабиоз.

«А действительно – что теперь? – невесело подумал Камышов. – Баки практически пустые, с кислородом и жратвой вроде получше, но что они значат без топлива? Ничего».

Лейтенант надеялся переждать здесь какое-то время, чтобы окончательно удостовериться, есть ли за ними погоня. Если нет, то хорошо и можно продолжить нелегкое путешествие в надежде наткнуться на торговое судно отшельников, которые пополняют опустевшие баки. Если есть – спрятаться и переждать.

Но что потом? На остатках топлива выбраться из системы и подать сигнал бедствия, если отшельники так и не будут найдены? Нетрудно догадаться, кто на него откликнется первым. И тогда все их мучения окажутся напрасными.

Проскользнувшую мысль о том, чтобы поступить с линкором так же, как он поступил с «охотником», взяв его на abordаж из шаттла, Роман сразу отбросил. Экипаж линкора насчитывал до сотни человек, и они, в отличие от экипажа «охотника», знают, что ожидать от беглецов. Церемониться не станут. Да и то, что получилось с «семнадцатым», строго говоря, чистое везение.

Ну не сдаваться же в конце концов?

– Сколько мы тут будем болтаться? – спросил начавший терять терпение старшина.

Его можно было понять. Прошли сутки, а никаких изменений не произошло.

– Сколько нужно. Линкор шел за нами по пятам. Думаю, еще максимум два дня побарахтаемся здесь, потом придется что-то придумывать.

– Ясно...

– Обнаружен объект, – прозвучало на капитанском мостике.

– Накаркал, – проворчал Роман. Потом до него дошло: – Я же сказал отключить все радары! Кому непонятно было?!

– Они отключены. Это пассивная система слежения. Линкор облучает пространство, и мы его видим. Посмотрите сами...

Лейтенант посмотрел. На радаре действительно отчетливо был виден только линкор. Остальные объекты, а именно метеоры, плавали в виде полупрозрачных сгустков и видны исключительно из-за своей повышенной радиоактивности, что являлось особенностью звездной системы.

По всей видимости, на линкоре быстро поняли, что широкополосным облучением ничего не добьются, на радаре высвечивались все камни, и если даже засечь беглеца, он ничем не будет отличаться от обыкновенного метеора.

Изображение на радаре померкло, но линкор по-прежнему оставался хорошо виден.

– Что случилось?

– Они включили резонансный режим, – охотно ответил Самуил.

– То есть?

– Узконаправленный луч для поиска объектов с определенными физическими характеристиками, типа эхолокатора.

– То есть? – повторил свой вопрос Камышов, хотя до него уже стало доходить значение слов пленного пилота. – Какие именно характеристики?

– Состав, плотность объекта. Внутренние пустоты. Короче, будут прозванивать по десятку показателей. Все, что может по своей структуре напоминать корпус корабля.

– Ясно... – протянул Роман.

У Камышова все сжалось внутри, но линкор еще далеко и пока шел расходящимся курсом. Лейтенант понимал, стоит только включить двигатели, чтобы поменять местоположение корабля, как их тут же обнаружат. Потому приходилось сидеть здесь до конца и ждать, надеясь, что командиру линкора надоеет все это достаточно быстро и, посчитав, что искомой цели в системе нет, он отправится восвояси.

Тем строже приходилось следить за экипажем «охотника», чтобы кто-нибудь не выкинул какой-либо финт с целью обнаружить себя.

«Ну, в натуре, затаились как в подводной лодке, боясь лишний раз шелохнуться, чтобы эхолокатор проходящего над субмариной эсминца не засекал», – с горькой усмешкой подумал Роман.

Командир линкора «Звезда Салеймана» майор Исмаилов внутренне содрогнулся, войдя в систему ДТО-43С, такой объем работы не мог не испугать.

«Да здесь работы на несколько недель», – ужаснулся он. Но делать было нечего, приказ был недвусмысленным: найти, и если не удастся захватить – уничтожить с предъявлением необходимых доказательств, чем могли послужить только выловленные тела или фрагменты обшивки «охотника».

Радар застлала пелена из метеоритов, и следовало проверить их все. Правда, через пару дней ему в помощь обещали прислать с десятков поисковых судов, что должно значительно облегчить жизнь майору и сократить поиски захваченного неверными «охотника» до нескольких дней.

– Включите резонансный режим эхолокации, – с безнадеей в голосе приказал майор. Он ни на что не рассчитывал, разве только на чудо, и просто исполнял параграфы инструкции на этот случай.

Локатор послушно ощупывал пролетавшие мимо булыжники. Кораблю постоянно приходилось маневрировать и даже стрелять из пушек.

Часы проходили за часами, линкор проглатывал миллионы километров один за другим, но ничего, даже отдаленно похожего на судно, нигде зафиксировать не удавалось. Только лишь глыбы, глыбы и еще раз глыбы из пустой каменной породы, льда или железа, с последними было больше всего проблем – иногда компьютер принимал их за цель, обнаружив в них близкие по характеристикам пустоты, чем каждый раз поднимал экипаж по тревоге.

– Господин майор, кажется, мы что-то нашли, – объявил лейтенант, склонившись над компьютером, чтобы более подробно ознакомиться с поступающей информацией. Там один за другим появлялись параметры подозрительного объекта.

– Небось, опять жестянка? – лениво поинтересовался майор Исмаилов, он собирался пойти поспать, и тут так не вовремя...

– Нет, мой господин. В том то и дело, метеорит в основном состоит из льда и пустой породы, но здесь интересная деталь – обнаружены пустоты...

– Да мало ли этих пустот?

– В стальной оболочке, мой господин, – договорил лейтенант.

– Хорошо, проверьте более тщательно, – приказал майор без особой надежды на успех. Эта стальная оболочка могла оказаться чем угодно.

– Слушаюсь. Штурман, разворот на тридцать градусов, ускорение одна сотая.

Линкор послушно развернулся на нужный курс и отработал положенное ускорение маршевыми двигателями.

– Нас обнаружили! – закричал пилот с «Астры». Это был его первый самостоятельный звук с момента бегства с Оуткаста, а не вытянутый из глотки, словно щипцами.

Роман только недавно удосужился узнать его имя – Крис Ющин.

Все это время они напряженно наблюдали за действием линкора. Тот, казалось, прогуливался без всякой цели. Однажды корабль, как это уже бывало, скрылся за очередным валуном, но на этот раз выплыл буквально под носом. Чистая случайность, тут ничего не поделаешь.

– Они пытаются выйти на связь, – предупредил лейтенанта Камышова капитан Аль Карамии. – Может, поговорите? Уверен, все не так плохо, как...

– Перебьются! Снимайся с якоря и мотаем отсюда. Живо!!!

«Охотник» вздрогнул, отстрелив тросы с гарпунами, и стал медленно отходить от астероида. Вскоре включились маневровые, а вслед за ними и маршевые двигатели, уносящие корабль от места стоянки из-под носа линкора.

Пока «охотник» отлетал от астероида, на его поверхности можно было различить маленькие красноватые вспышки. До Романа не сразу дошло, что по ним стреляет линкор,

благо только из мелкокалиберных автоматических пушек.

«А что если бы долбанули главные орудия?» – с ужасом подумал Роман, не зная, что они недостаточно подвижны, чтобы тяжелыми и медлительными орудиями поймать в прицел столь близко находящуюся цель, а главное столь верткую.

Видели эти вспышки и пилоты, а потому, заложив крутой вираж, ушли с линии огня, скрывшись в «мертвой зоне» астероида.

Линкор и не думал сдаваться, он со всей своей возможной прытью погнался следом, беспрестанно ведя огонь по юркой цели.

Надо признать, пилоты «семнадцатого» заслуживали похвалы. Они крутились, огибая встречные и поперечные астероиды так, что темнело в глазах от перегрузок. Но ничего не поделаешь, приходилось терпеть.

Камышов увидел огромный астероид, движущийся прямо на них.

– Быстро к нему, – приказал он.

– Зачем?

– Спрячемся.

– Но это бессмысленно...

– Делай, что говорю. Как только скроемся за ним, отключайте двигатели и вообще все радары, мы должны стать невидимкой. Ну, не мне вам объяснять, вы все знаете лучше меня...

– Хорошо...

Охотник на большой скорости обогнул астероид и, уклонившись от двух булыжников, отключил двигатели и активные системы жизнеобеспечения, превратившись в один из астероидов, но только до тех пор, пока линкор снова не перейдет из обычного в резонансный режим.

«Семнадцатый», как и предполагалось, на радаре линкора превратился в обычный камень, летящий куда-то по своим, только ему ведомым делам.

Но все оказалось не так просто. «Охотник» входил в плотную область метеоритного потока.

– Даже не думай, – шепотом просвистел Камышов, когда лейтенант-пилот взялся за ручку, чтобы запустить маневровые двигатели и уйти от возможного столкновения с приближавшимся камнем с двухэтажный дом.

– Но мы сейчас врежемся!

– Не врежемся, – не слишком уверенно проговорил Роман.

Астероид действительно пронесся далеко от корабля, но вот увлекаемые за ним камешки довольно сильно встряхнули «охотника», и в кормовом отсеке даже случилась разгерметизация, о чем оповестила сигнализация. Но автоматическая система по обеспечению живучести судна вкупе с экипажем справилась с этой проблемой достаточно быстро, залив место пробоины быстро твердеющим пенным герметиком.

– А вот сейчас действительно врежемся, – прошептал капитан, глядя на неумолимо приближавшуюся скалу.

Она медленно вращалась, поблескивая кристаллами льда на своей поверхности, наглядно показав, что сделает с корабликом, раздробив на мелкие камешки врезавшийся в нее довольно большой метеорит, раза в три больше «охотника».

Роман мысленно согласился с выводом капитана Аль Карамии, но ничего не сказал.

Скала надвигалась с уверенностью бульдозера, которому следовало снести с лица земли хлипкий домик барачного типа, чтобы на его месте вырос высотный красавец из стекла и бетона.

Вдруг по корпусу «охотника» что-то с силой долбануло, да так, что зазвенело в ушах, и снова заорали аварийные сигнализации, оповещавшие о полученных повреждениях в отсеках.

«В нас попали!» – пронеслась в голове Романа первая мысль.

– В нас попали? – переспросил он.

– Нет... иначе от нас бы уже ничего не осталось. Это камень, – объяснил капитан.

От удара «охотника» сильно закрутило, он изменил курс, и это позволило «семнадцатому» пройти под скалой, столкновение с которой казалось неизбежным.

– Мы не в поле зрения линкора, – хрипя, заявил Самуил.

– И что?

– Нужно выровнять полет, пока это еще возможно. Иначе...

Самуил показал на очередной булыжник весьма немаленьких размеров, столкновения с которым точно избежать бы не удалось, особенно учитывая беспорядочное движение «ИСИ-17».

– Давай, – разрешил Камышов, понимая, чем им грозит это «иначе».

Пилоты взяли за рычаги и спустя несколько секунд неимоверными усилиями стабилизировали полет «охотника», снова нырнув в «мертвую зону» астероида относительно линкора.

– Пожалуй, нужно искать новое пристанище, – сказал Камышов, пытаясь проглотить вставшую в высохшем горле слюну. – Но там, где нас не найдут эти резонансы...

– Это невозможно, – категорически заявил капитан Аль Карамии.

– Возможно, – вдруг сказал пилот «Астры», лейтенант Ющин.

– И где же? – иронизировал капитан.

– В области сильной радиации.

– Да мы в таких условиях сдохнем через сутки!

– Через десять суток, – безжизненным тоном поправил капитана Крис. – Но, по крайней мере, линкор нас не засечет.

– Хорошо, Крис, ищи такой астероид, – согласился Камышов.

Ющин запустил компьютер на поиск нужного объекта, и вскоре такой астероид был найден.

– Давай к нему, – приказал Камышов.

– Как пожелаете, – пожал плечами Аль Карамии. – Но я вас предупреждаю: через два-три дня пребывания на этом камешке мы все станем полноценными импотентами без возможности восстановления...

– К нему... – хрипло подтвердил приказ лейтенант Камышов.

«Охотник» двигался к намеченной цели, находясь только под прикрытием крупных астероидов, сам прикидываясь булыжником, преодолевая открытое пространство до следующей «мертвой зоны».

Потребовалось несколько часов, чтобы пристать к нужной скале величиной с полкилометра на километр. Фонило здесь действительно очень сильно, так что датчики пришлось отключить, а то и до нервного срыва недалеко. Все знали, чем вредна радиация, особенно для мужчин. Но чего только не сделаешь, чтобы спасти свою жизнь.

Линкор продолжал рыскать по сторонам, ощупывая каждую складку метеоров, но так и ничего не нашел, хотя люди, сидевшие в «семнадцатом», невооруженным взглядом видели проходивший над ними линкор.

Линкор действительно потерял свою цель, но зафиксировал область пространства, где та скрылась, и, выйдя «вверх» относительно эклиптики метеоритного потока, где за ним легче наблюдать, стал ждать специализированных поисковиков, которые должны были скоро подойти. С ними поиск не займет особого труда, особенно когда знаешь где и что искать.

67

Гарпун «охотника», приземлившись на выбранную скалу, отскочил в сторону при попытке закрепиться на грунте, чтобы инерционным движением «семнадцатого» не сбросило с метеорита, несмотря на слабую естественную гравитацию.

– Шайтан, – злобно прошептал капитан Аль Карамии.

– Что там?

- Гарпун отскочил.
- Так всади его снова.
- Попытаюсь...

Лебедка медленно, но верно втягивала в себя трос с гарпуном, чтобы специальной пушкой снова попытаться всадить его в твердую породу.

Последний метр троса вскоре втянулся, и оператор сделал новую попытку, но с тем же результатом – гарпун отлетел, выбив из-под наконечника сноп искр.

– Это даже интересно, – заинтригованно проговорил капитан, расплющивая нос в иллюминаторе в попытке рассмотреть посадочную площадку в тусклом свете звезды. – Придется вручную забивать.

- А без этого никак нельзя? – поинтересовался лейтенант Камышов.
- Нельзя. Чувствуете качку?
- Ну... – согласился Роман.

И действительно, иногда «семнадцатого» заметно покачивало, и откуда-то снизу слышался тревожный скрежет, неприятным звуком расходившийся по всему кораблю.

«Тросы», – догадался Роман.

- Нас может сорвать, три крепления не выдержат нагрузки.
- Перенацельте гарпун.
- Увы, они стационарны. Бьют практически в одну точку.
- Что ж, вручную так вручную, – согласился Камышов. – Только не думаешь ли ты, что я отпущу вас одних?

- Хорошо, можешь посмотреть за действиями команды, если тебе так хочется.
- Хочется, – ответил Роман, хотя выбираться наружу, где радиация наверняка была еще сильнее, ему не улыбалось.

«Где наша не пропадала? – с напускной бравадой подумал лейтенант Камышов, заглядывая в иллюминатор. – И здесь не пропадет».

- Только ты капитан, пойдешь со мной.
- Как пожелаете, – ответил тот своей любимой присказкой, играя невинного агнца.
- Желаю...
- Пойдемте в примерочную.

«Примерочной» капитан назвал помещение рядом со шлюзом, где находились скафандры. Матросы и сам Ахмед Аль Карамии оделись довольно быстро, чего нельзя сказать о лейтенанте и сержанте Галсе, вызвавшимся идти с Камышовым, чтобы оуткасты ничего не учудили.

И хотя они уже имели дело со скафандрами – «орланами», и даже воевали в них, им понадобилась помощь. В конце концов, через полчаса они вместе с оуткастскими матросами шагнули в переходной шлюз.

По трапу спустились на поверхность астероида, и Роману стало жутковато от вида проносившихся мимо других глыб. «Шандарахнет вот по нам один такой, – невольно подумал он, – и мокрого места не останется».

Между тем матросы занимались делом. Они поймали свободно плавающий гарпун, примостили его к поверхности астероида и стали забивать вдвоем молотами, словно кузнецы в замедленной съемке, пока один держал его длинными щипцами. «Это чтобы руки не отбили, если кто вдруг промажет», – догадался Камышов.

Но гарпун никак не хотел входить в грунт. От поверхности отбивались целые куски породы, и вскоре лейтенант стал чувствовать под ногами легкую ударную вибрацию от каждого удара молотом по гарпуну.

- Это нормально? – с тревогой спросил Роман.
- Нет, это не нормально, – ответил капитан и приказал прекратить все работы.
- Аль Карамии внимательно изучил место скола породы.
- Что там?
- Никак не пойму, но очень сильно смахивает на обшивку корабля.

– Инопланетного? – трагическим шепотом уточнил Роман. В мозгу сразу же пронеслись десятки картинок «летающих тарелок» и замороженных «зеленых человечков» в них.

Капитан не понял, издевался ли этот неверный над ним, или действительно опасался, что это борт инопланетного корабля. Наверное, в глубине души он все же хотел, чтобы под ними действительно лежала «тарелка», хоть и понимал, что в теперешних обстоятельствах это стало бы еще одной ненужной проблемой.

– Да кто его знает. Не удивлюсь, если это так, но вряд ли. Для точного определения нужно очистить поверхность от наростов.

– Отойдите, – попросил лейтенант и навел оружие на место рядом со сколом.

Матросы отскочили так резво, что одного из них чуть не унесло в космос, но, благо, все были связаны страховочными ремнями и его подтянули обратно.

Камышов сверился с экипажем – находятся ли они в темной зоне относительно линкора, и, получив утвердительный ответ, начал стрельбу.

Винтовка, специально приспособленная для стрельбы в открытом космосе, быстро откалывала большие куски, тут же улетающие прочь, и взгляду открывалась матовая поверхность обшивки неизвестного корабля. Вскоре показался ободок люка, оказавшегося техническим отверстием для мелких ремонтных работ.

Полустершиеся буквы показали, что это не внеземной, а вполне человеческий корабль, разве что очень старый.

– Не может быть... это «Великий Петрофф», – потрясенно сказал капитан Аль Карамии.

– Чего? – не понял Роман.

– Потерявшийся крейсер начала Великой экспансии. Один из самых больших боевых кораблей, когда-либо построенных.

– Да? Может, попробуем проникнуть вовнутрь? Поглядим...

– С удовольствием...

Капитан быстро подскочил к люку и попытался его открыть, но автоматика молчала. Только это Аль Карамии не обескуражило, и он при помощи своих матросов стал открывать его вручную, очистив и отколупав при помощи молотов два рычага рядом с люком. Здесь уже понадобилась помощь Камышова и Галса, матросы не справлялись, слишком все приросло друг к другу.

Все вместе они налегли на рычаги, те поддались нажиму, и люк, дрогнув, стал отходить в сторону, паром выпуская наружу оставшуюся внутри отсека атмосферу.

Внутри оказалось темно, фонарики на шлемах слабо освещали внутренности переходного отсека, потому капитан предложил снарядить более основательно подготовленную экспедицию с нормальными фонарями. Лейтенант полностью согласился. Внутри могли оказаться полезные для них вещи и, возможно даже, удастся позаимствовать столь необходимое «охотнику» топливо.

68

Проникать внутрь непонятно почему погибшего корабля оказалось не то что бы страшно, но неприятно. Перед глазами так и крутились картинки ранее виденных ужасиков вроде «Чужого», где всякие мерзкие твари вырывались чуть ли не из-под рук. Умирать так Роман не хотел.

Тем не менее, добровольцев набралось предостаточно. Захотели пойти даже те, кто еще недавно лежал при смерти. Но ограничились отрядом из пятнадцати человек – пяти оуткастцев и десяти человек лейтенанта Камышова с ним во главе.

Чтобы хоть как-то прогнать неприятное ощущение слежки или чужого присутствия, Роман завел разговор с капитаном Аль Карамии:

– Сколько ему лет?

– Больше семисот.

– Как этот корабль вообще потерялся? Это же невероятно – потерять такую громадину!

– Не так уж и невероятно. Корабли терялись постоянно. Обычное дело. Пропал при переходе из точки «А» в точку «Б», а уж что там и как... Могли взорваться двигатели, это было частой причиной на начальных этапах Великой экспансии. Могли врезаться в метеор-шатун, это и сейчас не редкость. Особенно много потерь случалось среди разведчиков – уходили в неведомые дали – и с концами.

– И много пропадало?

– Не так чтобы очень, но десять-пятнадцать в год точно. Другое дело, что с «Великим Петроффом» особая ситуация – он пропал при самых масштабных учениях в истории.

– Каким образом?

– Дело темное... – загадочно сказал капитан, припоминая историю почти тысячелетней давности. – Тогда между Землей и Чайной возникли трения по поводу их планеты, дескать, она недостаточна благоприятна для проживания, и они требовали себе части других колонизированных планет... Но все знали, эти чайнцы как зараза – стоит им где-то зацепиться, и они вытеснят оттуда всех.

Земляне, зная об этой их вредной особенности не понаслышке, не согласились. Из-за обострения отношений сама собой началась гонка космических вооружений. Земля, выжимая из себя последние соки, отказывая себе практически во всем, сворачивая социальные программы, построила десяток вот таких суперкораблей, которые больше сегодняшних самых крупных раза в три, и затеяла учения, чтобы показать свою силу.

– Так что там с учениями?

– Учения как учения, ничего особенного. Один корабль наносит удар по флоту, после чего уходит на всех парах и прячется. Но, видимо, командир слишком хорошо спрятался.

– Да уж, – согласился Роман. Ему эта история что-то смутно напомнила, но он не мог сообразить, что именно. – Почему этот корабль остался здесь? Такое впечатление, будто весь экипаж вымер. Если бы кто-нибудь спасся, то его нашли бы еще в то время.

– Наверное, так и есть. Что касается причины, то, возможно, все дело в звезде ДТО. Она нестабильна. Мог произойти небольшой взрыв на поверхности звезды с выбросом радиации. Это как-то повлияло на экипаж, и они даже не смогли подать сигнал бедствия. А может, и смогли, но сигнал не вышел за пределы системы, или же его сильно исказило. Вот так.

Все замолчали, подавленные трагической судьбой экипажа. Тем более что открывшийся вид не располагал к разговору.

Корабль действительно поражал своими размерами: высокие потолки, широкие проходы, чувствовалось, что на него не пожалели материалов. Правда, все это было завалено мусором. Стали появляться тела членов экипажа, законсервированные холодом и пропеченные радиацией в течение нескольких столетий, поэтому люди мумифицировались, и казалось, будто умерли неделю назад.

На стенах и арматуре блестели кристаллики застывшего кислорода, внизу туманом клубился охлажденный азот, но атмосферы на корабле практически не осталось, она выветрилась за долгие столетия вынужденной стоянки.

Группа шла в центр управления, но по пути свернула в параллельную галерею и оказалась в отсеках, где стояли самолеты. Казалось, они находились в полной боевой готовности, стоит только посадить пилота за штурвал.

– Авианосец?

– Скорее авианесущий крейсер, – поправил капитан Аль Карамии. – А самолеты эти могут управляться как пилотами вручную, так и операторами дистанционно, но они не автоматические, как нынешние корабли землян – без элементов искусственного интеллекта, хотя уже тогда подобная технология была хорошо развита. Видимо, неверные тогда предпочитали обходиться своими силами.

– А откуда ты все это знаешь?

– Этот корабль многие мечтали найти. Нашедший стал бы его капитаном. Его немного

модернизировали бы, навесили новейшие пушки, двигатели, и против такой силищи ничего не устояло бы.

– Понятно. А какое еще здесь есть вооружение сейчас? – поинтересовался Роман.

– В основном, ракетно-торпедное. Лазерные пушки тогда особо не ставили из-за своей маломощности. Хотя пушки здесь тоже имеются, хоть и обычные – снарядные...

Чем ближе пробирались к капитанскому мостику, тем больше становилось трупов. Это говорило о том, что люди умерли практически мгновенно. Роман был рад, что не видит лиц этих людей, закрытых коркой льда, он подозревал, что после облучения выглядят они ужасно.

Невольно подумалось о том, что экипаж состоял не меньше чем из пяти-семи тысяч человек, и все они погибли так нелепо.

Дверь на капитанский мостик оказалась открыта. Капитан Аль Карамии осветил панели управления кораблем, подошел к главному пульту и поднял пластиковую крышку, с которой посыпался толстый слой пыли, снизу эта пыль была хорошо спрессована, и она так и осталась на крышке, смахивать ее никто не стал.

– Ты что делаешь?! – остановил его Роман Камышов, схватив за руку.

– Хочу протестировать системы корабля.

– Думаешь, я совсем идиот? Ты же нас засветишь перед линкором.

– Не засвечу, это всего лишь тестирование, а не запуск.

– С чего ты взял, будто корабль вообще откликнется после семисот лет смерти?

– Вот это я и хочу проверить.

– Ну, ладно... – неуверенно разрешил лейтенант, опасаясь, что не будучи специалистом, он чего-то все-таки не предусмотрел и к внутренностям корабля вообще не следует прикасаться.

Капитан перебрал несколько клавиш – и о, чудо! Корабль ожил. Что-то в утробе судна заскрежетало, засвистело и панели управления несмело засветились огоньками. Кое-где, проморгавшись, словно после долгого сна, ожили экраны компьютеров, показывая надпись о перезагрузке систем и о проведении тестирования на предмет боевой готовности систем корабля.

– Невероятно!

Роман не верил, что после стольких веков естественной консервации еще что-то может работать. Недоверия оуткастам, Камышов приказал привести пилота с «Астры», чтобы тот контролировал все действия, поскольку сам он ничего в корабельном оборудовании не смыслил, да и надписи несколько отличались от тех, которые он знал.

Пока ходили за пилотом, Роман поинтересовался:

– Почему оборудование живо, если, как ты утверждаешь, случилось, радиационное облучение? По идее все должно сгореть.

– Наверное, системы лучше экранированы, чем корпус, а потому пострадали меньше...

– Но почему еще живы генераторы?

– Это не генераторы, а лишь батареи, – возразил капитан и, посмотрев на показатели заряда, добавил: – И хватит их дней на пять, если использовать по минимуму.

Предвещая следующий вопрос неверного, капитан ответил:

– Радиация астероида и регулярные вспышки звезды поддерживала заряд батарей, поскольку они на изотопах.

– Понятно... Что с реактором? Ведь он в этом случае может тоже остаться в рабочем состоянии.

– Может... может быть даже так, что этот корабль до сих пор на ходу, но запускать его я бы ни за что не рискнул.

– Почему?

Роман вдруг подумал, как хорошо было бы вернуться на Землю на «Великом Петроффе». «Охотник» его бы немного почистил из своих пушек от наслоений, и крейсер одним только своим видом сказал бы свое веское слово в войне с оуткастами.

Ахмед посмотрел на лейтенанта, словно перед ним стоял ребенок, но ответил:

– Один неисправный механизм в управлении стержней реактора – и мы все исчезаем в ядерной вспышке, расщепившись на атомы...

– Значит, не судьба, – думая о своем, прокомментировал Камышов.

69

Пришедший пилот Крис Юшин контролировал все действия оуткастской команды и никакого саботажа с их стороны не заметил.

Удалось выяснить более точные резервы корабля, и, немного поразмыслив, главный отсек решили оживить в том плане, что закачали имевшийся в резервуарах кислород и прогрели все так, что можно ходить и дышать без скафандров. Правда, их полностью не снимали...

– Мы можем воспользоваться топливом крейсера, чтобы заправить «охотника»? – спросил лейтенант Камышов, немного освоившись.

– Не думаю, – с сомнением ответил капитан Аль Карамии. – Здесь совершенно другая марка топлива. Для «ИСИ-17» нужно топливо более высокой степени очистки и несколько иного состава.

– И все же?

– Нельзя, но если очень нужно, то можно, – своеобразно ответил капитан. – Только о больших скоростях придется забыть... да и о надежности двигателей тоже.

– Нам не до жиру, – кивнул Роман. – Лишь бы выбраться отсюда.

Изучение корабля продолжилось. Нашли дистанционные пульта управления самолетами, представлявшие собой кольца диаметром два метра, и кресла во внутреннем ободе со всеми панелями управления и штурвалом – копией кабины боевого самолета.

– Для чего это? – спросил сержант, опередив Камышова с вопросом.

– Для абсолютно достоверной передачи ощущения пилотирования, – ответил Крис Ющев. – Кресло может наклоняться вперед и назад, а также двигаться по внутреннему кругу, так что пилот знает, в каком положении его самолет, особенно если речь идет о пилотировании в воздушном пространстве планеты, где подобные ощущения более важны.

– Класс!

Сержант от избытка чувств даже сел в кресло и надел шлем-визир, но тот, естественно, не работал.

– А включить можно?

– Да, с капитанского мостика. Я там как раз необходимые коды нашел.

Неожиданно на связь вышел старшина Фрейндлих, оставшийся за главного на «семнадцатом».

– В чем дело?

– На радаре метки. Десять судов. Самуил говорит, это специализированные поисковики, то есть они по нашу душу и двигаются в наш сектор. Сейчас начнут поиск.

Роман как-то сразу осел. Он надеялся, что линкор ушел восвояси, но оказывается, тот ждал подкрепление, и оно прибыло. Что делать в этой ситуации, он не знал. Надеяться на то, что их не найдут с такими средствами поиска, просто глупо.

Тут до лейтенанта дошло, что они находятся на боевом корабле, и он всех погнал обратно на капитанский мостик.

– Ты ведь говорил, что это ракетный крейсер? – спросил Роман у капитана.

– Да. Ракетный, авианесущий...

– Значит, здесь должны быть ракеты. Крис, найди их.

– Это бесполезно, – ответил пилот, после нескольких минут работы за терминалом найдя искомое. – Необходимы специальные коды.

– Но ты же говорил...

– С этими кодами я могу лишь выстрелить ракетами, но боеголовки заблокированы,

детонации не произойдет. Не забывайте, крейсер находился на учебном задании, даже в те времена требовались дополнительные коды для активации.

– Пушки?

– То же самое. Да и вряд ли они в рабочем состоянии. Сотни лет в них копилась пыль...

– Черт!

– Разве что... – несмело продолжил Крис.

– Что?! Говори!

– Самолеты. Компьютер показывает, что они в полной боевой готовности. Вот только, насколько хорошо они сохранились и смогут ли взлететь?

– Выбора нет. Попробуй запустить их.

– Хорошо...

Капитан Ахмед Аль Карамии наконец-то улучил свободную секунду. В самом начале тестирования он нашел все эти коды, которыми хвалился этот хлюпик, и узнал пароль открытия оружейного ящика.

Все это время он ждал, когда неверные освоятся и перестанут зыркать исподлобья подозрительными взглядами, и вот дождался. У неверных горели глаза, они разбрелись по капитанскому мостику и трогали его корабль.

Именно его корабль. Ахмед считал его своим и еле сдерживался от того, чтобы не вырвать у кого-нибудь из неверных автомат, который они таскали так небрежно на плече. Но он понимал, что этим ничего не добьется. Ну, убьет парочку из них и все, а дальше придется умирать самому.

Следовало вывести из строя их главного командира. И вот такой случай представился. Улучив подходящий момент, он набрал код на электронном замке и осторожно открыл дверцу. Повезло, дверь отошла без скрипа, и оружие было на месте.

Капитан схватил первый попавшийся пистолет и одним движением вставил магазин в рукоять. Он боялся, что, пролежав так долго, оружие испортилось, а масло стало настоящим цементом, но нет, затвор передернулся, хоть и с заметным усилием, послав патрон в патронник. Но даже это виделось настоящим чудом, и капитан невольно восхитился технологиями неверных, от которых остались лишь жалкие хлюпики, не стоившие даже волоса своих предков – настоящих мужчин.

Ахмед начал стрелять практически с разворота, подав знак, чтобы остальные его матросы вооружились сами.

Роман напряженно наблюдал за действиями пилота, когда тот вводил необходимые пароли. Он отвлекся, позабыв все на свете, и только краем глаза заметил что-то непонятное.

– Гото... – начал Юшин, но договорить уже не смог.

Лейтенант его и не слышал, все его существо уже подчинялось только подсознанию и животным инстинктам. Роман, даже не разглядев что и как, просто почувствовав угрозу, отпрянул в сторону. Раздался выстрел, и пуля пробила тело Криса насквозь.

Захлопали новые выстрелы, и лейтенант только успевал отскакивать, кувыркаясь в тяжелом скафандре, не хуже гимнаста.

Капитан Аль Карамии где-то раздобыл оружие и сделал попытку покончить с неверными, начав с их командира, став капитаном ни много, ни мало – «Великого Петроффа».

Камышов видел, как вооружались матросы «охотника», вытаскивая из оружейного шкафа автоматическое оружие. «Во как делали! На века! – восхищенно подумал Роман об оружии, и даже то, что его пытаются убить, ушло на второй план. – До сих пор все стреляет, даже дополнительная смазка не нужна. Вот бы еще и самолеты в ней не нуждались...»

Камышов чертыхнулся. Свою винтовку он оставил на панели управления рядом с уже убитым Крисом, схватить ее тогда не было времени. Он об этом просто не подумал.

Дальше все произошло как в вестерне. Вооружившиеся матросы стали высматривать

себе цели, но и солдаты, повалившиеся на пол, с первыми звуками выстрела привели свои винтовки, стреляющие даже в вакууме, в боевое положение и сами стали атаковать противника.

Стрельба началась практически одновременно. Но солдат было больше, и они имели гораздо больший опыт, чем матросы, по части ведения боя в замкнутом пространстве. Через десять секунд стрельба стихла. От этих винтовок даже раненых не оставалось.

Аппаратуры накрошили изрядно, но и противник весь полег.

– К постам управления авиацией! – не теряя ни секунды, приказал Роман.

70tc «70»

– Ну, кто-нибудь знает, как всем этим управлять?! – сев в кресло пилота дистанционного управления самолетом, спросил лейтенант Камышов.

Все закрутили головами. Мало кто понимал, какие кнопки вообще нужно нажимать.

– Кажется, я знаю... – неуверенно проговорил рядовой Шепель, неудавшийся программист высшей школы математики. Его отчислили за дебош, после чего он загремел в армию, но так и остался там уже по контракту.

– Да?...

– Ну-у... тут мало что отличается от компьютерной игры, даже символы знакомые... надо только с некоторыми из них разобраться.

– Ну, так разбирайся!

Олег и разбирался следующие полчаса, объясняя сослуживцам назначение каждой кнопочки и рычажка на пульте управления.

Как производить запуск ракет, как стрелять из пушек, какие цифры показывают их расход. И много чего еще. Половину из всего Роман тут же благополучно забыл, но не стал в этом никому признаваться, надеясь, что все вспомнится по мере необходимости.

– Вроде бы все... – сказал Шепель. – Да, вот этот переключатель открывает ячейки для выхода самолета. Теперь все. Можете одевать шлемы.

Камышов одел. Приборная панель стала чуть расплывчатой, зато появилась картинка вида из самолета. Стена, а на ней светящаяся стрелка, указывающая куда-то вниз.

«Что бы это могло значить?» – удивился Роман.

По приказу лейтенанта старшина, прихватив Самуила, прибыл на капитанский мостик крейсера и оттуда докладывал о поведении противника.

– Кружат стервятники, – доложил Виктор Фрейндлих. – Все ближе и ближе.

– Что линкор?

– На месте болтается.

Корабли технической поддержки, в данном случае поисковики «хоунд», действительно ходили кругом, на каждом витке сжимая его диаметр. Их сверхчувствительная аппаратура обшаривала астероидные скопления, проверяя на наличие беглецов. Вооружение они имели чисто символическое, всю поверхность занимала аппаратура, для которой не существовало практически никаких преград, в том числе и сильнейшие радиационные поля.

К новоиспеченному отряду боевых пилотов присоединились еще два человека с «охотника», и Олег Шепель для них снова рассказал принципы управления самолетами, что Роман еще раз внимательно послушал. На этот раз он уяснил чуть больше, чем в первый.

– Они практически над нами, – доложил старшина после часового наблюдения за деятельностью оуткастов. – Они нас нашли...

– С чего ты взял?

Лейтенант не хотел в это верить.

– Линкор снялся с места и движется прямым курсом на нас.

– Ясно. Ну что, ребята, попробуем размять крылышки, прежде чем ввязаться в серьезную драку с серьезным противником?

– Конечно, о чем речь, – поддержали солдаты.

Роман надежнее закрепил шлем и, взявшись за штурвал, нажал на нужную кнопку запуска истребителя.

Кресло действительно передавало абсолютно все ощущения реальности, в этом Камышов был теперь уверен на все сто процентов. Его затрясло, и вдруг он провалился куда-то вниз – это транспортный стол ушел под пол. Роман глянул вверх – проем над головой закрылся, и быстрые огоньки от самолета по стенкам шахты, повторяясь как на елочной гирлянде, побежали куда-то вперед.

Роман смутно видел, как открылись створы в борту крейсера, но так и не увидел космоса с тысячами белых точек звезд.

Вдруг кресло дернулось назад, и черная стенка стала быстро приближаться. «Астероидная „накипь“! – догадался Камышов о структуре стенки, покрывшей корпус всего корабля, ведь он сам не так давно отколупывал ее от борта выстрелами. – Вот, черт!»

Роман лихорадочно соображал, и пальцы сами наткнулись на гашетку пушечного огня. Недолго думая, лейтенант открыл огонь. Пушечная трасса снарядов ушла вперед, взорвав столетние наслоения пыли, спрессовавшейся в твердую корку. Красное пламя вперемешку с пылью вытянуло наружу остаточным давлением внутри шахты, и перед глазами лейтенанта Камышева открылось впереди чистое пространство с этими самыми звездами и пропылившими вдалеке астероидами.

У половины солдат случилась похожая ситуация, кто-то дико орал, с головой окунувшись в виртуальный мир пилотирования, забыв, что они сидят в отсеке корабля, а не в реальном кресле истребителя. Кто-то даже пустил ракету, но большинство просто пробило корку носом самолета. Носы оказались достаточно крепкими, чтобы выдержать этот удар. Но как бы там ни было, вся эскадрилья вышла в космос, а разбитые колпаки кабин не имели никакого значения. Главное, что повреждения не были большими, и аппаратура не пострадала.

У лейтенанта буквально перехватило дыхание, уж очень реальным было чувство, будто его выбросили в космос, а там барахтайся, как знаешь.

Роман осторожно стал пробовать управлять самолетом, оценивая его послушность, маневренность на поворотах и изменения скоростных режимов. Немного обвыкшись, он запустил систему наведения, и тут же кругляшек прицела лег на бочковатый «хоунд», оставив в покое метеоры и кувыркавшиеся рядом другие самолеты, опознав в них своих.

«Та-ак, – протянул про себя Камышов, вспоминая назначение фиксированной точки посередине лобового стекла, а точнее визира. – Это у нас прицел автоматического огня из пушек, а подвижная – ракеты. Стрелять нужно, когда две подвижные рамки соединятся вместе».

– Ну, как вы там? – спросил лейтенант, заметив, что движения самолетов стали более осмысленными, а не корявыми, как раньше.

– Нормально, командир... думаю, можно начинать, – ответил сержант Галс.

– Тогда давайте потреплем этот бочонок?

– Без проблем...

Самолеты рванули вперед, заходя в атаку сразу со всех сторон на стометровый корабль.

71

Опробовать свой самолет лейтенант Камышов решил с пушек. Прошлые выстрелы получились инстинктивно, к тому же Роман уже знал, что пушки в рабочем состоянии, и теперь предстояло поработать ими более осмысленно.

Пушки злобно загавкали, и длинная очередь ушла к «хоунду», частыми разрывами молотя по его обшивке. Включились в работу и другие самолеты, но почему-то Роману казалось, что для всех это какая-то игра. Может, потому, что все знали – им ничего не грозит и смело шли вперед.

Пилоты измывались над тушей поисковика как хотели, расстреливая его из пушек

почем зря. И тот будто в растерянности не отвечал, даже зенитки не шевелились.

Похоже, там действительно не понимали, что происходит. Искали охотника «ИСИ-17», а нарвались на какую-то шайку разбойников на истребителях неизвестной модификации, которые, – подумать страшно, – первыми бросились в бой!

Подошла очередь ракет – Роман расстрелял половину боезапаса к пушкам.

Камышов повернул голову, и кругляшек послушно лег на то место, куда он хотел запустить ракету. Квадратик медленно приблизился к кругляшку и, совместившись, фигуры вспыхнули красным цветом, показывая, что можно стрелять. Роман нажал на спуск.

Ракета сорвалась с места и ушла вперед, а через десять секунд на поверхности «хоунда» вспыхнул кроваво-красный шар и тут же погас. Роман так и не понял: нанес он хоть какой-то ущерб кораблю. Видимых повреждений он не увидел.

Его товарищи повторили пуски, сбрасывая свои ракеты на корабль, сбросил оставшиеся и лейтенант. Только после этого стало заметно, что корабль кренится на борт, а из пробоин белыми фонтанами выходит воздух, а где-то даже полыхнул огонь.

– Мы его подбили, мы его подбили!

Камышов в наушниках не мог разобрать, кто кричит, но ему вдруг стало не до крикуна. К месту боя подошел линкор.

Высветилась какая-то надпись, и пронзительно запищал приборчик. Повинуясь инстинктам, лейтенант резко увел самолет влево и увидел, как мимо пронеслись красные лучи лазерной пушки.

«Будем знать, – подумал Роман, – это система оповещения».

Весь боезапас вышел на «разминку» с «хоундом», и к встрече с линкором все остались пустыми. Но все были рады, хоть этот выход, по сути своей – пробный, оказался более чем удачным.

Камышов видел, как кто-то пытался вернуться на крейсер в свою ячейку, но мастерства пилотирования все же не хватило, и он врезался в борт, расцветя в яркой вспышке разрыва.

Отвлечшись на эту сцену, лейтенант запоздал с реакцией на новый сигнал собственного захвата в прицеле линкора «Звезда Салеймана» и почувствовал сильный удар, после чего кресло вернулось в первоначальное положение покоя, а на экране визира горело несколько пульсирующих надписей.

Одну из них Роман с трудом, но все же прочитал, из нее явствовало, что самолет уничтожен. «Это я уже понял», – зло подумал он.

Лейтенант связался с умником Шепелем и, коверкая, прочитал ему оставшиеся нерасшифрованные надписи.

– Что они означают?

– Это запрос: желаете ли вы взять под управление новый самолет.

– Конечно, желаю!

– Тогда жмите «Йес».

– Понял, – ответил лейтенант и нажал нужную кнопку на панели, снова оказавшись в кабине «инведера». После чего связался с остальными пилотами, и обратился к ним со следующим приказом: – Обратно на крейсер не возвращаться.

– А что же нам делать? Мы пустые...

– А что тебе делать внутри? Можно подумать, там кто-то навесит тебе новые ракеты и заправит картриджи лентами снарядов? Кому-нибудь что-нибудь слово «камикадзе» говорит? – стал раздражаться Роман на непонятливость подчиненных.

– Понял командир, шас сделаем...

Несколько человек заорало от избытка чувств, направляя свои самолеты на линкор, будто сами сидели в кабинах истребителей. Не все сумели добраться до цели, но пара истребителей врезались-таки в борт линкора.

Дальше все пошло по накатанному: запуск самолета, расстрел из пушек корки на корпусе крейсера, вот только на этот раз им противостоял не безобидный «хоунд», а полноценный боевой корабль, где экипаж не такой лопухий, как на поисковике, и знал свою

работу на отлично.

Линкор с ходу начал расстреливать самолеты, и ни о какой атаке речи быть не могло, приходилось думать лишь о том, как увернуться от зенитных снарядов, лупивших по броне самолетов.

Наконец, лейтенанту удалось вырваться из огненного плена и слегка отдышаться. Во время этих маневров его кресло ходило по кругу ходуном, вращая Романа во всех мыслимых плоскостях пространства, повторяя все маневры реального самолета, поэтому в голове стоял легкий кавардак. Вестибулярный аппарат не всегда успевал реагировать, но и отключить кресло тоже нельзя из-за потери реальности положения дел.

– Бить только по пушкам, – приказал Камышов и ринулся в бой с пятеркой оставшихся самолетов после этой лавины огня. – И будьте внимательнее, вы не в компьютерном клубе сидите. И запасных жизней не так уж и много.

Впрочем, из ячеек вылетали все новые истребители. Роман помнил, всего по левому борту таких шахт пятьдесят. Значит, они уже использовали половину из них. Воспользоваться правым бортом не представлялось возможным, он закупорен более основательно.

Карусель продолжилась. Линкор оборонялся и вполне удачно, но Роман все же успел выпустить все свои ракеты и даже сделать несколько очередей из пушек, правда, не все это достигло цели: снаряды прошли мимо, а половину ракет сбили противоракетные системы обороны линкора. Камикадзе Камышову также стать не удалось, за двести метров до борта его подбили, и он снова был вынужден нажать на кнопку «Йес».

«Мать вашу, я вас достану!» – и лейтенант не был уверен, подумал ли он это или выкрикнул. Впрочем, кричали все.

Его новый самолет взорвался сразу по выходе из ячейки. И непонятно, то ли его подбили, то ли он взорвался из-за технической неисправности машины. Не мудрено, если так – семьсот лет самолету. Пришлось брать новый.

На этот раз ему повезло больше. «Инведер» выскочил без проблем и, сойдя с линии огня, направленной на него, устремился к цели. Камышову удалось приблизиться к «Звезде» вплотную и, наплевав на собственный приказ, он лупил из пушек вдоль всего борта корабля с каким-то внутренним весельем, наблюдая за дорожкой разрывов.

Но при этом он не забывал и про ракеты, пуская их одну за другой в область основания орудийного ствола. Не все ракеты достигали цели, что было очень обидно, ибо в большинстве случаев они не причиняли линкору практически никакого вреда, особенно если ракета даже не детонировала из-за давно истекшего срока действия. Случалось и такое.

Но одну пушку лейтенант вывел из строя, это он знал точно, поскольку самолет врезался прямо в основание ствола.

Время от времени везло и другим пилотам, и линкор освещали вспышки огня.

«Йес», – мысленно продублировал нажатие кнопки Роман.

«Странно», – подумал он, когда самолет вылетал из шахты – «накипь» отсутствовала. Створы открылись и «инведер» выскочил в космос.

«Что за дела?!» – в отчаянии подумал лейтенант. Пушки не отзывались. Он покрутил головой и увидел, что и ракет на подвесках тоже нет.

Только после этого он понял, что все вооруженные самолеты использованы и сейчас на столы автоматическая система, запущенная Крисом Юшиным, ставит запасные истребители, к которым члены технических служб по идее должны цеплять вооружение, но последние вот уже более семисот лет мертвы.

Так что «инведеры» стали камикадзе в чистом виде, без пушек и ракет.

– Постарайтесь отработать чисто, – напутствовал Роман, вспомнив, что в запаснике осталось не больше тридцати машин.

– Отработаем...

И самолеты один за другим выходили из ячеек на свои последние боевые операции.

То, что следующие самолеты не отстреливаются, несколько удивило команду линкора,

но огонь они из-за этого не ослабили, ибо те от этого не стали менее опасными. И по-прежнему лишь малая часть истребителей пробиравась к корпусу линкора сквозь плотный заградительный огонь, нанося ему непоправимый вред, сминая пушки и сбивая системы наведения.

72

Капитану Халиму, командиру малого линкора «Акбар», казалось, что он спрятался идеально, прицепившись к железной скале, вот только мелкие метеоры постоянно бомбардировали корпус. Большие пока проносило мимо. Несколько недель длилась игра в кошки-мышки, и ему в конце концов повезло – удалось оторваться от пяти преследователей и скрыться здесь, в системе звезды ДТО-34С.

Команда сначала роптала, не понимая сути происходящего. Почему они убегают, а главное прячутся от своих? Но когда капитан объяснил им, что их ждет на родине при поимке, все решили, что лучше переждать в тихом местечке, вдали от всех, а там будь что будет.

Капитан был рад, что фанатиков перестреляли при abordage – они являлись самыми активными защитниками корабля, и ему нет нужды лично заниматься ими.

Прошло уже несколько месяцев, все оставалось тихо и мирно. Его особенно рьяно не искали. Боевые корабли нужны на фронте, и капитан отлично знал почему. Земляне раз от разу ставили более крепкую защиту, но, видимо, недостаточно крепкую, поскольку победное продвижение имперского флота продолжалось.

И вот когда Халиму казалось, что про него все забыли, появляется линкор и начинает что-то вынюхивать. Крупное скопление метеоров мешало за ним следить, но капитан был уверен, что спрятался достаточно хорошо от его локаторов.

– Вы думаете, он здесь из-за нас? – спросил новый помощник капитана, лейтенант Маджих. Предыдущий помощник оказался хлипковатым, и всех «достал» паникерскими настроениями.

– Не знаю, Ульбек. – Халим пожал плечами. – Все слишком странно. Он один, и рыщет довольно далеко от нас, но достаточно близко, чтобы обнаружить по чистой случайности...

– Но он здесь явно неспроста.

– Неспроста...

Прошло совсем немного времени, меньше двух суток, и появились десять поисковиков «хоунд». Капитан Халим их отлично знал, на учениях они всегда были на высоте.

– Что за шайтан?! – непонимающе воскликнул капитан Халим.

Поисковики проходили совсем рядом. И он знал, что от них спрятаться будет уже невозможно. Но тут начались совсем непонятные вещи.

Один из «хоундов» атаковали истребители. «Откуда они здесь?! – удивился капитан. – Но это явно не отшельники... и не пираты».

Для последних столько истребителей несколько жирновато, не говоря уже об отшельниках, старавшихся вообще ни во что не ввязываться, особенно в боевые действия.

У пиратов, конечно, имелись самолеты, но они больше напоминали разношерстную стаю из переделок вполне мирных машин, а в этих сразу чувствовалась первобытная сила разрушения.

Тем более что ни те, ни другие, как бы они безумны ни были, здесь селиться и иметь свою базу не станут.

– Что за шайтан?! – теперь уже воскликнул лейтенант Маджих и как-то благоговейно проговорил: – Духи войны...

– Что ты мелешь? – рассердился капитан.

Лейтенант увеличил изображение одного из самолетов, и на какую-то долю секунды пробрало самого Халима – самолеты летали без пилотов, а некоторые с разбитыми колпаками и смятыми носами. Невольно из памяти всплыли старые легенды... Но он быстро

взял себя в руки, прогнав суеверное наваждение.

– Обычное дистанционное управление...

«Хоунд» самолеты вывели из игры без особых проблем. Но вот приближавшийся и вскоре вступивший в бой линкор подарком не был.

Самолеты шли на таран, повреждая пушки линкора. Но вскоре стало ясно, что силы неизвестных на исходе – атакуя, они больше не стреляли, лишь таранили в бессильной злобе.

– Господин капитан, нас обнаружили! – очнулся лейтенант Маджих. Наблюдая за боем, они совсем забыли про других поисковиков.

Делать нечего, нужно убираться отсюда. Но как? «Хоунд» как противник – не проблема. Его линкор сможет разнести в клочья несколькими залпами. А вот как быть с другим линкором? Этого Халим не знал.

Впрочем, Халим был офицером боевого корабля, и решение пришло через секунду. Он видел, что противник в лице «Звезды Салеймана» довольно сильно потрепан неизвестными самолетами, и пока те еще вели свой самоубийственный бой, у него имелся шанс, и им нужно воспользоваться как можно быстрее. Иначе, разделавшись с самолетами, линкор взялся бы за «Акбар».

И по последнему поводу капитан иллюзий не питал. «Акбар» явно уступал своему собрату не только габаритами, но и вооружением, даже с учетом нанесенных ему повреждений.

– К бою, – приказал Халим, не обращая внимания на попытки «хоунда» связаться с ним.

Короткий бой с поисковиком, не нанесящий «Акбару» больших повреждений, и линкор, оставив горящий «хоунд» и эвакуировавшийся с него в спасательных капсулах экипаж на произвол судьбы, оторвавшись от астероида, направился к затухавшей неравной схватке.

«Акбар» заметили, но помешать ему жертва уже не могла. Требовалось развернуть орудия, встать в удобную позицию, на все это времени у «Звезды Салеймана» не оставалось. Один залп, и «Звезде» с большинством уничтоженных огневых точек, внутренними повреждениями и пожарами, пришлось позорно бежать. «Хоунды» в бою линкоров для «Звезды Салеймана» были не помощники.

73

Появление еще одного корабля для лейтенанта Камышова оказалось полной неожиданностью. Первая появившаяся в голове мысль, что теперь уж им точно конец. С двумя линкорами тягаться нечего и думать. Но неожиданно новичок нанес удар по своему собрату.

Одну из пушек, куда метил своим истребителем Роман, вырвало взрывом, но лейтенант все же довел свой «инведер» и врезался им в образовавшуюся дыру, где только что стояла орудийная башня, лишь увеличивая разрушения корабля.

На этом запас истребителей закончился. Они еще хранились по правому борту, но лейтенант не знал, как заставить механизмы крейсера переправить их на левый борт. Но это и не требовалось – подбитый линкор отступал.

Роман выбрался из кресла симулятора и почувствовал, что промок до нитки. Ноги дрожали, и из-за общей слабости Камышов даже не рискнул сделать ободряющие и восстанавливающие координацию приседания, опасаясь, что после первого же упражнения самостоятельно встать не сможет.

Тем не менее, он как мог поспешил назад на капитанский мостик крейсера.

– Ты вовремя, – кивнул старшина Фрейндлих, подзывая к себе лейтенанта.

– Что у вас?

– Попытка выйти на связь, – откликнулся Самуил, хотя его никто не спрашивал.

– Да, – подтвердил Виктор. – Сейчас установим... правда, на «охотнике» из-за идентичности стандартов это сделать было бы гораздо легче. Здесь аппаратура старая...

шалит.

– Я вообще удивлен, что здесь вообще что-то работает.

– Тоже верно.

Наконец связь установили. Экран сильно дергался, ежесекундно искажая изображение настолько, что он становился абсолютно черным. Звук также барахлил и забивался посторонними шумами, но речь разобрать все же можно.

– Говорит командир линкора «Акбар», капитан Ренат Халим. Назовите себя, – послышался из динамиков требовательный голос. Впрочем, командирский тон подкреплялся направленными на них артиллерийскими орудиями.

– Привет старина, – Роман помахал рукой. – Неужели забыл своих старых знакомых.

– Вы?!

Казалось, капитан потерял дар речи. Уж кого-кого, а встретить здесь этих неверных, взявших его судно на абордаж, он никак не ожидал.

– Так точно.

– Надо было дать им разделаться с вами...

– А что тебе мешает сделать это самому?

– А какой смысл? Будем считать, что мы в расчете. Ты отпустил меня, я отпускаю вас.

– А если я попрошу тебя еще об одной услуге? – спросил Камышов. – Не безвозмездно, конечно.

– Что именно?

– Пустяк, – махнул рукой лейтенант. Будто то, что он собирался попросить, было действительно плевым делом. – Довези нас до Земли.

– Вы хоть понимаете, о чем просите?! – взвился Халим. – Скольких трудов мне стоило спрятаться от погони, чтобы теперь самому лезть им в руки? Да у Земли уже наверняка собирается целый флот, какого еще никто и никогда не видел даже в самых страшных кошмарах! Сотни, сотни и сотни кораблей. Да они меня порвут, стоит им меня только засечь, и весь залп этой армады будет направлен в мою сторону, особенно после сегодняшних событий!

– Но ведь тебе все равно придется менять место дислокации. Здесь ты уже засвечен. Наверняка сюда подойдет небольшая эскадра, чтобы прочесать все вдоль и поперек.

– Так-то оно так, но это не значит, что я сам должен бросаться им на ствол пушки.

– На амбразуру, – машинально поправил Роман.

– Не важно...

– Но я думаю, «Великий Петрофф» стоит такого риска, – не сдавался Роман.

– Нет, не стоит. – После долгого молчания ответил Ренат Халим. Сובлазн большой но, сопоставив все факты, он понял, что овчинка выделки не стоит. – Провести дезактивацию корабля будет стоить дороже, чем построить корабль такого же размера. К тому же мне нечего с ним делать. Вот если бы я по-прежнему состоял бы на службе в имперских вооруженных силах, то да, я бы стал капитаном этого корабля, его бы отремонтировали за счет Империи. А так – нет. Тем более его местонахождение уже известно всем, кто только связан с военным флотом. Так что не взыщи.

– Ладно... – разочарованно вздохнул Камышов. – Но этот крейсер стоит того, чтобы заполнить баки «охотника»?

– А разве он после этой заварушки еще цел? – удивился Халим.

– Действительно?...

Лейтенант повернулся к Самуилу, чтобы тот проверил состояние корабля, его целостность, и тот утвердительно кивнул. Впрочем, капитан сам ответил на свой вопрос, сверившись со своими службами визуального наблюдения:

– Действительно цел. Хотя, рядом красуются две здоровые воронки. Как его только с якорей не сорвало? Удивительно.

– Ну, так как насчет топлива? Думаю, отшельники будут рады купить у тебя что-нибудь этакое с легендарного крейсера.

– Что, например?

– Да взять хотя бы пятьдесят единиц истребителей «инведер» и систему дистанционного управления к ним. Могу даже порекомендовать тебя одному судовладельцу. Думаю, они очень порадуются такому приобретению, особенно пираты... В случае чего они тебе самому пригодятся.

– Хорошо. Я думаю, мне есть чем поживиться на вашем крейсере, – согласился с предложением капитан Халим.

Он видел эти самолеты в действии, а значит, не приходилось сомневаться в их дееспособности. А может быть, он сам собирался стать пиратом?

– Стыкуйтесь ко мне, и я закачаю вам необходимое количество топлива.

Командир «Акбара» не обманул, хотя мог наверняка уничтожить «охотника». Ведь, как известно: нет человека – нет проблемы. Но он этого не сделал и исправно залил высохшие баки «ИСИ-17» топливом под завязку.

Прощавшись, «охотник» рванул в сторону Земли, а линкор остался на месте, чтобы заполнить свои трюмы раритетной боевой техникой, которая, впрочем, по прошествии времени, как показали недавние события, не стала от этого менее смертоносной. Система автоматической консервации сработала чисто. Особенно, если разгадать коды к оставшимся в шахтах и оружейных комнатах ракет, то в руках окажется огромная сила. При наличии свободного времени, техники и специалистов это не так уж и сложно.

74

Полтора месяца бешеной гонки остались позади. «Охотник» окольными путями, ни разу не встретившись с оуткастскими кораблями, подошел к Земле, где его чуть не приняли за шпиона и не расстреляли автоматические станции, благо удалось достаточно быстро связаться с командованием, и все благополучно разрешилось.

– Вы даже не представляете, как я рад вас видеть! А то мы уже думали, что вас и в живых-то нет, – признался вышедший на связь президент. – Так долго от вас ни слуху, ни духу...

Президент был искренен, несмотря на то, что уже знал: солдатам из прошлого не удалось сделать задуманное. Ведь оуткастский флот продолжает свое движение к Земле.

– Спасибо, но без потерь все же не обошлось, – нахмурившись, ответил лейтенант, вспоминая бой в лесу на Оуткасте, где он потерял троих человек. А один до сих пор находится в плачевном состоянии.

«Но ничего, медицина здесь на высоте, – с веселым задором подумал Роман, наверное, еще и оттого, что они все-таки добрались до дому. – Быстро поставят на ноги. Будет еще лучше, чем прежде! Так что нас рано списывать».

Камышов даже на секунду забыл о пленных, оставшихся на вражеской планете, их тогда даже искать не стали, кроме доктора Стоун. Но она сейчас вместе с Аль Хусейном.

– Я вам сочувствую...

– Спасибо.

Тратиться на долгие объяснения Роман не стал. По приземлении и приведении себя в порядок, а также после некоторого медицинского лечения, чтобы снизить последствия пребывания на радиоактивном астероиде, он сразу же направился в Главный оперативный штаб. Дела не терпели долгих отлагательств.

За длинным столом сидело все руководство в полном составе во главе с президентом Земной Федерации или того, что от нее осталось.

– Присаживайтесь, расскажите нам, что произошло на Оуткасте, – попросил президент Стив Гуттенберг.

– При всем уважении, господин президент, на это сейчас нет времени. Скажу только одно, операция прошла неудачно. Мы сумели захватить эмира, но политическая обстановка не позволила нам ликвидировать его на месте, это бы ничего не дало. Хотели привезти его

сюда, но наш шаттл подбили. На этом, пожалуй, и все.

– Ладно...

– Вы подготовились к обороне?

– Конечно.

– Какими силами вы располагаете?

– Все наши строительные заводы захвачены, в Солнечной системе их лишь небольшая часть, но они работают на полную мощность...

– Сколько у вас кораблей? – прервал Камышов оправдания министра обороны.

– Больше трехсот боевых кораблей различного класса. Из них пятьдесят новейших авианосцев, на каждом по пятьсот истребителей. И около пятидесяти миллионов роботов...

– Ясно. А чем располагает противник?

– По нашим оценкам, у них больше пятисот кораблей, в том числе и трофейные. Они восстановили некоторые наши крейсера.

– Думаю, треть от этого числа – десантные корабли, – предположил Роман. – Так что силы примерно равны, но у них все же небольшой огневой перевес и лучшая организация флота.

– Что вы хотите сказать?

– При прочих равных условиях они опытнее и смогут победить даже с меньшим количеством кораблей.

– Значит, мы обречены? – жалобно спросил министр обороны Пфайффер. – И вся работа проделана зря?!

– Не знаю, – честно ответил лейтенант, – но нам придется играть не по правилам, чтобы иметь хоть какой-то шанс.

– Мы не понимаем...

– Хорошо. Дайте карту Солнечной системы.

В ту же секунду на стене развернулась электронная карта со всеми планетами.

– Надо же! Именно так сейчас и располагаются планеты? – удивился Роман.

– Да... Это называется «Парадом планет». – Пояснил министр обороны.

– Я знаю, как это называется. Покажите, с какой стороны заходит противник.

На карте появилась жирная красная стрелка, упиравшаяся прямо в Плутон.

– Им придется пройти все планеты – одну за другой. Значит, у нас есть девять рубежей обороны...

– Почему вы решили, будто они станут тратить на все планеты? Ведь раньше они так не делали. Подходили к столичной планете и захватывали ее, а потом крушили все остальное.

– Потому что раньше они имели дело с колониями, где хорошо развиты только обжитые планеты. Сейчас они имеют дело со всей Солнечной системой, где каждая планетарная система развита не хуже Земли и представляет для них опасность. Короче говоря, если они зайдут, образно говоря, с боку, сверху или снизу относительно эклиптики, то мы сможем их окружить. А как показывает история, война на два фронта всегда вела к поражению. Потому, если они тоже знают историю, им придется брать планеты одну за другой, чтобы никого не оставлять у себя в тылу.

– Что вы предлагаете? – спросил президент Гуттенберг, но было видно, что слова Камышова его не убедили.

– Для начала я хотел бы узнать, как собирались действовать вы. А то я смотрю, весь флот сосредоточен у Земли. Уж не хотели вы дожидаться их здесь? Это было бы глупо...

– Нет, мы не собирались ждать их здесь. Просто мы думали, ведь они могли зайти с любой стороны... такая вероятность остается, не так ли? – вкрадчиво проговорил Глен Пфайффер.

– Ну, да, – согласился Роман. – Всякое возможно.

– Ну вот, – победно проговорил министр обороны. – А поэтому мы хотели дать им решительный бой, выдвинувшись навстречу.

- Одно громадное сражение?
- Ну да!
- Камышов удрученно покачал головой, показывая всю абсурдность данного плана.
- В чем дело? – спросил президент, который уже видел картину разгрома оуткастов в глобальном побоище. И ему было неприятно, что кто-то считает иначе.
- У вас ничего не выйдет.
- Но почему?
- Они свяжут ваш флот боями, пользуясь численным преимуществом, а тем временем десантные корабли прорвутся к незащищенной Земле и произведут десантирование оккупационных сил. И возможно, случится так, что Земля падет раньше, чем закончится бой в космосе, несмотря на вашу многомиллионную армию роботов.
- Лейтенанту стало ясно, что такой поворот событий они даже не предвидели. «Что поделать, – подумал Роман. – Продукт рая на Земле».
- Хорошо. – Военный совет принял точку зрения лейтенанта к сведению и, что важнее – согласился с ней. – Ваши предложения?
- Для начала я хотел бы узнать, сколько у нас времени, а точнее, как далеко они от Земли? По моим расчетам оуткасты давно должны быть здесь.
- Неделя. Максимум. А что касается ваших расчетов, то вы правы, но мы задали им жару при Чайне, – с задором ответил президент, сверкая глазами в жажде крови.
- Хм-м... ясно. А что касается предложения, то я хочу им устроить кровавую полосу препятствий, – с садистской ухмылкой объявил Камышов, чем напугал нескольких членов военного совета.
- И в чем она выражается?
- В кровавости... А теперь слушайте, работы будет много.

75

В роскошной каюте, обставленной всяческими излишествами, горел приглушенный свет. Над огромным ложем, занимавшим половину этой самой каюты, раздавались специфическая возня и пыхтения, но недолго – минуты две, после чего все снова стихло и слышалось лишь сиплое дыхание.

– Ну же, малышка, – прозвучал разочарованный голос, – что ты лежишь, как бревно? Подвигайся хоть немного...

Ответа не последовало. «Малышка» стеклянными глазами смотрела в потолок. И трудно было понять, происходит ли в этой голове вообще хоть какой-то мыслительный процесс. Иногда вообще казалось, будто на кровати лежит труп, но нет, тело теплое, а сердце бьется, и обнаженная грудь поднималась и опускалась при каждом вздохе-выдохе.

– Почему я должен тебя уговаривать? – в который раз жалобно спросил Хусейн.

Бить свою жену и кричать в гневе он уже давно перестал, поскольку это не приносило никаких результатов, да и не эстетично лежать в кровати со сплошным синяком. Остались лишь уговоры, но и это не помогало. Все это время Амели находилось где-то не здесь, и Шалим Аль Хусейн – эмир целого мира, это чувствовал.

Несмотря на полную неподвижность объекта уговора, у эмира опять появилась эрекция, и он вновь взобрался на кровать, но стоило взглянуть на этот остекленевший взгляд, как внизу все опадало.

– Шайтан...

Хусейн смахнул со столика пустые коробки из-под стимуляторов сексуальной активности.

– Никакие пилюли с ней не помогают... Надо было взять еще кого-нибудь, хотя бы прекрасную Гульчатай, а не валяться с этой куклой... Это походит на какое-то извращение... все равно что с трупом.

Извращенцем Хусейн себя не считал.

– Кричи, вырывайся, – почти требовал Хусейн, трясая Амели за плечи. – Ну же!

Подвигавшись взад-вперед еще минут пять, эмир стал одеваться.

– Хоть старуху Замфири раком ставь от безысходности, честное слово! – с усмешкой произнес Аль Хусейн, наблюдая за вошедшей служанкой. – А она, может, и рада была бы... а Изольда? Была бы ты рада моей милости?

Старая служанка прикинулась глухой, продолжая исполнять свои обязанности.

Шалим Аль Хусейн не взял с собой еще парочку своих жен не из-за отсутствия места на корабле – его было хоть отбавляй, а оттого, что думал, будто с новой все будет чики-чики, но не вышло. К тому же «старые» жены могли угробить новенькую, подсыпав яду или на худой конец изуродовать ее так, что желание ее видеть у эмира отпало бы само собой. Этому не помешали бы никакие запреты и охрана. Эмир это знал, поскольку такое уже случалось, а он так хотел насладиться именно своей двадцать третьей женой и потому не подстраховался.

Сегодня ничего не выходило. К тому же нужно заниматься делами. Стоило только эмиру подумать о делах, как над дверью зажегся сигнал и звонок проиграл отрывок из гимна.

– Лежи здесь, дорогая, никуда не выходи...

Настроение было препоганым. Два часа он мучился с этой отощавшей до костей неверной, и никакого удовлетворения.

– Что там? – раздраженно спросил эмир у пришедшего майора.

– Мой господин, – несмело начал тот, – вы сами просили позвать вас, когда мы подойдем к границе Солнечной системы...

– Уже подошли?

– Да, мой господин.

– Наконец-то! Пошли...

Несмотря на все старания гипнотизеров, страх перед необъятным космическим пространством у эмира никуда не исчез, немного притупился, но не исчез. И он с новой силой возникал, стоило только Аль Хусейну подняться на капитанский мостик, где во всю стену расположился лобовой иллюминатор. К приходу эмира его закрывали до минимальных размеров, так, чтобы оставалась лишь узкая щель, но этого все равно хватало, чтобы у Шалима Аль Хусейна стали предательски подрагивать ноги и подергиваться глаз.

Если от первого можно избавиться, сев в глубокое кресло, то со вторым справиться никак не получалось, и дергающийся время от времени глаз приходилось прикрывать платком. Гипнотизеры могли бы сделать так, чтобы эмир вообще ничего не боялся, но тогда он ничего не соображал и был бы бревном, мало чем отличающимся от Амели в ее состоянии.

– И где это долбаное Солнце?! – чуть ли не в истерике спросил эмир.

– Вот оно, мой господин... – командир корабля показал на желтоватую точку, по размерам ничем не отличающуюся от других точек вокруг, только белого цвета.

– И это Солнце?

Аль Хусейн надеялся увидеть что-то более впечатляющее... Солнце, Земля, это звучало в его мозгу как музыка, торжественно и чарующе, и увиденное должно соответствовать, но вместо этого он увидел обычную звездочку.

– Да, мой господин. Мы стоим на границе системы, через миллион километров начнется метеоритное поле.

Кроме всего прочего, Аль Хусейн боялся и метеоров.

– А обойти их никак нельзя? – спросил он.

– Никак нет, мой господин. Практически каждую звезду окружает плотное метеоритное поле – строительный мусор планет. Его никак не обойти...

– Тогда давайте закончим все быстрее... Двигайтесь прямо к Земле.

– Э-э... мой господин...

– Ну, в чем еще дело?

– Ваш светлейший брат адмирал-шах уже составил план наступления, он несколько отличается от вашего приказа, – дипломатично ответил майор Шафруддинов.

– Свяжите меня с ним, – потребовал эмир.
– Слушаюсь, мой господин...
– Приветствую тебя, брат мой, – сразу же откликнулся адмирал-шах Аслим Хусейн, как только получил запрос.
– Привет...
– В чем дело, брат мой?
– Этот нукер говорит мне, будто ты не будешь брать Землю сразу, это правда?
– Да, брат мой.
– Почему?
– Подойдя сразу к Земле, мы можем оказаться между двух огней, а это опасно. Лучше подойти медленно, но верно, чтобы за спиной не осталось ничего, что могло бы нарушить наши планы в самый неподходящий момент. И потом, разве тебе не будет приятнее оставить самое вкусное блюдо напоследок?
– Пожалуй, ты прав, брат, – эмир зажмурился, и даже неудачи на сексуальном фронте отошли на второй план от предвкушения завладения Землей – оплотом неверных, дабы водрузить там знамя и отстроить свой дом заново, так, как им завещали мудрые предки. – Хорошо, брат, делай, как знаешь. Но сделай это!
– Слушаюсь, брат мой.
– Начинайте проникновение...
Сказав это, Хусейн почувствовал тесноту в штанах, да такую, что не смог стерпеть и рванул обратно в свою каюту.
Жена лежала в том же положении, как он ее и оставил, ничего с момента его ухода здесь не изменилось, даже изгиб локтя остался прежний, и глаза все так же смотрели в потолок. Но это не остановило эмира.
Он быстро сорвал с себя одежду и набросился на женщину...
– Шайтан... – устало произнес эмир через какую-то минуту и бухнулся рядом с Амели, перевалившись на спину, уставившись почти таким же стеклянным взглядом в потолок, почти без мыслей в голове.
На проклятья у него уже не осталось сил – желание оставило его также стремительно, как и появилось. И Аль Хусейн знал, что на сегодня это его последняя попытка, ибо силы были на нуле.

76

Адмирал-шах уверенно вел свой флот вперед, перестраивая его прямо на ходу. А это было делом нелегким. Флот более чем в пятьсот кораблей – и все должны занять свои места.
«Да еще эти баржи куда-то нужно пристроить», – недовольно думал Аслим про безоружные суда, которые ему навязал брат.
– Они могут быть защитой, – согласился тогда Аслим Хусейн с доводами брата, – но при определенных обстоятельствах и помехой.
– Каких?
– Не знаю, но война дело непредсказуемое, и всякое может случиться.
Аслим Хусейн ждал противника сразу после выхода из метеоритного поля. Он был уверен, что именно там между полем и Плутоном ему дадут генеральное сражение, как это случилось раньше. И что греха таить, он ждал его с нетерпением.
Мимо проносились огромные глыбы из льда, камня и различного металла. Их приходилось обходить стороной. Встречались и такие камешки, которые могли серьезно осложнить жизнь кораблю, подойди он к метеору слишком близко. Тот своей гравитацией мог буквально приварить к себе корабль.
К адмирал-шаху подошел один из его адъютантов – полковник Чесмен.
– Мой господин, хочу напомнить, что разведка докладывала о подозрительном шевелении в этой области.

– Где?

Полковник показал на карте место, где сейчас проходило северное крыло флота. Еще раньше он просил обойти это место стороной, но здесь был один из самых чистых фарватеров, и к его мнению не прислушались.

– И что?

– Я бы рекомендовал остановиться и завершить построение, после чего продолжить движение плотными рядами.

– На это уйдет шесть часов, полковник. Мы потеряем слишком много времени.

– Да, но...

– Что конкретно доложила разведка?

– Ничего конкретного, мой господин, – признался Чесмен. – Такого раньше не было, но их буквально загоняли сторожевые катера. Из чего я делаю вывод, здесь готовится какая-то серьезная пакость.

– Что показывают радары? Где корабли противника? Ну, хоть что-то их напоминающее? Может быть, шахтерские базы?

– Нет...

– Тогда помалкивайте, полковник, и продолжайте перестройку в прежнем режиме.

– Слушаюсь, мой господин.

Перестроение продолжалось. Большие корабли расходились на верх строящегося куба. Десантные транспорты забирались внутрь, так как они не имели серьезного бронирования и вооружения. Плоскости занимали корабли поменьше, вроде линкоров. Но все это пока имело бесформенную массу, которая к тому же расступалась перед особенно большими метеоритами, путая построение еще больше.

«Нужно было перестроиться за пределами системы, – запоздало подумал полковник. – Впрочем, это мало бы что изменило, расходиться перед этими глыбами все равно пришлось бы».

Картина происходящего в поясе метеоров складывалась не очень хорошая. Станции слежения фиксировали все действия флота, но недостаточно четко – они не должны выдать себя раньше времени, чтобы Главный штаб не остался без информации после их уничтожения.

Камышов не скрывал разочарования. Основная масса вражеского флота проходила далеко от того места, где разместили тайники, с таким большим трудом установленные.

Для их закладки выбирались самые открытые участки, где минимум метеоров, но и без них никак нельзя обойтись, иначе сюрпризы сразу же обнаружили бы.

– Они входят, они входят! – ликовал министр Пфайффер, глядя, как красненькие точки входят в поле синих. – Что же вы ждете?! Давите на эту кнопку! Давите же!

– Пусть подойдут поближе, – отмахивался Камышов от дышащего и брызгавшего слюной в затылок министра обороны, пытавшегося нажать на кнопку запуска системы.

Наконец оуткастские корабли зашли в зону довольно глубоко, хотя очень много синих точек располагались далеко от красных, только одна четвертая часть смешалась с красными, но ничего изменить нельзя, и Роман нажал на заветную кнопку, до которой так жаждал дотянуться Пфайффер.

Северное крыло флота входило в самый эпицентр подозрительной области метеоритного поля, где разведка засекала подозрительное шевеление противника, и полковник с напряжением ждал каких-то событий, а то, что они произойдут, он уже не сомневался.

Но вот чего ожидать? Радары по-прежнему показывали полное отсутствие вражеских кораблей поблизости.

– Торпедная атака, – прозвучал равнодушный голос оператора.

– Где?!

– Эскадра генерала Зисмека, северное крыло, – так же равнодушно ответил один из операторов связи и наблюдения, к которым стекалась вся информация обо всех происшествиях с другими кораблями, а те уже докладывали о них командованию.

Полковник застонал от бессильной злобы, но ничего нельзя было изменить.

А сотни гигантских стометровых торпед, собранные на скорую руку заводами, полностью перешедшими на выпуск военной продукции, стартовав с направляющих, установленных прямо на поверхности метеоритов, выбрали своими умными чипами наведения ближайшие корабли и понеслись к своим целям.

Одна ступень отходила за другой, увеличивая скорость торпед до невероятных величин. Вскоре цилиндры приблизились к своим целям, обходя попадавшиеся навстречу метеориты, где их уже встречал заградительный огонь боевых кораблей.

Зенитной артиллерии помогали даже лазерные орудия главного калибра, и все ради того, чтобы сбить торпеду с курса. И правда, торпеды рвались, напоравшись на пушечную очередь, или сходили с курса, попав под широкий лазерный луч.

И ни одна торпеда не дошла бы ни до одного борта корабля, если бы необходимые перестроения порядков были завершены вовремя. А так образовались своеобразные «мертвые зоны», и торпеды, набрав максимальную скорость, настигали-таки свои жертвы.

Мощные взрывы сотрясали корабли, нередко переламывающие их пополам. Хуже всего пришлось транспортным кораблям со слабым бронированием, несущим в себе десант. Хватало одной торпеды, чтобы корабль мгновенно погибал. Но таких было немного – всего три.

Досталось и парочке крейсеров. В отличие от малотоннажных линкоров, для которых хватало меткого попадания, чтобы вывести их из строя, им один взрыв причинял большие повреждения, буквально вырывая целые отсеки и сминая смежные помещения, но не разрушал полностью. Крейсера после этого все же могли продолжать движение и оставались вполне боеспособными.

Казалось, этим взявшимся из ниоткуда торпедам нет конца. Но на деле их оказалось не так уж и много. Половине даже не хватило топлива, чтобы добраться до целей. Боеголовки еще продолжали движение по инерции, но половина из них либо взорвалась, врезавшись в метеориты, либо были ими отклонены с курса. Вторую половину расстреляли из пушек.

– Потери? – спросил адмирал-шах.

– Полностью уничтожено три транспорта, двенадцать линкоров, четыре вспомогательных судна, один перезарядный док. Еще семнадцать линкоров сильно повреждены, и только пять смогут продолжить движение.

– Крейсера?

– Сильно повреждены, но вполне боеспособны. Они смогут продолжить движение.

– Что-нибудь еще?

– Сбита одна баржа, мой господин.

– Ну и хрен с ней.

– Это все, господин адмирал-шах.

– Неплохо...

– Вы это о чем, мой господин? – не понял полковник Чесмен.

– О землянах. Они, пожалуй, впервые показали, что с ними следует вести себя поаккуратней. Ладно, полковник, ты был прав, но движение следует продолжить. Экипаж с «дохляков» снять.

– Слушаюсь...

С небольшим запозданием, но, перестроившись как нужно, в «куб», флот вышел из пределов метеоритного пояса во внутреннее пространство Солнечной системы. Позади осталось два десятка разбитых и погибших кораблей, но это было ничтожно мало по

сравнению со всем флотом.

– А вот и наши бараны, – довольно проговорил адмирал-шах, обнаружив вражеский флот рядом с Плутоном.

– Это не весь их флот, мой господин, – доложил полковник Чесмен.

– Да, я вижу, – кивнул Аслим, глядя на радар дальнего действия. – Вторая половина стоит возле Нептуна. Что ж, умно, но им это не поможет.

– Мой господин, может сразу разделиться на две группы?

– Зачем? Если они так хотят, махнемся силами здесь. А потом мне сложно уследить сразу за двумя схватками. Возможно, именно этого они и добиваются... Отведи немного назад десантные транспорты, думаю, много времени и сил у нас эта битва не займет.

И действительно, маленькая двойная планета была видна как на ладони, никаких сюрпризов здесь спрятать просто не представлялось возможным. А сто пятьдесят кораблей не представляли серьезной опасности, ведь их в два раза меньше, чем боевых кораблей оуткастского флота.

Два флота сходились на предельных скоростях. Флот землян выстроился в клин в виде удлинённой пирамиды, острым концом направленной в имперский флот, что очень не понравилось адмирал-шаху: «свинья» – весьма действенное построение, и нечестивые аналогии сами собой напрашивались. Стрельба началась еще с дальних дистанций, но корабли-роботы, вздрагивая от редких попаданий, не обращали на это никакого внимания.

Бой был бы обычным, если бы корабли противника не вклинились сразу в гущу имперского флота, где кораблям оуткастов приходилось стрелять прицельно, иначе можно запросто подбить своего шальным снарядом.

Бой шел несколько часов. Все это время силы противника таяли на глазах, но стреляли до последнего снаряда, пока не погибали от прямых попаданий. И это было необычно. Ведь раньше их цель сводилась к оттеснению оуткастского флота при высадке десанта, а не к самоубийству, как сейчас.

Погибая, корабли все же захватывали с собой своих противников.

– Потери? – хрипло спросил адмирал-шах, когда последний вражеский корабль разлетелся на куски, а малые линкоры гонялись за вышедшими из строя земными кораблями, легшими в дрейф, чтобы добить их.

– Ведется подсчет...

Хусейн видел, как рядом с его крейсером взорвался линкор, получив в борт пять зарядов, практически в одно место. Досталось и самому флагману, но не так сильно. Несколько пробоин и пожар в одном отсеке.

Наконец подсчет закончили, классифицировали все повреждения и оценили общее состояние флота.

– Двадцать пять кораблей, мой господин. Из них пять крейсеров класса «Могучий».

– Черт... у нас их всего двадцать. Дальше.

– Тридцать одно судно частично потеряло ход. В основном малые линкоры. Эти корабли очень сильно повреждены. Их боевой потенциал в лучшем случае пятьдесят процентов от нормы. Проще говоря, в следующей схватке им достаточно получить по паре снарядов, чтобы окончательно выйти из строя.

– Я понял, – вдруг сказал Аслим Хусейн.

– Что, мой господин?

– Чего они добивались. В этом бою мы сами себе мешали, а они расстреливали нас, как хотели, и, несмотря на большие потери, они если не выиграли, то свели бой вничью.

– Почему господин?

– Ты уже ответил на свой вопрос. Еще одна такая атака, и они точно сравняют счет, оставив нас без половины боевого флота. Уничтожат поврежденные корабли, подобьют новые.

– Что вы предлагаете, мой господин?

– А что тут можно предложить? Разделяться глупо. Идем дальше, как шли.

– Как поступить с объектами на Плутоне?

Вопрос был совсем не праздный. Раньше они, захватывая систему, бомбили подобную инфраструктуру на спутниках и малых планетах.

– Никак. Побережем боеприпасы. Чувствую, они нам еще понадобятся.

Флот продолжил движение к Земле. Следующей остановкой предстояло стать Нептуну. Именно там скопилась вторая часть Земного флота, и адмирал-шах торопился покончить с ним окончательно. Ради этого он даже оставил подраненные суда, тащившиеся совсем уж медленно.

Тут еще на связь вышел его брат, эмир Шалим Аль Хусейн.

– Может, используем баржи? – предложил он.

– И как мы будем выглядеть в глазах нашего народа? Прикрылись живым щитом, как женщины тряпкой?

– Но они тут же прекратят боевые действия. Это же хлюпики, брат мой...

– Мы мужчины и должны воевать, как мужчины, иначе дома нас засмеют. У нас вполне достаточно сил, чтобы разделаться с ними.

– Как знаешь, брат.

78

Флот продвигался дальше. И вот на пути встал Нептун со второй группировкой Земного флота. И снова начался этот безудержный натиск, снова корабли противника выстроились в клин.

– Чего они добиваются? – недоумевал полковник Чесмен.

– Откуда мне знать...

Между тем, чем ближе подходили корабли противника, тем больше становилось информации у компьютеров для их описания и классификации.

– Тут что-то не так, – сказал полковник, показывая распечатку с характеристиками летящих навстречу судов.

– Что именно?

Адмирал-шах не стал отвлекаться на бумагу, управляя перегруппировкой кораблей.

– Здесь в лучшем случае двадцать боевых кораблей – средних линкоров типа «Отара», мой господин.

– А остальные?

– Непонятно, мой господин. Такое впечатление, будто это обычные баржи...

– Баржи?

– Да, баржи. Самоходные баржи.

Времени на обдумывание не оставалось, корабли сошлись в схватке. Но вот боевые земные корабли, ведя непрерывный огонь, разошлись в стороны, словно распустившийся цветок, на невероятных скоростях.

Адмирал-шах отвлекся на их непонятный маневр и на секунду упустил из виду остальные суда – самоходные баржи.

Те, в свою очередь, управляемые компьютерами, взяв на прицел по одному кораблю, чуть притормозив, раскрыли свои створы и стали выбрасывать из трюмов свой груз.

– Что это?

– Не знаю, мой господин...

– Ну, так узнай! – закричал адмирал-шах Аслим Хусейн.

Пока не выяснится, что это такое, он не собирался отдавать никаких приказов, поскольку маневрировать в достаточно плотном строю смерти подобно. Пара кораблей свернет не туда и все – столкновения не избежать.

– Ну, что там?

– Бомбы, мой господин.

- Бомбы?
- Именно. Обычные авиационные бомбы, вперемешку с астероидной массой.
- О, шайтан!

Компьютеры слишком долго классифицировали эту информацию, ища совпадения в первую очередь среди космического вооружения. А потому, когда поступила первая информация и фотография описанного объекта стала распечатываться, сделать уже практически было ничего невозможно – груз находился в непосредственной близости.

Бомбы получили необходимый веерный разброс, и маневрировать кораблям не было никакого смысла, только бока подставлять для большего поражения. Так что лучше подставить наименьшую площадь – нос.

Стреляла зенитная артиллерия, стреляли лазерные пушки, но цели оказались слишком маленькими для зенитных снарядов и слишком «тупыми» для лазеров, поскольку широкополосные лучи не могли сбить их с курса. В этих бомбах отсутствовали электронные чипы самонаведения, повредив которые можно увести бомбу с курса как ракету или торпеду. Они просто летели по инерции.

Начались разрывы. Многие сотни бомб, из десятков тысяч собранных со всех позабытых складов вооружения на Земле, находили свои цели. Большинство из них, конечно же, пролетело мимо из-за слишком большого разброса, но и пролетевшие мимо целей находили свои жертвы среди позади идущих кораблей противника. Тем кораблям доставалось не слишком много, по две-три бомбы практически не наносившие им вреда, но психологически воздействовали на команду.

Сами баржи пролетели по инерции вперед, около сотни сбили еще на подходе, но полусотне все-таки удалось найти свои цели, и они врезались в борта кораблей, сминая их пушечное вооружение.

Сделали свое дело и метеориты, набранные из метеоритного кольца Фазтон между Юпитером и Марсом, поскольку боевой загрузки на все баржи просто не хватило.

– Потери? – спросил адмирал-шах, когда прошло достаточно времени, чтобы в командный центр стеклась вся информация с поврежденных кораблей и ее удалось классифицировать и выдать в виде цифр.

– Как сказать...

– Как есть, так и говори! – не стерпел адмирал-шах манеры говорить своего подчиненного.

– Простите меня, мой господин... Два линкора потеряли ход... из ранее поврежденных. В остальном ни у кого серьезных повреждений нет. Правда, от разрывов у пяти линкоров и двух крейсеров, принявших основной бомбовый удар, примерно семидесятипроцентное повреждение орудий. Плюс тараны барж... у тринадцати линкоров буквально смяты все орудийные расчеты по одному из бортов, куда пришелся удар – сорокапятидесятипроцентное повреждение.

– Вот шайтаны... пока дойдем до Земли, без зубов останемся.

– Может, произведем ремонт? – предложил полковник Чесмен.

– Где?

– На спутнике Нептуна неплохая ремонтная база, мой господин. Неверные здесь ремонтировали все свои большегрузные корабли, – ответил Чесмен. Называть землян «хлюпиками» у него уже язык не поворачивался. – Еще на Юпитере, но...

– Но до него добраться надо, – договорил за полковника адмирал-шах. – Так?

– Я хотел сказать, что на Юпитере и Нептуне лучшие ремонтные доки всей Федерации, мой господин. Нептун уже наш, инфраструктура цела. Почему бы ими не воспользоваться?

– Мы потеряем много времени. А сколько конкретно?

– Дня два, мой господин.

– Слишком долго, – нервно отреагировал Аслим Хусейн, зная своего брата, который потребует немедленного захвата Земли, и ему придется подчиниться. Он здесь, и напрямую перечить ему нельзя... – Неверные смогут перегруппироваться и изменить планы... уточнить

их в связи с последними событиями. У меня есть другое предложение.

– Какое, мой господин?

– Воспользуемся своими баржами на случай, если они снова задумают такую же гадость. Начинайте перегруппировку, полковник. Выводите транспорты на передний план, поставьте их перед самыми слабозащищенными и самыми необходимыми в смысле огневой мощи кораблями. Выполняй.

– Слушаюсь, господин адмирал-шах.

79

Пока все шло хорошо. Из двадцати пяти крейсеров, которые составляли наконецник «клина», пять были потеряны в боях, остальные возвратились обратно. Флот противника, существенно потрепанный, подходил к Урану – зеленоватой, седьмой по счету планете и третьему рубежу обороны.

Земля же считалась первым по значению и последним по плану рубежом обороны.

– Чего мы добились, потеряв половину всего флота? – вопрошал президент, видя, что у противника потери в количественном исчислении гораздо меньше, а баржи с бомбами, раздобытыми с таким трудом, подбили только два малых корабля.

– Я же говорил, нужно было дать им решительный бой, – вставил свое слово министр обороны Пфайффер, почувствовав перемену в настроении президента.

– Поверьте мне, мы добились гораздо большего, чем если бы столкнулись с ними лоб в лоб. – Успокаивал всех Роман Камышов. – Если бы мы столкнулись, как это предлагал господин министр обороны, то их абсолютно новые суда раздолбали бы нас в пух и прах. Да, они тоже потеряли бы до семидесяти процентов своих кораблей в этом мочилове, но остальные тридцать захватили бы Землю без проблем.

– Но чего мы добились?

– Еще предстоит добиться, – поправил президента лейтенант. – Следующей атакой при Уране мы, сохранив вторую часть флота в целости и сохранности, сравняем наши силы с силами оуткастов. А они, напоминая, в самом начале превосходили нас на двадцать-тридцать процентов.

В зал вбежал майор со срочным сообщением:

– Господин президент, они вышли с нами на связь, включить?!

– Давайте...

Майор нажал на кнопку пульта, и экран на стене отобразил уже знакомое лейтенанту лицо адмирал-шаха – брата эмира Аль Хусейна.

– Неплохо держитесь, хлюпики, – с чувством превосходства начал он и, внимательно взглядевшись в свой экран, добавил: – И я, кажется, знаю, благодаря кому...

Лейтенант Роман Камышов криво усмехнулся, но промолчал, хотя хотел сказать присказку о том, что в подобных случаях креститься надо.

– Да-да, поганец, я узнал тебя, – подтвердил догадку лейтенанта адмирал-шах. – Но будь ты хоть трижды Тысячелетним воином, тебе не удастся помочь им выстоять. Мы сметем вас!

– Чего тебе нужно, борода? – спросил Роман, поскольку остальные потеряли дар речи от таких варварских слов, а Камышову слышать их было вполне обыденно. В свое время он наслушался таких угроз вдоволь, поэтому иммунитет к ним выработался достаточно устойчивый.

– Хм-м... Я хочу вам в последний раз предложить сдаться, иначе...

– Иначе что?

– Иначе мы никого не пожалеем. Мы выжжем Землю дотла, и никто не уйдет от справедливой кары.

– И зачем вам выжженная дотла Земля? – поинтересовался Роман.

– Мы свой, мы новый мир построим!

– Где-то я уже это слышал... впрочем, неважно. Это все?
– Я вижу, неверный, ты задумал очередную подлость, недостойную мужчины...
– Ну, я бы так не сказал, – ответил Камышов, вспомнив телевизионные репортажи двухтысячелетней давности, чьим наследием, собственно, Роман и собирался воспользоваться. – Ваши предки так не считали.

– Что ты имеешь в виду?

– Увидишь.

Адмирал-шах Аслим Хусейн нахмурился. Он не любил неизвестности.

– Так что ты хотел сказать? – напомнил Камышов собеседнику.

– Так вот, – взял себя в руки Аслим, – если вы сейчас же не сдадитесь и продолжите бессмысленное и самоубийственное сопротивление, мы уничтожим заложников.

«Как все знакомо, – с грустью подумал лейтенант. – Ничего не изменилось».

– К-каких заложников? – выдавил из себя президент Стив Гуттенберг.

– Тех, что мы набрали в захваченных колониях, – с улыбкой ответил адмирал-шах. – В наших кораблях находится более миллиона ваших сограждан, и они все погибнут, и гибнут, кстати говоря, при каждой вашей удачной атаке вместе с нашими бесстрашными воинами.

Изображение оуткаста сменил ролик, показывающий, что он не врет и заложники действительно в наличии имеются. На экране появились трюмы кораблей, битком набитые людьми. В зале прокатился стон, к такому кошунству никто готов не был.

– Так что думайте. Сдайтесь сейчас, и я пощажу заложников и не стану уничтожать Землю.

Связь прервалась, прежде чем Роман успел задать пару вопросов.

В зале повисла напряженная тишина, все члены Комитета обороны подавленно смотрели в полированный стол, будто пытаясь найти там трещинки. Потом начались робкие переглядывания, и Камышов шестым чувством почувствовал какую-то перемену в общем настроении.

«Они готовы сдаться!» – с ужасом подумал он и буквально выкрикнул, ударив кулаком по столу:

– Даже и не думайте об этом!

– О чем? – подавленно спросил президент Гуттенберг, хотя по его лицу было видно, что он прекрасно понял, о чем сказал этот варвар, поскольку подумал о сдаче.

– О том самом, о сдаче!

– Там миллион наших граждан, – снова встрял Глен Пфайффер. – Они погибнут... погибнут... Земля погибнет...

– Она погибнет, если вы сейчас сдадитесь.

– Но... убивать своих граждан...

– Ими нужно пожертвовать, – твердо сказал лейтенант, – иначе погибнет несоизмеримо большее количество граждан. Десятки, если не сотни миллионов человек.

– Почему? Они ведь обещали не трогать Землю, – жалобно произнес министр обороны.

– Землю они обещали не трогать, это так, – согласился Роман. – Ведь им понадобится ваша инфраструктура, заводы, дома и прочее. Но они не обещали не трогать жителей. И потом, Землю отдадут на растерзание победителей, погибнет очень много людей, ведь солдатам наверняка что-то обещали взамен их службы. А те, кто не погибнет, будут унижены самым жестоким образом. Рассказать, как именно?

– Н-нет, не стоит, – ответил президент, взмахнув руками, будто защищаясь от жестоких слов. Он примерно себе это представлял.

– Ладно. И, тем не менее, многие просто сойдут с ума, учитывая психологическую слабость современных людей, на мой взгляд, это все равно, что смерть, и даже хуже.

– Но мы сможем выжить, – попытался как-то парировать министр обороны.

– Но как вы будете жить? Ваших жен отберут на поругание. – Роман нахмурился, вспомнив об Амели. – Вас самих выгонят из ваших домов куда-нибудь в пустыню, и хорошо, если не в радиационную, где вы точно выжить не сможете. Пройдет не так уж много

времени, и ваша культура исчезнет вместе с вами. Кто-то сможет выжить, переметнувшись к оуткастам, но они станут влачить жалкое существование на правах второсортных людей, над которыми будут постоянно издеваться и унижать их. А это совсем не то, что вы хотите, не так ли?

Или вы надеетесь уйти в подполье и продолжить борьбу... но что-то говорит мне, у вас ничего не выйдет. Может, у следующего поколения, но не у вас. А сколько времени займет сама борьба? Годы... десятилетия... века. В конце концов, устав с вами бороться, ловить главарей сопротивления, они изведут вас под ноль. Никого не останется.

Убедить их в сопротивлении Роман не смог, но, по крайней мере, разбить иллюзии ему удалось, это хорошо читалось по жалкому виду членов Комитета обороны.

– Что вы хотите от нас? – наконец спросил президент Гуттенберг.

– Боритесь, сопротивляйтесь... Сейчас.

– Хорошо... мы будем сопротивляться. Но эта ваша операция оставит нас без гражданского флота, – сказал президент с непонятной интонацией.

– Юмор? Это хорошо... – засмеялся Камышов. – Значит, еще не все потеряно.

Его поддержали кривыми улыбками. Никому было не до смеха.

80

Оуткастский Имперский флот приблизился к Урану. Земные корабли стояли неподвижно, и никто не мог понять, соглашаются ли они сдаться, либо замыслили что-то еще?

Боевых кораблей насчитали не так уж много. Аслим Хусейн видел на радаре, как они отходили от Урана, и он не знал, что и думать.

– Как думаешь, что они затеяли? – спросил адмирал-шах Хусейн у полковника Чесмена, поскольку стал более серьезно относиться к словам своего адъютанта.

– Не знаю, мой господин, но как будто все тихо. Наверное, ваши слова все же произвели на них действие, и они боятся ненароком попасть в своих соплеменников.

– Да, в этом их слабость.

– Господин адмирал-шах, может, еще раз выйдем на связь и спросим об их решении? А то мне что-то не нравится все это. Мы и так слишком близко к ним приблизились.

– Думаешь, засада?

– Да, мой господин. Несмотря на то, что здесь всего десять боевых кораблей.

– И более тысячи малых бортов, – прочитал он выданную компьютером информацию о количестве кораблей у Урана.

На радаре практически не осталось темного пятнышка, всю окрестность занимали светлые метки кораблей. Виднелись буксиры, скоростные катера, малые грузовые тягачи, прогулочные яхты и полным-полно других судов самого разного назначения.

– Давай попробуем, – согласился адмирал-шах с предложением адъютанта. – Вызови их...

Связь установилась практически сразу, и одновременно вся масса судов вдруг колыхнулась, как живое существо от разряда электричеством, что очень не понравилось адмирал-шаху.

Аслим почему-то ожидал увидеть именно его – командира Тысячелетних воинов, натворившего так много. Одним глазом наблюдая за движением малых судов, Хусейн спросил:

– Каково ваше решение?

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответил лейтенант Камышов.

– Ах ты, неверный!

Аслим Хусейн уже видел, как вся эта масса судов направилась к его флоту на максимальной скорости. Недомолвок не оставалось, он понял, что именно задумал противник.

– Огонь! Огонь по кораблям! – кричал адмирал-шах, забыв отключить связь с экрана, с которого на него с издевкой смотрел Камышов. – Это камикадзе! Огонь, всем кораблям огонь!

Впрочем, к сожалению для Романа, связь все же отключили, а он очень хотел посмотреть, что там, на капитанском мостике оуткастского флагмана, произойдет дальше.

В первые секунды адмирал-шах после этих истеричных выкриков буквально оцепенел, наблюдая за тем, как приближается эта лавина малых бортов. Но потом начался обстрел из главных калибров стоявших на передовой кораблей.

Первые залпы получились редкими из-за того, что им мешали стоявшие впереди некоторых самых мощных кораблей баржи с заложниками. Их никто уничтожать не приказывал, и неповоротливым кораблям пришлось маневрировать, чтобы выйти на линию огня и не повредить их.

Масса грузовиков, катеров, прогулочных яхт и прочих судов таяла буквально на глазах. Они гибли в жутких разрывах, говорящих о том, что все они под завязку забиты взрывчаткой и топливом. Но, несмотря на потери, все новые и новые кораблики через сферы огня и обломков прорывались вперед, словно злобная стая бешеных псов, не обращающих внимание на погибших собратьев, у которых в мозгу пульсирует только одна мысль – задрать и убить.

Вот уже от всей лавины осталась едва ли половина, но их все равно было слишком много, в два, если не в три раза больше, чем у оуткастского флота. Правда, по тоннажности они были на порядок ниже, но последнее обстоятельство не имело никакого значения.

На таком близком расстоянии точность стрельбы увеличилась, и суда-камикадзе гибли сотнями, но заминка в самом начале с заложниками в баржах сделала свое дело, и появились первые тараны, которые нарастали словно снежный ком.

Катера прорывались к кораблям, врезаясь в них по три-четыре штуки, и многие из командиров в этот момент пожалели, что развернулись бортами, а не стреляли носовыми орудиями и не сбили эти чертовы баржи с чертовыми заложниками, будь они все прокляты.

Корабли горели. Многие из них сбивались с курса, и начинали безвольно дрейфовать, создавая опасность столкновения с другими кораблями, мешая им стрелять. Тем в свою очередь самим приходилось маневрировать, дабы не столкнуться с неуправляемыми собратьями, и этим лишь подставляя свои бока для камикадзе.

За всем этим с непроницаемым лицом следил адмирал-шах. К его флагману тоже чуть было не пробился катер-камикадзе, но его подбили практически у самого носа, и тысячи осколков корпуса барабанили по обшивке.

Вскоре все корабли-камикадзе погибли так или иначе, но потери оказались катастрофическими. Они бы не были такими ужасными, если бы это был бой с крейсерами противника. Но те остались в целостности и сохранности, а Имперский флот нес потери.

– Они заплатят за это, – глухо проговорил Аслим Хусейн. – Они за это заплатят...

– Вас вызывает эмир...

– Да пошел он! – взорвался адмирал-шах. – Что с потерями?

– Считаем, мой господин...

Компьютерный принтер застрекотал, выплевывая ленту бумаги, одновременно отображая полученную информацию на экране, выдавая все новые и новые названия погибших и поврежденных кораблей.

– Ну?...

– Сорок два корабля, мой господин, – не веря своим глазам, читал полковник Чесмен, – полностью уничтожены. Среди них два авианосца «Хассан» и «Палестинец». Это не считая практически всех подбитых барж с заложниками.

У адмирал-шаха потемнело в глазах, погибло больше семидесяти тысяч человек, это опять-таки не считая заложников.

– Да хрен с этими баржами... Что еще?

– Примерно двенадцать сильно повреждены. Обширная разгерметизация и пожары. Я рекомендую встать на ремонт, мой...

- Твоих рекомендаций никто не спрашивает, полковник! Собрать эвакуировавшихся и продолжить движение!
- Слушаюсь, господин адмирал-шах, – склонился в полупоклоне полковник Чесмен.

81

Вот и Сатурн. Самая необычная планета в Солнечной системе, окруженная метеоритными кольцами, предположительно состоящими из разбившихся друг о друга спутников планеты.

Где-то в глубине сознания Аслим Хусейн подумывал о том, чтобы проскочить ее и направиться прямо к Земле, как советовал его брат эмир, но тогда бы он оставил эти сто пятьдесят кораблей у себя в тылу, а они отсиживаться не станут. Да и у Земли наверняка есть какие-то корабли, которые задержат его высадку до подхода этой части флота. Потому адмирал-шах со злостью наблюдал за новым сближением флотов. Он готовился разорвать противника в пух и прах.

«Хорошо хоть здесь эти неверные ничего не выдумали, – подумал Аслим. – И произойдет настоящее честное сражение».

Адмирал-шах знал, что силы примерно равны, несмотря на то, что его боевой флот превосходит противника по численности, но предыдущие столкновения сильно снизили боевую мощь кораблей. Некоторые из них двигались на одном только честном слове. Не говоря уже о потрепанном вооружении на половине судов.

Потому Аслим Хусейн проводил перестроение, чтобы максимально использовать боевую мощь всех кораблей, разворачивая их в сторону противника уцелевшими орудиями. Хотя он прекрасно отдавал себе отчет в том, что в запале схватки они снова смешаются в большую свалку, где ничего невозможно разобрать и каждый будет вертеться, как может, но, по крайней мере, на начальном этапе он постарается обеспечить наибольшее превосходство.

– Почему крейсер «Маллох» все еще не занял свое место согласно расписанию? – спросил адмирал-шах у полковника, будто тот мог все знать. – Запоздывает на четыре минуты.

– У него пробит правый двигатель, мой господин. Идет на семидесяти процентах мощности.

Впрочем, проблемы возникли не только у «Маллоха», но и у других кораблей. Они как могли быстро перестраивались из ряда в ряд, выходя на заданную им командованием позицию.

Наконец все корабли заняли свои места и стали поджидать противника, по старой привычке шедшего «свиньей».

Аслим Хусейн нервно поерзал в своем командирском кресле: еще никогда его шансы победить не были так низки. «Пятьдесят на пятьдесят», – мысленно подсчитал он.

– Мой господин, может, применим тактическое вооружение? – предложил полковник Чесмен, глядя на озабоченное лицо своего начальника. – Покончим с ними одним ударом.

– А смысл? Ну, шарахнем мы ядерной торпедой – и что? Нас самих контузят так, что ни о каком захвате Земли потом и речи быть не может. Тебе ли об этом не знать?... Мы только неверным услугу окажем. Тактическое вооружение лучше использовать по прямому назначению – по поверхности планет и их спутникам.

Флоты сближались, но перед тем, как войти клином в основную массу оуткастского флота, корабли Федерации рассредоточились, чтобы не стать легкой мишенью.

– Ну, вот и все... – сказал адмирал-шах, когда корабли землян врезались в построения Имперского флота и начался взаимный обмен ударами.

Земные корабли носились как угорелые, пользуясь своим преимуществом относительно оуткастских кораблей – отсутствием экипажа, совершая немыслимые маневры для кораблей такого класса. Ведь кораблям-роботам не приходилось думать о людях, о вредных для них перегрузках, у них нет отсеков, опасность разгерметизации которых могла уничтожить

экипаж. В конце концов, они меньше по размерам опять-таки из-за отсутствия экипажа с так необходимым ему жизненным пространством.

Но там, где столько достоинств, не могло обойтись и без недостатков. Корабли Федерации плохо расставляли приоритеты в выборе цели. Они могли стрелять по уже уничтоженным пушкам противника, только потому, что ствол еще держался торчком, или выбирали ближайший крейсер, в то время как большую опасность представлял линкор, стоящий чуть в стороне. Но как бы там ни было, на этот раз бой действительно шел на равных.

Корабли горели, взрывались, выходили из строя и пускались в неконтролируемый дрейф, создавая опасность столкновения. Все это время оба флота медленно, но верно приближались к Юпитеру.

Адмирал-шах наблюдал за боем и с каждым часом становился все мрачнее. Он уже потерял тридцать пять линкоров и три крейсера, уничтожив сорок четыре корабля противника, это не считая подраненных и больше не способных вести огонь без серьезного ремонта.

Командовать в такой мясорубке, отдавая какие-то приказы, просто бессмысленно. Ситуация менялась каждую минуту, если не секунду, и приказ устаревал в тот момент, как только поступал до адресата, и командам кораблей самим приходилось выворачиваться наизнанку, чтобы не попасть под залп противника.

Но в общих тактических и стратегических решениях приказы имели силу.

– Полковник...

– Слушаю, господин адмирал-шах.

– Вводи в бой транспорты.

– Десантные корабли, мой господин? – уточнил Чесмен.

– Да, идиот, десантные корабли! Пусть и они поработают своими пушками! Иначе от всего флота к концу этой свары у меня останется не больше десятка боеспособных кораблей!

– Слушаюсь, господин адмирал-шах.

Согласно приказу, через несколько минут, потребовавшихся на необходимые маневры, особо оберегаемые от противника корабли ввязались в бой. Их пушки были не слишком большого калибра, но их суммарная мощь сделала свое дело, и сразу несколько федеральных кораблей разлетелось в пыль.

Бой продолжился, но было ясно, что оуткасты одерживают верх и через несколько часов, когда флот подойдет к Юпитеру, все будет кончено. Но эти корабли еще нужно уничтожить. Они, словно получив второе дыхание, вертелись на предельных скоростях, а, получив смертельное ранение, стремились врезаться в своего противника, забрав его с собой. И к большому неудовольствию адмирал-шаха им это изредка удавалось.

82

Противник с боями, неся большие потери, подходил к Юпитеру. Федеральные корабли умело увлекали его за собой, худо-бедно справляясь с поставленной задачей.

Теплившаяся в душе Романа Камышова надежда, что этим сражением все и закончится, противник будет если и не уничтожен полностью, то дойдет до такого состояния, когда дальнейшее наступление будет бессмысленным, не оправдалась. Он понял это, как только увидел, что в бой вступают десантные транспорты. Их большое количество компенсировало слабое вооружение.

Делать было нечего, и пока не поздно, лейтенант решил воспользоваться одним из своих козырей. Без него следующий рубеж обороны при Юпитере не имел такой силы. Он хотел взять на абордаж флагман оуткастского флота.

Для этого Камышов вошел в комнату отдыха своих солдат в полном абордажном облачении, в синем «орлане» с автоматом наперевес, только шлем снял. Объяснять и уговаривать он никого не собирался, все было сказано много месяцев назад, когда все только

начиналось. Потому, войдя, он просто спросил:

– Кто пойдет со мной?

Солдаты молчали, понуро глядя на своего командира, ведь их осталось всего шестнадцать, и один из них по-прежнему в плохом состоянии. Все понимали, что в этот раз многим из них точно не повезет, да и операция на Оуткасте была просто безумной авантюрой, и чудо, что они вообще не погибли там все поголовно.

Лейтенант ждал, отсчитывая про себя минуту, после которой, если ничего не произойдет, он собирался просто развернуться и уйти.

Время подходило к концу.

– Пойдешь один? – вдруг спросил старшина Фрейндлих.

– Если потребуется, – тут же ответил Роман. – Подопытной мышкой, пусть даже в золотой клетке, я в любом случае становиться не собираюсь.

– Тебе не кажется, что операция на Оуткасте была ошибкой?

– Теперь я это точно знаю, но извиняться не собираюсь. На тот момент это казалось мне единственно правильным решением – захватить главаря в его логове, и мы захватили его, но их оказалось двое.

– Может, все обойдется без нас? – спросил сержант Галс. – Противник уже практически обессилен. Может быть, операция при Юпитере его окончательно добьет?

– Мне бы очень хотелось в это верить, но она уже ничего не гарантирует. Я думал, что нам удастся покончить с Хусейнами у Сатурна, но они пробились. Сил у них вполне достаточно, тогда как у Земли их практически не осталось. Еще сотня кораблей – и это все. Нужно брать главарей...

– Опять... – прошептал кто-то за спинами своих товарищей.

– Может, кто-то хочет себе обрезание сделать? – насмешливо спросил лейтенант и вытащил десантный нож из ножен. – Так это пожалуйста, я могу вам сделать его прямо сейчас.

– Не горячись, Ромео... – встал старшина, – люди устали.

– А я что, не человек?

Виктор Фрейндлих поморщился, как от зубной боли, и лейтенант замолчал. «Миротворец, бля», – подумал Камышов о старшине.

– Можешь на меня рассчитывать, – сказал старшина.

Из-за столов потянулись остальные солдаты. Двоих, тех, которых не так давно вытащили из реанимации, пришлось все же оставить, как недостаточно окрепших, с ними еще двое таких же слабых из-за прошлых ранений. В итоге всего в абордажной команде осталось одиннадцать человек вместе с лейтенантом Камышовым.

– Отлично. Тогда за мной, у нас не так много времени. Переоденетесь на корабле.

83

Бешеная гонка осталась позади. Транспорт, доставивший отряд Камышова на орбиту Юпитера, гнал на межзвездных скоростях, включив маршевые двигатели еще на орбите Земли, «перепрыгнув» через пояс метеоров, а не идя по прямой. Несмотря на этот крюк, путь занял около часа.

Оуткастский флот подошел к Юпитеру, добывая последние корабли Земли, начавшие свой бой еще у Сатурна.

Пятый рубеж обороны приводился в полную боевую готовность. Десантные корабли, несущие на себе сотни челноков, прогревали двигатели перед последним броском. Каждый шаттл в свою очередь нес в себе до полусотни модернизированных роботов-абордажников, которых начали делать по настоянию Камышова, сразу же после того как они отправились на Оуткаст, на тот случай, если им все же не удастся поймать руководителя оуткастов. И как стало видно, роботов делали не зря. Как и модернизировали шаттлы.

Только на этот раз часть роботов, опять-таки по настоянию лейтенанта, снабдили

хорошим зарядом, чтобы те, проникнув на борт вражеского корабля, подрывали какие-нибудь важные узлы и системы управления или ведения огня, проще говоря, артиллерийские посты.

Правда, у тех роботов, которым предстояло штурмовать флагман вместе с людьми, таких зарядов не имелось. От греха подальше.

Федеральный флот начал свое движение к противнику, когда шаттл с людьми и новыми «ХК-13А» состыковался с одним из транспортных судов, несущих десант.

Пятьдесят транспортных кораблей, имеющих собственное артиллерийское вооружение, сопровождали три крейсера и десять авианосцев с беспилотными истребителями.

– Ну, будем надеяться, у нас все получится, – ворчливо проговорил старшина, когда начался основной разгон и шаттл затрясло вместе с кораблем, не предназначенным для перевозки живого груза.

– Опять... – устало произнес адмирал-шах, наблюдая за тем, как к нему несется чуть больше полусотни кораблей противника. Только что вроде бы добили остатки флота землян, и вот опять двадцать пять. – Что это?

– Обычные десантные транспорты, мой господин, – ответил полковник Чесмен, рассматривая компьютерные расшифровки. – И новые корабли. Раньше мы с такими дело не имели. Очень похожи на обычные авианосцы.

– Так и есть, – согласился Аслим. – А термин «обычные» лучше не употреблять. Наверняка они с сюрпризом.

Тем временем крейсера стали прорубать «окно» в еще не совсем сформировавшихся оборонительных порядках оуткастского флота. Всего несколько минут назад были добиты последние линкоры противника, и они не успели перестроиться. Многие корабли еле тащились, и их отодвигали назад. Более активно стали участвовать десантные корабли.

Стреляли крейсера недолго, но основную задачу им выполнить удалось. В «окно» стали пробиваться десантные корабли землян, которые тут же стали сбрасывать десантные челноки, в момент заполнив все пространство между кораблями.

– Камикадзе?! – с тревогой в голосе предположил полковник Чесмен, когда шаттлы на полной скорости устремились к имперским кораблям. Перед его глазами все еще стояла эта безудержная атака камикадзе.

Шаттлы в свою очередь сопровождали самолеты прикрытия, так же выпавшие из авианосцев, как семена из какого-нибудь внеземного плода.

– Не думаю. Слишком маленькие, чтобы нанести ощутимый вред.

– Дерьмо...

– Вот именно, полковник. Это абордаж.

Цели для артиллерии были слишком маленькими, а для зениток слишком далеко. Нужны были другие средства защиты.

– Что ж, выпускайте наших летунов, – приказал Аслим Хусейн.

– Слушаюсь, господин адмирал-шах.

Теперь дали размять крылышки до сих пор не участвовавшей в боях имперской штурмовой и истребительной авиации, в бездействии понесшей большие потери.

Завязались первые схватки между малой авиацией. Оуткасты пытались пробиться к челнокам, но им мешали самолеты прикрытия. Трассы снарядов смешивались с дымными следами ракет и противоракет.

Тем временем шаттлы подходили к своим жертвам все ближе и ближе, и вот уже начали стрельбу зенитные башни, испещряя пространство огненными дорожками пушечных снарядов. Появились первые полноценные потери среди шаттлов, а не отдельные удачи пилотов самолетов, сумевших пробиться сквозь самолеты и огненный заслон самих челноков и сбить свою цель.

Адмирал-шах с непроницаемым лицом наблюдал, как и к его крейсеру летит несколько десятков шаттлов. Их пытались уничтожить лучшие эскадрильи Империи.

Но вот, наконец, пилотам удалось найти слабые места вражеских самолетов, и дела пошли гораздо лучше. В течение десяти секунд сопровождающая челноки авиация погибла, и путь к челнокам стал практически открыт.

Правда, еще нужно добраться до самих челноков, с успехом оборонявшихся от самолетов противника своими пушками и появившимся ракетным вооружением.

Шаттлы взрывались один за другим, горели и подбитые ими самолеты. Но, несмотря на потери, челноки уже швартовались к бортам крейсеров и линкоров, налипая к ним, как пиявки на случайно попавшее в болото животное. А, прилипнув, они начинали свое черное дело, и ионные, и алмазные резакі вскрывали прочные корпуса кораблей, вырезая аккуратные овалы.

— Контрабордажным командам приготовиться, — приказал полковник Чесмен, когда стало ясно, что зенитной артиллерии и самолетам не удалось полностью выполнить свою задачу и около десятка челноков присосались к бортам имперского флагмана.

Практически сразу же посыпались доклады о местах ударов в корпус и еще через какое-то время свистящих звуках там же.

Тем временем все прорвавшиеся транспорты, авианосцы и крейсера были уничтожены ценою пяти линкоров.

— Уничтожение кораблей не являлось их основной задачей, — остудил пыл радости полковника адмирал-шах по поводу соотношения подбитых чужих и потерянных своих кораблей.

— Конечно, мой господин...

84

Шаттл бросало из стороны в сторону. Автопилот уворачивался от летящих в него ракет, прорывавшихся сквозь самолеты прикрытия, подрывая их на различных обманках в зависимости от типа нацеливания смертельных посланцев.

Самолеты на удивление вели себя достаточно уверенно. Их искусственный интеллект практически ничем не уступал человеческому, достаточно хорошо противостоя оуткастским пилотам в бою.

Но люди все же оказались умнее или хитрее, но как бы там ни было беспилотные самолеты стали проигрывать людям, и тут начался барабанный дождь из снарядов по челноку. Сам челнок отстреливался, и тогда самолеты противника отступали, давая возможность шаттлу еще ненамного приблизиться к атакуемому кораблю.

— Минута десять до касания... — уже в обычной манере предупредил автопилот абордажников голосовым модулятором.

— А вот интересно, в других шаттлах компьютер тоже предупреждает своих пассажиров о времени касания? — спросил сержант. — Или только у нас такая привилегия?

— А тебе какая разница? — удивился старшина.

Остальные также обернулись на сержанта, несшего какую-то бредятину.

— Да так... Просто вдруг представил себе картину, что и там тоже идет отсчет времени, а этим жестянкам без разницы.

«Нервничает, — сделал вывод лейтенант Камышов. — Да и кто не нервничает? А кто не нервничает, тот точно псих... А действительно, ведется там отсчет или нет?» — заразился бредовой идеей Галса Роман.

Но на размышление об этом уже не оставалось времени — компьютер отсчитывал последние секунды до касания, и вскоре оно произошло. Тут же начали работать резакі, выбивая искры из борта атакованного корабля.

Роботы уже отсоединились от захватов. Вытащили свое оружие из пазов и солдаты, приготовившись последовать за своими стальными коллегами внутрь флагмана.

Все происходило, как и в прошлый раз, только сейчас вместо громоздких пехотинцев «ХК-12С» стояли более приспособленные для движения по узким коридорам корабля «ХК-

13А». Они обладали меньшим ростом, были компактнее, имели на вооружении автомат меньшего калибра, но меньший калибр компенсировался гранатометами и другим вооружением групп, в которое включались огнеметчики – очень действенное оружие в закрытых помещениях и коридорах кораблей. При необходимости огнеметы могли служить резаками, стоило только сменить насадку на стволе, и резали они не хуже «ионки».

«С такими не пропадем», – успел подумать Камышов, как первые два робота шагнули в образовавшиеся проемы. Сделали они это более изящно, чем старые «двенадцатые», и, несмотря на то, что одного из них все же подстрелили, завала как в прошлый раз не случилось.

Роботы под шквальным огнем перешли в наступление, отбивая атаки специальных контрабордажных команд, а не из наспех собранных матросов, которые и оружия-то в руках не держали. Впрочем, матросы тоже участвовали.

«Противник неплохо подготовился к нашему появлению, – подумал Роман, поудобнее перехватывая „аддер“. – Учел старые ошибки...»

Захлопали гранаты, как с той, так и с другой стороны. Два робота повалились на палубу, а вдали раздались крики раненых.

– Наш выход, – сказал лейтенант, когда все тридцать роботов покинули шаттл и коридор оказался чистым от присутствия противника.

– Чувствую, этот захват для нас станет настоящей прогулкой, – довольно произнес старшина.

Группа двигалась к командному пункту, не встречая сопротивления, обо всем позаботились «тринадцатые». Они выжигали и расстреливали все, что движется, при этом неся чувствительные потери. Противник снова вооружался трофейным оружием, а это не могло не внушать опасения.

Но пока все шло благополучно. Отряду на пути только раз попался противник, но из матросов, с которыми солдаты быстро разделались. Но, несмотря на видимую легкость, никто, как в прошлый раз, бдительности не терял. Группа двигалась перебежками от одного перекрестка до другого по несколько человек, не забывая контролировать каюты в коридорах, которые иногда все же открывались в самый неожиданный для абордажников момент.

Видимо, матросы прислушивались к тяжелым шагам «ХК-13А» и выскакивали, не услышав практически бесшумной поступи людей. И тогда короткие очереди «аддеров» забрасывали неосторожных матросов обратно в их помещения.

Вскоре солдаты уперлись в препятствие. Командование корабля наглухо перекрыло все отсеки, а роботы стояли, не зная, что делать.

– Где эти чертовы огнеметчики-резаки? – негодовал сержант.

– Подождем...

– Чего ждать-то?

– Слышишь, шум боя уже практически прекратился, только изредка где-то долбят эти авиационные пушки и – тишина?

– Не хочу вас огорчать, лейтенант, но эти пушки могут быть и в руках матросов, и они сейчас добивают последних «тринадцатых», броня которых слабее, чем у «ХК-12С».

– Резонно, – согласился с выводами Роман. – Но «тринадцатых» больше. В каждом шаттле их около сотни.

– Тоже верно, но опять-таки мы не знаем, сколько шаттлов пристыковалось.

– Хм-м... ничья. – Подвел итог спору старшина Фрейндлих. – Но подождать все же стоит.

– Подождем тво...

– Дальше не продолжай, – попросил сержанта старшина, подняв руку.

– Не буду, – улыбнувшись, ответил тот.

Солдаты тоже засмеялись. Все знали одно из любимых выражений Галса, взятое из когда-то популярной среди тинэйджеров песенки.

С улучшившимся настроением солдаты заняли позиции и принялись ждать либо появления противника, или, что гораздо лучше, – «ХК-13А» с огнеметом в руках.

К счастью для всех, после пятнадцати минут ожидания появился «тринадцатый» с веселым огоньком на кончике огнемета, сильно помятый, но «живой».

85

Робот без лишних, как говорится, слов, подошел к закрытой двери, просканировал ее своими красными глазами, после чего сменил насадку и приступил к работе.

– Надеюсь, он запрограммирован не той же хренью, что и резак при штурме резиденции эмира? – задал животрепещущий вопрос сержант.

– Да вроде нет, – неуверенно ответил лейтенант, из-за угла наблюдая за действием робота.

– С чего ты взял?

– Если я не дальтоник, то тогда пламя отливало зеленым, а это обычное – синеватое.

– И правда...

«Тринадцатый» вырезал правильный овал, не обращая внимания на то, что его забрызгали капли расплавленного металла. Наконец овал подался, и робот, придав ему нужное направление, бросил его внутрь и собрался было шагнуть сам. Но чья-то метко выпущенная граната ударила его в грудь, и робота взрывом отбросило назад.

Люди замерли, ожидая неизбежного, но детонации содержимого рюкзака огнеметчика не произошло, он оказался не поврежден, хоть на него и свалилось с полтонны стали и пластика.

– Ф-фу-у... – облегченно выдохнул Камышов и даже сделал попытку стереть со лба выступивший пот, но ладонь лишь проехала по шлему. – Страсти-то какие...

Тем временем за проем завязался ожесточенный бой, никто отступать не собирался: роботы потому, что не знали такого понятия, а у защитников был строгий приказ держаться до последнего. Вот они и держались... до последнего.

Первый робот шагнул внутрь.

Роман обратил внимание, что все защитники вооружились трофейным оружием.

– Значит, здесь всех «тринадцатых» положили, как пить дать, – сделал вывод старшина.

– А это значит, мы близко к цели.

К цели они действительно подошли близко. Стрельба началась практически отовсюду, и два из десяти роботов упали, прошитые пулями. Остальные роботы стали расходиться вслед за отступающими матросами, вызвавшими огонь на себя.

– Черт, тупые железки! – закричал лейтенант, отлично понимая, что тех заманивают в подготовленную ловушку.

Солдатам удалось остановить двоих из «ХК-13А», чтобы они служили им в качестве основной пробивной силы. Остальные успели уйти.

Вскоре в коридорах послышалась перестрелка, разрывы гранат, и из шести, ушедших в погоню, вернулись только двое.

– Дьявол! Ускорить шаг, – приказал Камышов. – Не спать...

Продвижение солдат ускорилось, впрочем, ненамного. О технике безопасности передвижения по вражеской территории забывать не стоило, это понимали все.

Отряд поднялся выше на два яруса. Они прекрасно знали, где находится капитанский мостик, потому в «языке» необходимости не возникало. Впрочем, могло случиться и так, что командный состав мог спрятаться в запасном командном пункте, но Роман надеялся, что этого все же не произойдет, ибо на поиск ЗКП времени, а главное сил, может и не хватить.

Но вот на пути оказалась главная галерея, ведущая в командный центр.

– Тихо... – прошептал Чуй.

До всех не сразу дошло, то ли он прокомментировал, что стоит тишина, то ли так он показывал, что нужно остановиться. Предпочли сделать последнее. Лучше перестраховаться.

Группа остановилась.

– В чем дело?

– Шум позади.

– Роботы?

– Люди...

Лейтенант подошел к одному из «ХК-13А» и, прочитав порядковый номер, приказал:

– Тысяча пятьсот девятый, приказываю двигаться в двадцати метрах позади группы.

Пошел.

Робот послушно совсем по-человечески кивнул головой и пошел назад. Еще одному приказали на такое же расстояние уйти вперед.

– По крайней мере, мы так себя хоть немного обезопасим.

Не успел лейтенант договорить, как впереди и сзади практически одновременно началась стрельба. «Тринадцатые», судя по звукам, находились явно в проигрышном положении.

– Вот задница!

Камышов послал на подмогу роботам оставшихся двух, по одному в каждое направление.

– Вперед.

Солдаты поспешили вперед вслед за ушедшими роботами. Те практически уже подавили сопротивление, но один из «тринадцатых» валялся на полу, и из плеча, из разорванных трубок, точно кровь, толчками била густая смазка.

От робота рикошетила пули, от особенно меткого выстрела он отступал на шаг, чтобы не упасть, но отважно продолжал стрелять по противнику. Лейтенант, чтобы помочь ему, снял с пояса гранату и забросил ее дальше по коридору. Вслед за ней полетело еще три штуки.

Раздались взрывы, и все смолкло, а под потолком сгустился черный дым. Кто-то бросил зажигательную гранату.

Смолк бой и сзади, но как ни ждали, ни один из двух роботов оттуда не вернулся.

– Подстрелили.

– Скорее всего, – согласился лейтенант. – Так что глаза держать на затылке. Всем быть предельно внимательными, капитанский мостик уже буквально перед нами.

Все напряглись, услышав какие-то подозрительные звуки.

– Что это?

– Катится что-то...

– Черт!!!

До всех разом дошло, что это может катиться так быстро, весело перестукиваясь и ударяясь о стенки коридора.

Солдаты, как спринтеры, рванули назад. Они едва успели запрыгнуть за угол коридора, как рванули разрывы, и огненный смерч прошелся по галерее.

– «Тринадцатому» трындец...

– Тихо, – лейтенант поднял палец и поднес его к тому месту шлема, где должны были быть губы.

Старшина кивнул – нужно было дождаться проверяющих. И они появились.

Матросы осторожно двигались по закопченному коридору, целясь из автоматов по сторонам. Кто-то проверил робота на признаки жизни, осторожно пнув того по голове, в любой момент готовый выстрелить, но «тринадцатый» признаков жизни не подал и группа пошла дальше.

Роман быстро выглянул, посчитав количество человек, и показал всем пять пальцев, после чего резко махнул рукой, и, повинувшись его жесту, трое солдат, находившихся ближе к косяку угла, разом выглянули в коридор и открыли огонь.

Очереди прошли матросов насквозь, после чего Роман, крикнув «пошли», побежал вперед, увлекая за собой остальных. Сейчас противника нужно было брать напором.

Снова полетели гранаты, забили «аддеры» и трофейные автоматы с той стороны. Один из солдат лейтенанта упал с жутким криком.

«Вот, черт!» – мысленно ужаснулся Роман, краем глаза отметив, что солдат потерял руку.

Вид этого придавал ему сил, и он, бросившись вперед, несколько раз крутанулся по полу, прикрываемый плотным огнем товарищей, и стал разряжать в противника гранаты из подствольного гранатомета, что, собственно, и поставило точку в этом локальном сражении.

86

– Ты больше так не делай, – проговорил Виктор Фрейндлих, тыкая пальцем во вмятины на доспехах лейтенанта. – Видишь, какой крупный, хорошо, что касательный, иначе бы даже эти превосходные вязанки тебя бы не спасли.

– Не буду. Что с Осипом?

– Рука... ребята ему рану перетягивают, но его нужно в госпиталь, и чем раньше, тем лучше.

– Ясно. Но нам нужно взять этого чертового эмира! И тогда мы сможем позволить себе все, что угодно.

– Посмотрим, что можно сделать.

Стальную дверь на флагмане нахрапом не взять это все понимали хорошо. Огнеметчиков-резаков поблизости нигде не было видно, казалось, корабль вообще вымер.

Старшина с трудом поднял тяжелый автомат «тринадцатого», валявшийся рядом с погибшими защитниками капитанского мостика.

– У нас только это...

– Попробуем этим, – кивнул лейтенант, также поднимая тяжелую пушку.

Дверью собственно заниматься никто не собирался, уж слишком неприступной она выглядела, а вот стена рядом – это пожалуйста.

Солдаты встали напротив выбранного участка стены, пододвинули поудобнее картриджи с боеприпасами и по команде открыли стрельбу.

Пластиковое покрытие отлетело сразу, обнажив матовую поверхность стали. Пули били в нее, оставляя вмятины и высекая искры, рикошетили под ноги людям. Понимая, что так ничего не добиться и боеприпас расходуется зря, лейтенант приказал выбрать четыре точки и бить только по ним.

Дело пошло чуть лучше, и вскоре появились рваные дыры величиной с кулак. Оставшийся боеприпас потратили на очерчивание овала, чтобы хоть как-то ослабить стенку.

В каждую дыру Камышов заложил по две гранаты и подорвал их синхронно, длинной веревочкой выдернув связанные вместе кольца.

Пробоины стали больше в размерах, образовав рваные щели по периметру, но овал не вывалился. Пришлось использовать оставшиеся гранаты, как бы опрометчиво это не выглядело.

Только после этого щель оказалась достаточного размера, чтобы в нее мог пролезть человек. Перед тем как войти внутрь, немного постреляли для острастки, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что с ними не собираются шутки шутить.

– Если я получу хоть одну пулю, – проговорил лейтенант, протискиваясь в дыру, – вам всем не жить, это я обещаю...

Никто и не стрелял.

– Здорово, адмирал-шах, – поздоровался Камышов, проникнув на капитанский мостик и сразу опознав командира корабля.

– Привет...

Аслим Хусейн также узнал лейтенанта, взявшего в прошлый раз линкор.

– Где твой братец?

– Вообще-то, ты ошибся адресом, – ухмыляясь, ответил адмирал-шах. – Как говорится,

нельзя держать все яйца в одной корзине. Эмир Шалим Аль Хусейн, брат мой, на другом корабле.

– Черт...

– Понимаю. Не повезло...

– Ладно, попробуем с тобой, – глухо произнес Роман, почему-то чувствуя, что ничего не выйдет. – Прикажи флоту остановиться.

– Не могу.

Адмирал-шах развалился в командирском кресле, скрестив на груди руки.

– Почему?

– Я уже передал, что взят на абордаж. Вы так молотили, что никаких сомнений у меня не оставалось. А поскольку вся полнота власти принадлежит моему брату, командование флотом перешло к нему.

– Понятно. И что я по-твоему должен делать? – зачем-то спросил Роман.

– Понятия не имею, неверный.

– Тогда я должен тебе сказать, что это *тебе* не повезло...

Лейтенант поднял свой «аддер» и прицелился прямо в голову адмирал-шаху.

– Ничего не хочешь сказать?

У Аслима все же дрогнуло лицо, он понимал, что сейчас с ним произойдет, но взял себя в руки и довольно твердо произнес:

– Н-нет.

Раздался одиночный выстрел, половина головы адмирал-шаха перестала существовать.

Кто-то из команды дернулся, выхватывая пистолет, но солдаты оказались быстрее, и по приборам управления, сметая все и вся, застучали дробные очереди.

– Прекратить! – крикнул Роман.

Огонь прекратился. Большая часть командного состава валялась на полу.

– Мне еще нужно узнать, на каком судне спрятался Шалим Аль Хусейн.

– Извини...

Камышов подошел к ближайшему лейтенанту и спросил:

– Где ваш эмир? И, пожалуйста, без фанатизма, я этого не люблю.

– На «Жемчужине»...

– Покажи.

Лейтенант сговорчиво показал судно, как на радаре, так и визуально на панорамном экране.

– Спасибо. Всем до свидания...

– А лучше прощайте, – проговорил старшина, и солдаты снова открыли стрельбу.

На шаттле Камышов связался с Землей и все им объяснил, сказав, что потребуется новый абордаж, поскольку истинный главнокомандующий на другом корабле.

– Но у нас больше нет десантных кораблей! – ответил ему президент.

– Я знаю. Но перепрограммировать оставшиеся целые челноки-то вы можете? Пусть на них вернутся уцелевшие роботы, такие ведь наверняка есть. Уж на флагмане их точно полно. Чтобы они «присосались» и просто прикрыли нас своей массой. Пусть все направляются на один корабль, чуть позже я дам вам его координаты. Это вы можете сделать?

– Можем...

– Отлично. Сейчас мы подходим к метеоритному поясу. Корабли забирают вверх, так что я думаю, они не пойдут сквозь него, как я на то рассчитывал, потому перегруппируйте спрятанные корабли на атаку из-за пояса...

– Но она будет бессмысленной. Никто не сможет достичь цели без метеоритного прикрытия... Их уничтожат еще на подходе.

– Они отвлекут от нас внимание. И подгоните два авианосца для тех же целей. Пусть прикроют, а то одним шаттлам лететь как-то одиноко.

– Хорошо. Мы все сделаем.

– Отлично. И еще примите раненого, позже я назову номер шаттла. Его вы возьмете на

борт. Не перепутайте.

– Хорошо, – снова согласился главнокомандующий Стив Гуттенберг.

87

В шаттл набилось двадцать пять роботов «ХК-13А», практически норма, но вот что творилось в других челноках, никто не знал. Может, там от силы по пять-шесть «тринадцатых» сидит. Однако точно было известно, что с других кораблей стартуют вообще пустые челноки, ну, может быть, в некоторых будет по одному, по два робота.

Сейчас Роман Камышов жалел, что настоял на роботах-камикадзе, ведь тогда теперешний флагман атаквали бы сразу сотни и сотни «ХК-13А», практически под завязку забитые абордажниками. А так всю работу придется делать самим. Это было очень неприятно.

Наконец флот подошел к поясу метеоритов и начал огибать его, обходя стороной, правда, несколько кораблей словно на автопилоте продолжили свое движение по прямой, но этого лейтенант не знал. Он передал параметры нового флагмана оуткастов «Жемчужина» на Землю, чтобы там перенацелили движение шаттлов, и челноки рванулись именно к флагману.

– Три минуты до старта, – ожил компьютер челнока после перезагрузки.

– Скорее бы уж... – шептали солдаты.

Адреналин в который раз переполнял организм людей, и тут главное было не перетянуть, иначе от солдат во время штурма будет мало толку. Адреналин схлынет, и мышцы будут словно ватными, непослушными. Живые мишени, одним словом.

Чувствовал прилив адреналина и лейтенант Камышов, но это состояние в последнее время для всех них было вполне привычным. Он даже нетерпеливо затопал ногой, чему сам удивился, так как для него это было нетипично.

Наконец компьютер отсчитал последние секунды, и шаттл оторвался от борта корабля, как и сотни других челноков, пусть и пустых, но и они своим стартом нанесли дополнительные повреждения жертвам, «забыв» заварить входные отверстия, в один момент разгерметизировав десятки отсеков.

«Лишь бы авианосец успел подойти, – подумал Роман. – Впрочем, на пунктуальность нынешних землян можно полностью положиться, и если сказали будет, значит, будет, и никакие журналисты не смогут помешать».

Шаттл привычно трясло на разгоне, но потом снова начались кульбиты высшего пилотажа – челноки уходили от ракет, а вот пушечные снаряды вдоволь барабанили по корпусу, отбивая куски плиточной брони.

Челнок трянуло раз, другой, так, что зубы чуть не раскрошились. Шаттл крутился в неуправляемом полете, в глазах солдат мутилось, но никто пока сознания не терял. И снова удар.

Роман не поверил свои глазам: один из углов шаттла просто снесло взрывом, и весь воздух в один момент вышел, как пар, вытянув наружу какую-то стружку, и что самое плохое – с креплений сорвало одного робота и его также выбросило в космос. А их и так было не слишком много.

«Двадцать четыре, – посчитал оставшихся Роман, – плюс нас десять...»

Движение медленно, но верно выровнялось. Видимо, пилот вражеского истребителя посчитал, что уничтожил шаттл, и принялся за другие, либо ему стало не до них и он спасал собственную жизнь, уходя от огня самолетов прикрытия. Какой из двух вариантов был верным, Камышов не знал, но он был счастлив, что их оставили в покое.

«Вот только как теперь будем стыковаться», – подумал лейтенант, глядя на огромную дыру, в которой то и дело мелькали какие-то точки, стремившиеся продырявить друг друга выпускаемыми ими еще более мелкими точками.

Но тут весь обзор закрыла какая-то стена.

«Борт корабля», – понял лейтенант.

– Касание! – подтвердил догадку Романа бортовой компьютер.

И снова резак принял за дело, вырезая овалы для «ХК-13А» и людей. В образовавшиеся щели ураганом врывался воздух, но это не мешало механизмам шаттла делать свое дело, и вскоре овалы были вырезаны.

Камышов так и не знал, почудилось ему или нет, но ему показалось, будто в шаттл втянуло несколько тел, после чего их выбросило в пробоину в борту челнока. Но спрашивать ни у кого он не стал, сейчас было не до этого, надо было думать, как самим не вылететь наружу.

Но тут давление врывавшейся атмосферы стало настолько большим, что стальная пластина не удержалась на креплениях и, сорвавшись, практически запечатала рваное отверстие. Давление несколько выровнялось, хотя воздух по-прежнему со свистом покидал корабль.

– Вперед!

Роботы будто только и ждали этого приказа, чтобы начать штурм.

88

Штурм был страшный. Эмир Шалим Аль Хусейн наблюдал за тем, как разлетаются челноки, цепляясь к кораблям, в том числе и к его судну, как по коридорам носятся эти железные монстры, расстреливая экипаж из своих крупнокалиберных пушек, и, что самое неприятное, они подрывали себя, забежав в какое-нибудь укромное место.

Но его экипаж оказался на высоте, недаром, что своего правителя защищали. Постаралась и личная охрана эмира. Вот только осталось ее немного. Но если на «Жемчужине» абордаж успешно отбили, то у брата дела по всей видимости обстояли иначе – он передал ему все свои властные полномочия, а случиться такое могло только в одном случае – его взяли в плен.

Аль Хусейн чуть не задохнулся, когда увидел, что на капитанский мостик проникли его старые знакомые. Он, конечно же, знал, что неверные сбежали из его резиденции, угнав его личный шаттл, а потом и «охотник», новообращенный оказался предателем, но не думал, что они возьмутся за старое. И как возьмутся!

В горле перехватило, когда голова брата лопнула, как арбуз. «За это они дорого поплатятся, – мстительно подумал эмир Шалим Аль Хусейн. – Кровью умоются, неверные...»

Между тем некоторые корабли теряли ход, забирали куда-то в сторону. Один даже взорвался полностью. Иногда было видно, как вдруг борта этих и других кораблей в каком-нибудь месте освещала яркая вспышка. Эмир уже знал, что это роботы-камикадзе подрывают себя.

Взрывы были практически у всех, но не все потеряли ход, в большинстве кораблей команда ценою больших потерь сумела отбить абордажные атаки и корабли смогли продолжить путь.

– Двигайтесь прямо к Земле, – приказал эмир.

Хусейн передал руководство флотом своему адмиралу, поскольку сам слабо разбирался в тактике космического боя.

– Но, мой господин...

Адмирал-паша хотел сказать, что нельзя воевать на два фронта, но следующий выкрик эмира расставил все точки над «и».

– К Земле!

– Слушаюсь, мой господин.

И вот когда казалось, что кошмар закончился, он начался с новой силой.

Из-за метеоритного пояса появились цели. Они мчались к флоту на полном ходу, и адмирал-паша подумал, что, может быть, и правильно, что пошли в обход. Иначе у этих

судов был бы реальный шанс показать себя во всей красе, выпрыгнув из-за какого-нибудь валуна и всадить торпеду в борт, а так их просто расстреливали из орудий, как в тире. Правда, тут появился один авианосец, вот с ним возможны разные варианты.

Все завертелось по-новой. Авианосец, воспользовавшись тем, что основные силы флота расстреливают малые суда, приблизился на максимально близкое расстояние и выпустил целый рой своих истребителей. Одновременно с этим сорвались с кораблей шаттлы.

– Что происходит?

– Я не понимаю... – признался адмирал-паша, наблюдая за тем, как шаттлы буквально отовсюду устремились к «Жемчужине», словно металлическая стружка к магниту. – Они ведь пустые, а в качестве камикадзе не нанесут нам вреда, просто разобьются о борт корабля и все...

– Ну, так сделай что-нибудь!

– Конечно, мой господин.

Адмирал-паша отдал необходимые приказания, впрочем, они уже начали выполняться с опережением. Кто-то на свое усмотрение открыл огонь и выпустил из ячеек авианосцев истребители для прикрытия флагмана.

Завертелась новая карусель. Шаттлы без должного прикрытия горели как дрова, но это их не могло остановить, и они, прорвавшись сквозь заслон, липли и липли к борту «Жемчужины».

На первом этапе их пытались «срезать», сбив ракетами, но потом такая тактика стала наносить больше вреда, чем пользы. Резаки успевали прорезать борт корабля и образовывалась пробоина, приводившая к разгерметизации отсеков, поэтому самолеты отозвали.

– Сколько их?! – спросил эмир, когда прекратились доклады о шумах за бортом. Сам Хусейн сбился со счета.

– Семьдесят два борта, мой господин.

– О! Всевышний!

– Не все так плохо, мой господин, – произнес адмирал-паша после десяти минут ожидания, когда стали поступать новые доклады.

– Почему?...

– Они пустые, кроме десяти с «Грозы» – флагмана вашего брата.

– Так уничтожьте их.

– Мы этим занимаемся, мой господин.

Шло время. Ослабленная в прошлом отражении атаки команда билась против такого же ослабленного противника. Дела шли с переменным успехом. Там, где из шаттла вышло до пяти роботов, операции по их ликвидации проходили вполне успешно, там, где высадившихся было больше, хорошо шли дела у «ХК-13А».

– Первый отсек очищен, – донеслось спустя час после начала штурма.

– Это где? – не понял эмир.

– Носовое отделение, мой господин, – пояснил адмирал-паша. – Там пристыковался всего один шаттл с роботами.

– Ясно...

Шли долгие, а главное тревожные минуты ожидания. Доклады поступали один за другим. Большинство относилось к разряду того, что прилипшие шаттлы оказались пустыми, а если и нет, то роботов было так мало, что их быстро уничтожали.

Но случалось и иначе. Некоторые отсеки молчали и, что самое неприятное, были в непосредственной близости от второго отделения, где и находился командный пункт. К счастью для эмира, на борт отсека, где находился он, прилипли только пустые шаттлы.

– Мой господин, может, вам лучше перейти в ЗКП? – предложил начальник охраны.

– А смысл? Нас и там найдут, если захотят, так что лучше лишний раз не дергаться.

Только сам Аль Хусейн знал, как тяжело дались ему эти слова.

Страх буквально замораживал мозг, и, быть может, он остался на месте именно из-за

того, что боялся вообще куда-либо идти, когда где-то бродят эти жуткие монстры.

– Третий отсек потерян, – глухо доложил адмирал-паша, хотя еще десять минут назад оттуда рапортовали об успехе. – Команда слышит свист.

– Какой еще свист?!

– Режут стену во второй отсек, мой господин. Вам действительно лучше укрыться в ЗКП.

– Не могу...

Бой в отсеке разгорелся с новой силой, это даже можно было наблюдать на экране. Роботы пытались проникнуть внутрь, но отважные матросы забрасывали их гранатами и расстреливали из трофейного оружия, оказавшегося самым действенным против роботов. Но и их силы в этой схватке быстро таяли – роботы, несмотря ни на что, ломились вперед, и им это удавалось.

Изображение помутилось, но за секунду до этого эмир видел, как в отсек через отверстие пробилась струя огня, заполнившая все помещение.

– Они внутри. Хорошо, хоть криков не слышно... Приведите сюда «янычара».

89

Атаковавшие действительно ворвались внутрь. Лейтенант видел кругом разрушения, видно, что предыдущий раз роботы хорошо постарались, искромсали все и вся. Были видны огромные разрушения, буквально смятые стены коридоров, это робот-камикадзе взорвался раньше положенного, видимо, от попадания гранаты во взрывчатку. От пули взрывпакеты не детонировали.

Отряд двигался вперед, не встречая на своем пути сопротивления, Камышов понимал, что команда практически перебита еще в прошлый раз, и им сейчас противостоят лишь ее остатки.

Они проходили уровень за уровнем, на каждом из них теряя по одному-два робота. Защищавшиеся пытались устраивать засады, но солдаты уже достаточно хорошо изучили планировку корабля и, оставив часть «тринадцатых» продолжать бой, заходили засаде в тыл.

На все это требовалось очень много времени, прошло несколько часов таких изматывающих рейсов, прежде чем отряд достиг капитанского мостика «Жемчужины».

Четыре робота справились с задачей по ликвидации оборонительного рубежа, но погибли сами, и не без помощи своего собрата огнеметчика. Один из защитников все же пробил емкость со смесью, она вспыхнула, а взрывом разметало и баррикады, и защитников, и атакующих.

– Как будем вскрывать коробочку? – поинтересовался старшина Фрейндлих. – Чувствую я, тут брони не пожалели.

– А где резак?

– Так сгорел же. Ты же сам видел, какой огонь прошелся по коридору, чуть нас до хрустящей корочки не поджарил.

Лейтенант кивнул. Солдаты еле успели отбежать, но если бы на них не было «орланов» или их повредили, они сгорели бы так же, как и матросы. А так лишь бронестекла закоптило, да по коридору словно щепки покидало. Но это не страшно, пара синяков и только.

– Вроде бы ярусом ниже «резак» лежит, – вспомнил сержант.

– Хорошо Петр, возьми Рашида, Глеба, Серого и за ним. Только осторожно.

– Без проблем, командир.

Названные солдаты убежали вместе с сержантом и через пять минут вернулись с резак и емкостью с топливом для него.

– И как с этим быть? – спросил Роман, посмотрев на инструмент. – Кто-нибудь знает, как всем этим пользоваться?

– Я могу попробовать... – подошел к резаку Сергей. – Я когда-то сварщиком работал...

– Давай.

Солдат подошел к огнемету, поизучал его несколько минут, покрутив различные вентили. От одного такого поворота полыхнуло пламя, от которого все отскочили, после чего рядовой встал и поднял огнемет.

– Кажется, все ясно, вот это...

– Если ясно, то режь. А то эти бородатые перегруппируются и снова полезут.

– Хорошо.

Серый, как еще звали солдата, поменял насадку и, доведя язычок пламени до нужного состояния, поднес горелку к поверхности двери, и началась долгая работа по вырезанию круга.

Работа подходила к концу. Круг получился не ахти какой ровный, но главное сделано, и через минуту он уже должен был вывалиться.

Вдруг произошел сильный удар, и Серого смяло вылетевшим этим самым практически вырезанным кругом. Никто ничего не понял, но и на взрыв это не походило. Создалось такое впечатление, будто кто-то просто долбанул с той стороны огромным молотом.

В следующую секунду двери, на взламывание которых потратили столько сил и времени, открылись, разойдясь в стороны.

«Двенадцатый»... – заторможенно подумал Камышов, глядя на стоявшего в проеме робота-пехотинца. – Он как здесь оказался?»

Впрочем, додумать до конца не удалось. «ХК-12С» открыл стрельбу из своей страшной пушки, и троих солдат буквально припечатало к стенке, с такого близкого расстояния разорвав их броню, как бумагу. Остальные, проявляя чудеса ловкости, кинулись врассыпную.

Вслед за трофейным роботом появились обычные люди и стали помогать своему железному товарищу. Завязалась перестрелка. С помощью гранат людей удалось оттеснить назад, а вот «двенадцатый» пошел «охотиться».

Пули «аддеров» барабанили по нему, оставляя только вмятины. Оуткасты стали наседать.

Роман бросил две гранаты. Одну, чтобы снова оттеснить бородатых, другую – в робота. Но последняя граната, ударившись об его ногу, отскочила и взорвалась уже в стороне, не причинив «двенадцатому» большого вреда. Разве что он прихрамывать начал.

– Не двигайся, иначе мозги вышибу, – прозвучало за спиной лейтенанта Камышова, и он предпочел поднять руки.

– Хорошо. Только робота остановите.

– Остановим...

Оказалось, что схватили не только лейтенанта. Всех пленных привели на капитанский мостик пред ясны очи эмира Аль Хусейна, восседавшего в командирском кресле, на некотором возвышении относительно всех остальных.

«Шестеро», – уныло посчитал оставшихся в живых солдат лейтенант Камышов, включив в это число и самого себя.

Противник действительно перегруппировался и зашел в тыл в самый неподходящий момент, когда все были заняты роботом и не заметили подошедших сзади матросов. Чем многие заплатились жизнью. Остальных взяли в плен.

– Доигрались, суки, – довольно произнес эмир Аль Хусейн, поглядывая на неверных, позади которых стоял стальной «янычар». Позади них стояла личная охрана эмира, числом десять человек – все, что осталось от полусотни.

– Что делать будешь? – спросил Роман, отметив, что их даже не связали.

«Да и зачем нас связывать? Одно движение мизинца, и нас расстреляют, как куропаток, двинуться не успеем», – тут же ответил себе на свой вопрос Роман.

Они стояли на коленях, и, словно издеваясь, перед солдатами в трех метрах от них сложили всю их амуницию: оружие, бронежилеты, пару гранат. Но ни до чего нельзя было дотянуться. Охрана смотрела зорко.

– С ними – знаю. А вот с тобой еще не придумал, – честно ответил Аль Хусейн. – Еще

не придумал я такую смерть, которой хоть как-то можно было бы компенсировать мои страдания! Ты должен умирать медленно и максимально мучительно. Ты будешь умолять о пощаде, ноги мне целовать, чтобы я тебя прикончил быстро...

90

Амели долго лежала на кровати, слегка прикрытая простыней, так долго, что начала возвращаться способность думать и понимать.

– Чего разлеглась?! Оделась бы! – прикрикнула старуха Замфири, закончив уборку. Эмир часто психовал и разбрасывал вещи.

К тому же она была недовольна новой женой Хусейна, развалившейся в бесстыдной наготе, это раздражало ее религиозные чувства. Ей часто приходилось одевать ее и кормить с ложечки. Замфири считала Амели сумасшедшей, что было недалеко от истины.

– Могла бы и поработать немного... а то мне из-за тебя приходится выслушивать в свой адрес всякие мерзости!

Стоун никак не отреагировала на выкрики старой служанки, но села и набросила на себя легкий халат. Ей уже было на все наплевать, но какие-то незаблокированные остатки разума позволяли сохранять минимальные правила приличия.

Потом начались странные вещи. Даже через звуконепроницаемую дверь было слышно, как топают десятки ног, разбегаясь по всем направлениям корабля.

Еще через какое-то время послышались глухие удары о борт корабля, и если приложить руку к стене, то можно было почувствовать вибрацию от очередного удара.

Амели видела, как мечется по комнате служанка. Она что-то собирала, а потом все бросала и падала на колени, вздрагивая и вереща при каждом ударе за дверью и дробном стуке: это были шаги роботов, расходившихся по всему кораблю и расстреливавших все, что движется.

«Если она боится, значит... – подумала Амели. Это была одна из немногих мыслей, родившихся в ее голове за последний месяц, и даже ее она не смогла додумать до конца: – Что же это значит для меня ее страх?»

Забухали взрывы, и жутко взревела сигнализация. По ушам словно ударили ладонями, и пришлось сглотнуть, чтобы снова нормально слышать и избавиться от неприятных ощущений.

Старуха заверещала еще сильнее. Она знала, что произошло, если таким образом заложило уши – взрывная разгерметизация.

Амели Стоун замерла, половиной тела спрятавшись за дверью в уборную, когда послышались чьи-то механические шаги за стеной и легкий звук расходящейся двери в каюту. Потом еще шаги, удар, и дверь в комнату влетела внутрь. Замфири заорала еще сильнее, будто увидела перед собой демона Темного мира, заставив Амели поморщиться, что было также первым проявлением чувств.

Робот сузил свои красные глаза, словно размышляя: враг перед ним или друг, но, не увидев опознавательных знаков союзника, выдал короткую очередь, и уже бесформенное тело старухи отбросило на кровать, залив ее кровью дорогое шелковое покрывало, которое она так и не успела поменять до прихода хозяина.

«Тринадцатый» осмотрел комнату, повернув голову, но никого больше не заметил – Амели тихонько сдвинулась в сторону, скрывшись из поля зрения «ХК-13А». После этого робот развернулся и зашагал прочь. У него имелось четкое задание, и он должен его выполнить.

Амели Стоун при виде окровавленной кровати вдруг испытала необычайное чувство внутреннего удовлетворения, которое поразило даже ее саму – ярого сторонника ненасилия.

Все стихло, а мучителя по-прежнему не было. «Может, его убили?» – с надеждой подумала Амели. Она вдруг вспомнила, что с ней происходило все это время, эту перекошенную от удовольствия рожу, это вонючее тело, которое подвергалось омовению

только раз в неделю.

Воспоминания оказались слишком яркими, и Стоун снова провалилась в ступорное состояние. Из него ее вывели уже знакомые удары о борт и последующие звуки выстрелов, крики матросов и взрывы.

Амели почему-то была уверена, что эти уж точно убьют ненавистного ей мучителя, и пошла посмотреть, как это сделают. Она не была уверена, что, несмотря на все мучения, вынесенные ею, она сможет его убить сама.

Звуки боя стихли, и она заблудилась в бесконечных развязках коридоров. Она спускалась и поднималась, поворачивала то направо, то налево. Трупы людей уже не пугали ее, только вызвали какую-то брезгливость, Амели не хотела наступить ногой в эти лужи крови и мозгов.

Ее больше пугали пробегавшие живые матросы, в переходах добивавшие оставшихся немногочисленных роботов, все еще выполнявших свою задачу, не понимая, что в этом нет уже никакого смысла. А вскоре она пошла именно по тем коридорам, где этих трупов валялось больше всего.

Решение было бессознательным, но именно оно и привело ее туда, куда она так хотела попасть – на капитанский мостик.

Здесь лежало много трупов, пожалуй, больше всего, они лежали вперемешку с роботами. Но несмотря на свое нездоровье, одно из лиц она узнала сразу. Это был один из ее пациентов – солдат из темных веков.

Шлем сняли, видимо, солдата проверяли на признаки жизни и, убедившись, что он мертв, оставили лежать на месте.

«А что случилось с Романом?!» – с непонятными для себя ужасом подумала Амели Стоун, припомнив это его вечное «что вы делаете сегодня вечером?».

Солдата убили в спину, но он крепко сжимал свой автомат. Может, именно поэтому Амели и захотела его взять, потому что это оружие представляло для него ценность. Пальцы погибшего солдата, схватившего «аддер» мертвой хваткой, поддавались плохо, но стоило разжать один из судорожно сжатых пальцев, как и все остальные разжались сами собой, высвободив оружие, будто понимая, что живым оно сейчас нужно больше всего.

– Спасибо, – поблагодарила Амели, и дрожащими пальцами закрыла в ужасе открытые и уже помутневшие глаза.

Для ослабленного от долгого отказа от пищи организма автомат оказался невероятно тяжелым. Но Амели все же удалось его поднять, повесив ремешок на шею. Она отлично знала, за какой крючок нужно дергать, чтобы выстрелить, а главное почувствовала, что сможет это сделать.

Неподалеку слышались голоса. Амели осторожно пошла вперед и остановилась, увидев стоящих на коленях шестерых своих пациентов. Над ними возвышался робот «ХК-12С».

«Но почему он не стреляет? – не понимала Амели. – Ведь позади стоят его враги...»

И словно услышав ее немой вопрос, один из солдат спросил:

– Как же вам удалось переманить робота на свою сторону?

– Думаешь, мы совсем дикари, неверный?!

Амели узнала ненавистный голос эмира и стала осторожно передвигаться так, чтобы увидеть его, для чего пришлось выйти из тени, но ее по-прежнему не замечали.

– Нет, мы не дикари... мои программисты перепрограммировали его на порядок лучше. Ему даже не нужны опознавательные знаки, штрихкоды и прочая мура, чтобы видеть, где свой, а где чужой.

– Действительно, гораздо удобнее. Пожалуй, ваши программисты лучше...

Амели встретила глазами с одним из солдат, это был тот самый лейтенант Камышов. Его губы что-то прошептали, но она никак не могла понять, что именно он хочет ей сказать.

«Стреляй», – наконец-то прочитала она.

«Стрелять?» – также беззвучно переспросила Амели Стоун.

«Да, стреляй...»

Роман лихорадочно думал, что бы предпринять, поскольку было ясно, скоро его в лучшем случае четвергуют, про худший случай думать даже не хотелось. Но и на безрассудный поступок вроде затяжного прыжка к оружию он тоже готов не был, так как понимал, что не успеет, потому и задал вопрос про «янычара», чтобы хоть как-то потянуть время, а там, глядишь, что-нибудь да срастется. Либо охрана допустит ошибку, либо сам эмир спустится, чтобы лично попинать пленников, и тогда его можно будет достать, пусть и ценой своей жизни.

– Действительно, гораздо удобнее. Пожалуй, ваши программисты лучше...

На последнем слове Камышов подавился, он не поверил своим глазам, увидев Амели, словно привидение, вышедшую из тьмы коридора. Худая, как скелет, бледная, но с оружием в руках и с пальцем на спусковом крючке.

– Стреляй, – одними губами шептал Роман, буравя Амели взглядом, словно гипнотизируя ее, чтобы она поняла его лучше.

Непорядок заметил и эмир.

– Эй, ты чего, с катушек слетел, неверный?... – спросил он.

– Стреляй, – продолжал шептать лейтенант, не обращая внимания на Аль Хусейна, хотя он отлично понимал, что время катастрофически тает и сейчас возможную спасительницу заметят.

«Стрелять?»

– Да, стреляй...

Роман краем глаза видел, как эмир Хусейн поворачивает голову, чтобы проследить за взглядом пленного.

– Хорошо, – ответила Амели.

– Ложись! – прокричал лейтенант, когда увидел, что палец Амели Стоун начинает нажимать курок автомата, направив ствол прямо на них.

– Убей их всех, «янычар»! – закричал эмир Аль Хусейн, но его голос потонул в гулких выстрелах «аддера».

Солдаты упали плашмя вовремя. Очереди буквально прошли у них над головами. Не успевшая среагировать охрана также попыталась скрыться от губительного огня, но секундная задержка сделала свое дело, и половина охраны и большая часть матросов упала на пол, уже не подавая признаков жизни.

Отдача и неумение стрелять отбросила Амели на стенку, но она так и не отпустила палец с курка до тех пор, пока не вышли все патроны.

Заработал и «янычар». Он поднял свою руку с автоматом в поиске цели.

Сержант Галс одним из первых бросился к валявшемуся в куче оружию, но, как и все остальные, он увидел, что робот ожил и, схватив гранату, бросился обратно, по пути выдергивая чеку.

Робот не оплошал. То ли оуткастские программисты ввели новую функцию, то ли земные инженеры постарались по настоянию Камышова и других, отметивших этот недостаток в первых моделях, но «янычар» обладал возможностью рукопашного боя, и свободной рукой схватил сержанта за горло своими тремя стальными пальцами.

Одно движение и голова Петра безвольно откинулась назад. Задержались в посмертной судороге ноги и начала выпадать из ослабших рук граната. Еще одна конвульсия, и граната полетела вниз.

Голова звенела пустотой, мысли словно попрятались в самых глубоких щелях сознания. Роман действовал, как автомат, он видел, что робот уже стреляет и в сторону летит пробитое навылет тело Рашида Алимова, впрочем, при таком попадании не помог бы даже сейчас отсутствующий бронежилет. В кого-то целится Чуй.

Все это зафиксировалось, но не осмысливалось. Камышов подскочил к роботу,

увернувшись от строчащего автомата, и подхватил выпавшую гранату. После чего, словно баскетболист, взмыл вверх и заложил заряд в расщелину между головой и грудью «двенадцатого».

Прошли оставшиеся две секунды, за которые лейтенант успел зайти роботу за спину, и раздался взрыв, подбросивший вырванную с корнем голову «ХК-12С», ударив ее о высокий потолок капитанского мостика.

«Янычар» упал, подмяв под себя тело сержанта Галса, но тому уже было все равно.

Оставшиеся трое солдат добивали охрану эмира, которого Роман никак не мог отыскать взглядом. Исчезла и сама Амели.

Камышов выскочил в коридор, на ходу подхватив пистолет и десантный нож, автоматически засунув его назад, за спину.

Амели Стоун уже практически пришла в себя и отчаянно сопротивлялась, мешая Хусейну быстро скрыться, но он ее не бросал, шестым чувством понимая, что это его шанс остаться в живых, потому как больше никого этот неверный не пощадит, да и нечем ему было больше прикрыться. Ну не собственными же матросами? Смех один.

– Стой, – просто сказал лейтенант.

Шалим Аль Хусейн остановился, и даже его жертва затихла от спокойного и решительного голоса Камышова.

– Не подходи... Положи пистолет и отойди.

– Хорошо.

Роман выполнил условия. Сложил «ДОТ-11» у ног и отошел на несколько шагов назад. Эмир, придерживая Амели, подошел и приказал ей поднять оружие. Стоун наклонилась, присел и сам Аль Хусейн, но все же недостаточно низко, и нож, блеснув режущей кромкой, вошел эмиру в плечо. Пистолет, который Хусейн держал в руке, выпал, так и не выстрелив.

– Вставай.

Роман поднял упавшего эмира, пытавшегося вытащить нож из плеча, но у него ничего не получалось. Ему было слишком больно.

92

Эмира Шалима Аль Хусейна лейтенант приволок обратно на капитанский мостик.

Тем временем оуткастский флот подходил к Земле, беспрепятственно пройдя Марс. Земное командование, по всей видимости, отвело все корабли к Земле.

Камышов думал организовать у Марса очередной рубеж из восстановленных в прошлых боях кораблей, которые были повреждены, но при мелком ремонте могли продолжить исполнять свое прямое предназначение. Но этого не произошло. Восстанавливать было практически нечего.

На широком экране зрители хорошо видели, как завязывается очередной бой между земным и оуткастским флотом возле Луны. Шансов у первых не было. Никаких.

Имперские корабли быстро подбили десяток крейсеров и продолжили путь к Земле, где остались последние сорок авианосцев. Максимум, что они могли, так это задержать десантирование, сбить сотню другую десантных шаттлов и все. И это в самом благоприятном случае.

Понимал это и Аль Хусейн.

– Вы проиграли, неверные, – злобно шипя, выдавил из себя эмир, зажимая кровоточащую рану. – Так что сложите оружие и сдайтесь на милость победителя.

– Это ты-то победитель?!

– Да, я!

Десантные транспорты действительно строились в ряды, чтобы удобнее было сбрасывать десант, а линкоры и крейсера устремились вперед, чтобы еще загодя разобраться с авианосцами и по возможности вообще ликвидировать всякую опасность для десанта.

– Останови свои корабли, и тогда уже я проявлю к тебе снисходительность, – глухо

проговорил Роман. – Иначе...

– Иначе, что?!

– Я убью тебя.

– И чего ты этим добьешься? Землю уничтожат, так и знай!

Камышов надавил на рану эмира, и тот взвыл от боли.

– Ты не понял. Я буду убивать тебя медленно, отрезать кусочек за кусочком, как это ты так недавно мне обещал. Поверь мне, я это умею не хуже твоих мясников. И некоторый опыт имеется...

Хусейн взглянул в глаза лейтенанта, но не увидел там ничего, кроме пустоты и... может быть, грусти, которая почему-то напугала его больше всего. Он понял: этот человек добьется своего так или иначе.

– Хорошо... я отзываю корабли.

Эмир действительно отзывал корабли, и уже посыпавшиеся с транспортов десантные челноки стали возвращаться обратно на материнские корабли. Командиры кораблей не понимали, требовали объяснений. Некоторые даже в открытую обвиняли своего эмира в предательстве, но оставшиеся верные своему правителю капитаны по его приказу быстро навели порядок, дав по мятежникам предупредительные залпы.

С Земли сами вышли на связь. Лицо президента Земной Федерации выглядело радостным и прямо-таки светилось от счастья. Видно, что он и все, кто был рядом с ним, готовились к смерти, и такое неожиданное избавление у большинства забрало последние силы, и они смеялись в своих креслах, чуть ли не истерично.

– Спасибо вам, спасибо! – говорил президент Стив Гуттенберг, никак не находя нужных слов благодарности. – Мы не забудем этого никогда! Вы спасли Землю от порабощения или того хуже – уничтожения! Вы спасли всю нашу цивилизацию, наш образ жизни, наши ценности...

Президент говорил что-то еще, слова лились из него, как из рога изобилия, но лейтенант его уже не слушал.

Камышов повернулся к своим оставшимся в живых людям, их было трое.

– Что ты задумал? – спросил старшина Фрейндлих, забинтовывая себе руку.

Роман перевел взгляд с Аль Хусейна на ту часть экрана, где по-прежнему были видны корабли, и обратно на президента и на чумазию Амели.

– Это нежизнеспособная цивилизация...

– Ромео... – вкрадчиво зашептал старшина, поняв наконец, что задумал лейтенант. Поняли это и остальные. – Не делай этого. Хотя...

– Чего не делать? – не поняла Амели.

– Давай Хусейн, отдавай приказ, – сказал Роман, оставив вопрос доктора Стоун без ответа. – Начинай штурм, но только силами десанта, без авиационной поддержки. Непосредственно в городах не приземляться. Ты понял?

– Понял...

– Что вы натворили?! – завопил с экрана президент. Его лицо перекосило от ужаса. – Не делайте этого! Ведь тем самым вы разрушите, вы уничтожите нашу цивилизацию!

– Разрушу, но не уничтожу, – не согласился с президентом Роман. – Десант даже не доберется до городов. Ведь на поверхности многомиллионная армия роботов. Скорее всего, людям даже не придется стрелять, десант уничтожат раньше.

– Но зачем?

– Вы добрые, но слабые... Еще древние говорили, что добро должно быть с кулаками. Они, – Камышов показал на эмира, – они вернутся в любом случае, такова их природа, даже если бы ушли сейчас. И они вернутся, может, через сто, может, через двести лет, но вернутся. Возможно, не так, как сейчас, с армадой боевых крейсеров, а исподтишка, с террором. Будут взрывать корабли, подсылая своих смертников, или даже целые города, пронеся мимо полиции, от которой осталось одно название, пару атомных бомбочек.

Поэтому вам нужно показать, что Земля уязвима. Ведь через десятки лет все забудут, какими жертвами удалось отстоять планету, все будут помнить, что ее отстояли и враг на нее даже не ступил и не поработил, а значит, нечего бояться и можно жить дальше, как жили. А так жить нельзя, вы должны уметь защищать себя. Пожалуй, все... Давай эмир, командуй десантирование.

И Шалим Аль Хусейн отдал приказ о штурме.

Десантные боты, только что прикрепившиеся к своим кораблям, снова пошли к Земле. Их было много, очень много.

Роман повернулся к Амели, он хотел по старой привычке поинтересоваться: «Что она делает сегодня вечером?», но передумал, увидев ее дикий взгляд, и лейтенант не мог понять, чего в нем больше: сумасшествия или животного ужаса от того, что он сделал с ее привычным миром.

«Надеюсь, с ней будет все в порядке», – с надеждой подумал лейтенант.

– И что теперь? – спросил Аль Хусейн и тут же пожалел, что вообще подал голос.

– Мавр сделал свое дело, мавр может уходить...

Грянул выстрел, и эмир, всплеснув руками, завалился на живот.

Эпилог

Прошел год с того момента, как лейтенант Роман Камышов позволил оуткастам десантироваться на Землю и, как он и ожидал, у них ничего не вышло. Люди без поддержки авиации ничего не смогли сделать с роботами, у которых, в свою очередь, эта авиация была. Так что бои шли недолго, но важно было то, что они все-таки шли.

Роман со своими оставшимися людьми перебрался на Анхорит не только потому, что его на Земле объявили персоной «Нон грата», но и потому, что психология и образ жизни отшельников ему был более понятен и привычен.

С собой Камышов прихватил десяток линкоров имперского флота в качестве трофея, организовав свое частное охранное агентство. Поскольку после поражения на Оуткасте началась самая настоящая гражданская война, очень много кораблей некогда могучего Имперского флота отошли к различным кланам, и они стали промышлять пиратством, а потому торговцам требовалась хорошая защита, так что его бизнес процветал.

Роман выкупил офис самого богатого судовладельца мистера Бартоломео Лютца, собственно, он и направлялся на встречу с ним для заключения сделки. Для сопровождения его каравана в дальнюю колонию, находящуюся практически на границе освоенного космоса, требовался надежный конвой.

На пороге Роман встретил старшину Фрейндлиха, нынче начальника безопасности. Он улыбался во все тридцать два зуба.

– Ты чего такой веселый? – удивился Камышов. – Вроде бы травкой не балуешься.

– Ничего Ромео, ничего...

– Ну-ну...

Роман направился к лифту и вдруг позади себя услышал знакомый женский голос:

– Что вы делаете сегодня вечером?

Камышов обернулся. Перед ним стояла Амели. В ее глазах исчез нездоровый безумный блеск, лишь черты лица неуловимо изменились, став, что ли, более острыми.

– Ничего, доктор Стоун. Но я с радостью поменял бы все свои планы, если бы они были...